

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта імя У. І. Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з 1969 года адзін раз у чатыры
месяцы

СЕРЫЯ III

ГІСТОРЫЯ

ФІЛАСОФІЯ

НАВУКОВЫ
КАМУНІЗМ

ЭКАНОМІКА

№ 3
ЛІСТАПАД

ПРАВА

Фундаментальная библиотека

БГУ

01152670

БІБЛІЯТЭКА
БЕЛАРУСЬКАГА Дзяржаўнага
універсітэта
імя У. І. Леніна

Галоўная рэдакцыйная калегія часопіса:

М. Д. ЦІВО (галоўны рэдактар),
П. М. БАРАНОЎСКІ (адказны сакратар), В. С. ГРЫГОР'ЕУ,
Г. П. ДАВІДЗЮК, У. Р. ІВАШЫН, В. Р. РУДЗЬ (нам. га-
лоўнага рэдактара), А. М. САРЖЭЎСКІ, А. Я. СУПРУН,
І. Р. ЦІШЧАНКА

Рэдакцыйная калегія серыі:

Г. П. ДАВІДЗЮК (адказны рэдактар),
М. І. БАЗЫЛЕЎ (адказны сакратар), П. П. ДРОНЬ, Э. М.
ЗАГАРУЛЬСКІ (нам. адказнага рэдактара), Л. Ф. ЯЎМЕ-
НАЎ, М. І. ЖУКАЎ, А. С. КЛЯУЧЭНЯ, Г. М. ЛІУШЫЦ,
Ф. І. МЕЛЬНІК, І. Д. ПРАХАРЭНКА, Т. І. ПРЫТЫЦКАЯ,
В. Ф. ЧЫГІР, М. Р. ЮРКЕВІЧ

**ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА**

Серия III, № 3, 1980

Издательство Белорусского государственного университета
имени В. И. Ленина
220048, Минск, Парковая магистраль, 11.

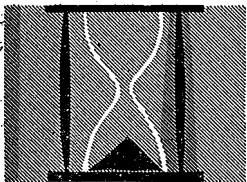
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 22-87-54.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А. А. Сычоў
Малодшы рэдактар Г. М. Добыш
Мастацкі рэдактар Л. Г. Мядзведзева
Тэхнічны рэдактар і карэктар Г. І. Хмарун

Здадзена ў набор 04.09.80. Падпісана да друку 17.11.80. АТ 13653. Фар-
мат 70×108¹/₁₆. Высокі друк. Ум. друк. арк. 8,4. Ул.-выд. арк. 10,27.
Тыраж 1205 экз. Заказ. 1438.

Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 22-87-54.
Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна.
220048, Мінск, Паркавая магістраль, 11. Ордэна Працоўнага Чырвона-
га Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП Беларусі, 220041, Мінск, Ле-
нінскі пр., 79.

Гісторыя

М. Г. ЖАРКОВ

ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕШАЮЩЕЙ РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА И ЕГО ПАРТИИ В ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Буржуазные авторы, фальсифицируя истину, как правило, утверждают, что в России в 1917 году не было зрелого, организованного и сознательного рабочего класса, способного увлечь за собой трудящиеся массы. Если верить американскому историку Кларксона, «русский рабочий в большинстве случаев не был пролетарием. Он оставался крестьянином, не говоря уже о том, что общее число рабочих было незначительно»¹. Наши идейные противники не жалеют усилий, чтобы доказать «незаконмерность» Октября. По их мнению, «преобразование общества по пути социализма может быть успешным, если оно совершается в экономически высококоразвитой стране, где промышленный пролетариат составляет большинство населения»². Но поскольку Россия к 1917 году не относилась к разряду таких государств, то, следовательно, революция в октябре «не была социалистической»³.

Дореволюционная Россия по уровню своего социально-экономического развития действительно отставала от некоторых стран Запада. Однако важнейшие общественные проблемы и противоречия, требовавшие революционного решения, отнюдь не носили локальный, ограниченный характер. Они были присущи каждому империалистическому государству тогда и в еще большей степени характерны для империалистического мира сегодня.

России суждено было стать родиной первой в мире социалистической революции благодаря тому, что она оказалась средоточием социального и национального гнета, узловым пунктом противоречий всей системы империализма и наиболее уязвимым и «слабым звеном» в этой системе. Единственный путь для устранения этих противоречий — пролетарская революция. Претворением в жизнь этой всеобщей закономерности общественного развития и явилась Октябрьская революция. Именно поэтому социалистическая революция в России, опыт партии большевиков по ее осуществлению имеют не чисто русское, не только национальное, а международное значение. Ленинизм представляет собой продолжение и творческое развитие марксизма в новую эпоху.

Что касается российского пролетариата, то в его рядах в 1917 году насчитывалось более 20 млн., в том числе 3 млн. 545 тыс. человек составляли кадровые рабочие крупных промышленных предприятий, шахт и рудников⁴. В России уже в конце XIX века сложились кадры потомственного пролетариата. Основные кадры рабочих уже в 80—90-х годах прошлого века состояли на 40, а в начале XX столетия — на 60% из потомственных пролетариев. По Петербургу этот показатель составлял 89%⁵. Дореволюционная Россия имела самый высокий в мире уровень концентрации рабочих. Рабочий класс здесь с самого начала формировался как многонациональный. Национальные отряды рабочих объединялись в общей борьбе вокруг русского рабочего класса. С самого начала пролетариат России выступил как «класс-интернационалист, высоко подняв боевое красное знамя первых бойцов против капитала, знамя Международного товарищества рабочих — I Интернационала, героев Парижской Коммуны»⁶. Слой рабочей аристократии в России, по сравнению с передовыми странами капитализма, был незначительным. Зато много было сознательных передовых

рабочих. Значительная часть пролетариев жила и работала в сельской местности, была близка к массе крестьянства. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» указывал, что в начале 90-х годов прошлого века более трети фабрично-заводских рабочих страны было размещено вне городов⁷. Это позволяло рабочим оказывать непосредственное влияние на крестьян, воспитывать их, выдвигать из своей среды вожakov крестьянских масс.

В таких условиях под руководством своего боевого авангарда — партии большевиков, пролетариат России стал той силой, которая возглавила и привела к победоносному завершению революционное движение угнетенных масс. История нашей страны и мирового революционного движения блестяще подтвердили вывод марксизма о том, что для победы социалистической революции вовсе необязательно, чтобы пролетариат составлял большую часть населения⁸. Сила рабочего класса, утверждал В. И. Ленин, определяется не столько его численностью, сколько политической зрелостью, организованностью, революционными традициями, тесными связями с эксплуатируемыми массами трудящихся и прежде всего с беднейшим крестьянством, наличием марксистско-ленинской партии.

Фальсификацией социалистического характера Октябрьского вооруженного восстания является также концепция, отрицающая участие рабочего класса в его подготовке и осуществлении. Историки капиталистического мира стремятся представить Октябрьскую революцию как дело бежавших с фронта солдат, т. е. крестьян, одетых в военную форму. Подобные заявления необходимы буржуазной историографии, чтобы подвергнуть сомнению руководящую роль рабочего класса в подготовке и проведении революции, опорочить идею союза пролетариата и беднейшего крестьянства. Однако главенствующая роль пролетариата в событиях Октября — факт общеизвестный и неоспоримый. Он подтверждается его активным участием в широком движении за установление рабочего контроля над производством, за объединение в фабрично-заводские комитеты, в июльских событиях, в разгроме контрреволюционного, монархического заговора Корнилова и мощном забастовочном движении, охватившем перед Октябрем все важнейшие промышленные центры страны. Только в сентябре забастовки произошли в 11 областях и губерниях России, охватив Петроград, Москву, Киев, Урал, Минск, Харьков, Саратов и т. д. С еще большей силой стачечное движение, все более принимавшее политический характер, развернулось в октябре, накануне штурма буржуазно-помещичьего строя⁹.

Руководя вооруженным восстанием, партия большевиков опиралась в первую очередь на Красную гвардию, объединявшую в своих рядах цвет рабочего класса. Рабочая Красная гвардия была не только авангардом составивших, осуществлявших захват всех наиболее важных стратегических пунктов столицы, но и самой многочисленной их силой. Непосредственно в вооруженном восстании в Петрограде участвовало 20—22 тыс. солдат и матросов. Численность же рабочих отрядов Красной гвардии в Петрограде составляла 34 тыс., а к середине ноября — 40 тыс. человек¹⁰.

Пролетариат России сыграл ведущую роль в победе Октябрьской революции в центре и на периферии, в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, неизменно и постоянно находился в революционном авангарде социалистического общества. «Ожесточенному вооруженному, политическому и идеологическому сопротивлению реакции, дезорганизации экономики и контрреволюционному саботажу, кровавому буржуазному террору рабочий класс противопоставил высочайшую организованность и сознательную дисциплину, сплоченность вокруг Коммунистической партии, революционную бдительность»¹¹.

Однако признание пролетарского характера Октябрьской революции не отвечает классовым интересам буржуазии и ее идейных защитников, ибо оно равносильно признанию исторической обреченности капитализма и неизбежности его замены социалистическим строем. Делая основную ставку на отрицание исторической закономерности и объективной неизбежности русского Октября, буржуазные историки гальванизируют старые и конструируют новые ложные теории. В частности, по сей день со страниц западноевропейской и американской историографии не сходит давняя клевета, позаимствованная у меньшевиков и оппортунистических теоретиков II Интернационала, о том, будто Великая Октябрьская социалистическая революция была не движением широких народных масс, а неким государственным заговором, переворотом конспиративного вооруженного меньшинства. Наиболее отчетливо это выражается у Г. Штекля. «Октябрьское

восстание, — пишет он в работе «История России», — было поднято не народными массами, а партией русских коммунистов во главе с Лениным»¹². У другого фальсификатора Б. Мейснера Октябрьское восстание — не результат проявления воли широких масс рабочих, крестьян и солдат, а «захват власти строго организованным меньшинством», «государственный заговор», «революция сверху»¹³. Несостоятельность этих вымыслов очевидна.

Великая Октябрьская социалистическая революция была глубоко народной революцией, движением угнетенных масс, самым главным выражением которого явились союз рабочего класса и беднейшего крестьянства, совместная борьба трудящихся всех наций против угнетателей. Историческая заслуга Коммунистической партии Советского Союза заключается в том, что она создала широкий классовый союз пролетариата и крестьянства, сумела привлечь к сотрудничеству в пролетарском и демократическом движении левые, прогрессивные силы страны, стала самой крупной и влиятельной политической партией России.

Советская власть после победы вооруженного восстания в Петрограде сравнительно легко и быстро была установлена почти на всей территории нашей огромной страны, потому что к моменту революционного взрыва на стороне пролетариата и его авангарда, Коммунистической партии, был гигантский перевес сил. «Большевики всегда исходили из того, — указывает Л. И. Брежнев, — что социалистическая революция — это не верхушечный переворот, не заговор группы героев, а движение широчайших масс трудового народа. Постоянно находясь в гуще масс, возглавляя их борьбу, партия сумела сплотить миллионы рабочих, крестьян и солдат в единую армию революции»¹⁴.

Итак, разнообразные доводы буржуазной историографии, отрицающие ведущее значение в Октябрьских событиях 1917 года российского пролетариата, фальсифицирующие подлинную роль в революции партии коммунистов, весьма далеки от истины, от научного поиска и потому не в состоянии достичь своей цели: затормозить мировой революционный процесс. Социалистическая революция в России победила потому, что во главе ее стоял закаленный в суровых классовых боях российский пролетариат, потому что вдохновителем и организатором победы была созданная великим Лениным партия нового типа, которая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом — могучим идейным и революционным оружием трудящихся. Такова правда истории. А правда, как известно, непобедима.

¹ Коммунист, 1967, № 17, с. 83—84.

² Welt am Sonntag, 1967, 12. November.

³ Telegraf, 1967, 19. November.

⁴ См.: Гапоненко Л. С. Рабочий класс России в 1917 году. — М., 1970, с. 71—72.

⁵ См.: Рабочий класс и рабочее движение в России. — М., 1966, с. 140.

⁶ Тезисы ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». — М., 1967, с. 6.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 521.

⁸ См.: Там же, т. 40, с. 23.

⁹ См.: Рабочий класс — ведущая сила Октябрьской социалистической революции. — М., 1976.

¹⁰ См.: Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Август — октябрь 1917 г. — М. — Л., 1965, с. 245, 266.

¹¹ Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». — М., 1977, с. 5.

¹² Stökl G. Russische Geschichte. — Stuttgart, 1962, S. 650.

¹³ Die Welt, 1967, 4. November.

¹⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 2. — М., 1971, с. 79.

В. В. ГЕРМЕНЧУК

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ БЕЛОРУССКИХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции территория Белоруссии была ареной кровопролитных боев. Ее землю топтали

солдаты кайзеровской Германии, банды петлюровцев и гайдамаков, войска буржуазно-помещичьей Польши. Белорусский народ активно участвовал в вооруженной защите завоеваний Октября. Только в 1918 году военные органы неоккупированной территории Белоруссии направили в формируемые части Красной Армии около 100 тыс. рабочих и крестьян¹. Массовые мобилизации в армию коснулись наиболее трудоспособной части населения.

В условиях войны, общей разрухи народного хозяйства семьи мобилизованных в Красную Армию остались без кормильцев. Поэтому Коммунистическая партия и Советское государство делали все возможное, чтобы улучшить материальное положение этих семей. Нетрудоспособные члены семей красноармейцев получали продовольственные пайки. Там, где была введена карточная система, они получали хлебные и продовольственные карточки первой категории. Красноармейские семьи освобождались от уплаты налогов, кроме натурального, не подлежали выселению и переселению из занимаемых квартир, не посылались на принудительные работы.

Распоряжением Народного Комиссариата земледелия от 2 февраля 1919 года крестьяне, мобилизованные в Красную Армию, сохраняли все права на земельные участки, а их семьи в случае недостатка рабочих рук могли применять наемный труд². Государство выдавало семьям красноармейцев крестьян ссуду для найма рабочей силы, приобретения семян и сельскохозяйственного инвентаря. Она погашалась взносами в течение трех лет путем сдачи излишков урожая. Просроченная ссуда могла быть обращена в безвозмездное пособие, если при обследовании красноармейского хозяйства устанавливалась невозможность ее уплаты.

16 октября 1919 года было опубликовано постановление Совнаркома РСФСР, по которому семьи красноармейцев, оказавшиеся на временно оккупированной территории, не утрачивали права на пособия и льготы³. Этот декрет и постановление Реввоенсовета Западного фронта от 15 июля 1920 года о выдаче денежного пособия вперед до трех месяцев⁴ имели особое значение для Белоруссии, население которой после освобождения от белопольской оккупации получало значительную помощь от Советской власти.

Практической работой по оказанию помощи семьям красноармейцев занимались отделы социального обеспечения и земельные отделы Советов (ревкомов), а также специальные комитеты по обеспечению семей красноармейцев. В 1920 году эти комитеты были упразднены. Вместо них при земельных отделах сельских Советов создавались комиссии по оказанию сельскохозяйственной помощи семьям красноармейцев.

ЦК РКП(б) держал под постоянным контролем деятельность местных партийных и советских органов по оказанию помощи семьям красноармейцев. В циркулярном письме губерnskим комитетам партии по этому вопросу указывалось, что из воинских частей поступают жалобы от красноармейцев, сражающихся на фронтах, о том, что их семьи в тылу голодают, не получая достаточной помощи. ЦК обязал партийные комитеты обратить самое серьезное внимание на деятельность отделов социального обеспечения, выделив для работы в них энергичных работников. В письме подчеркивалось, что работа в этих отделах должна приравняться к военной⁵.

На собраниях коммунистов и заседаниях партийных комитетов в то время периодически рассматривались вопросы об оказании помощи семьям мобилизованных в Красную Армию. Так, общее собрание коммунистов Сенненской партийной организации Витебской губернии 24 мая 1920 года заслушало доклад комиссии по оказанию помощи семьям красноармейцев. Собрание вскрыло недостатки в распределении сельхозинвентаря и предложило уездному ревкому производить выдачу реквизированного скота только семьям красноармейцев. Было указано, что на время запашки земли все безлошадные хозяйства красноармейцев должны быть обеспечены в порядке трудовой повинности лошадьми тех граждан, которые имеют их по две—три. Комиссии поручалось обеспечить красноармейские хозяйства сеном и дровами⁶.

Народный Комиссариат социального обеспечения в 1919 году перевел для выплаты продовольственного пособия семьям красноармейцев Витебской, Гомельской и Минской губерний 238 млн. руб.⁷. В 1919 году государственную помощь в Витебской губернии получала 9601 семья, в Гомельской — 34 353 семьи⁸. Семьям красноармейцев Полоцкого уезда Витебской губернии в 1919 году было выдано пайков на сумму 4 171 204 руб.⁹

К осени 1919 года семьи красноармейцев обеспечивались следующими видами помощи: пайком в размере 200 руб. на одного нетрудоспособного, 240 — на двух, 360 — на трех и так далее — до 600 руб., пособием на поддержание хозяйства, посевным зерном, живым и мертвым инвентарем, квартирными деньгами, дополнительными карточками «Красной Звезды», помощью по обработке полей и сбору урожая, дровами, сеном. В 1920 году размеры материальной помощи Советского государства семьям красноармейцев значительно возросли. Только с 1 января по 1 мая 1920 года на выдачу пайков семьям красноармейцев Витебской губернии было ассигновано 75 530 000 руб.¹⁰ В ноябре — декабре 1920 года в городе Минске и Минской губернии было выплачено в порядке помощи семьям красноармейцев 29 759 350 руб., выдано 20 590 аршинов мануфактуры, 14 100 бесплатных обедов, 14 976 пудов дров¹¹.

Важную роль в организации работы по удовлетворению материальных потребностей семей красноармейцев имели проводимые по инициативе партии кампании: «Неделя красноармейского пайка», «Неделя помощи семьям красноармейцев», «Неделя расширения посевных площадей», «Неделя крестьянина» и другие. Так, в апреле 1920 года была проведена «Неделя расширения посевных площадей» в Могилевском уезде. Для ее организации уездный комитет партии выделил 13 ответственных работников, 80 красноармейцев представил партийный комитет 16 армии Западного фронта. По волостям было обработано более 500 десятин земли, собрано и распределено 300 пудов зерна.¹² В августе 1920 года проходила «Неделя крестьянина» в Гомельской губернии. Семьям красноармейцев было выдано продовольственных пайков на сумму 108 млн. руб. В деревнях устраивались мастерские по ремонту сельскохозяйственного инвентаря, проводилась уборка урожая и запашка полей красноармейских семей¹³.

В апреле 1920 года Гомельский губком РКП(б) разослал по всем уездам письмо «О субботниках и воскресниках в деревне». В нем указывалось на большое значение субботников и воскресников, необходимость их регулярного проведения для усиления помощи семьям красноармейцев в запашке полей, ремонте построек, в уборке урожая¹⁴. Субботники и воскресники получили тогда в белорусской деревне самое широкое распространение. Только в первом айском субботнике 1920 года в Полоцком уезде, например, участвовало около 30 тыс. крестьян. Они чинили мосты и дороги, дома и изгороди, обрабатывали поля в хозяйствах красноармейцев¹⁵.

Активное участие рабочих и крестьян в мероприятиях партии и правительства по удовлетворению нужд семей красноармейцев обеспечило успех этой работы. Газета «Звезда» в июне 1920 года отмечала, что если раньше многие красноармейцы из Белоруссии задумывались о том, как живут их семьи, то теперь они получают радостные вести. Почти повсеместно поля их семей безвозмездно вспаханы, взборонены и осеменены оставшимися в тылу крестьянами¹⁶. Помощь партийных и советских органов, трудящихся Белоруссии семьям мобилизованных в Красную Армию, сознание того, что они окружены заботой и вниманием, повышало боевой дух красноармейцев, их решимость бороться до полной победы над врагами Советской власти.

¹ См.: Гісторыя Беларускай ССР у пяці тамах, т. 3. — Мінск, 1973, с. 106.

² См.: ЦГАОР БССР, ф. 649, оп. 1, ед. хр. 1, л. 74.

³ См.: Декреты Советской власти, т. VI. — М., 1973, с. 196—197.

⁴ См.: ЦГАОР БССР, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 53, л. 8.

⁵ См.: ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 389, оп. 1, ед. хр. 9, л. 99.

⁶ Там же, ф. 390, оп. 1, ед. хр. 57, л. 64.

⁷ См.: Труды ЦСУ, т. VIII, вып. 1, 1918—1920 гг. — М., 1921, с. 105.

⁸ См.: Каменская Н. В. Белорусский народ в борьбе за Советскую власть. — Минск, 1963, с. 87.

⁹ См.: Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918—июль 1920 гг.) — Сб. документов и матер. — Минск, 1961, с. 261.

¹⁰ См.: ГА Витебской области, ф. 2262, оп. 1, ед. хр. 157, л. 22.

¹¹ ЦГАОР БССР, ф. 30, оп. 1, ед. хр. 4, л. 77.

¹² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 18, л. 35.

¹³ Там же, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 115, л. 313.

¹⁴ Там же, ед. хр. 18, л. 597.

¹⁵ Там же, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 34, л. 13.

¹⁶ См.: Звезда, 1920, 9 июня.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАРИИ БЕЛОРУССИИ ПО ИНТЕНСИФИКАЦИИ ЖИВОТНОВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ В ГОДЫ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Основным путем повышения эффективности социалистического сельскохозяйственного производства в современных условиях является его всемерная интенсификация. В. И. Ленин указывал, что интенсификация не случайное, не местное, не эпизодическое, а общее явление всех цивилизованных стран¹, что интенсивное ведение земли эффективно лишь при крупных, особенно социалистических формах хозяйства и его специализации².

В животноводстве интенсификация предполагает обеспечение комплекса мер, направленных на резкое увеличение производства продукции, при значительном сокращении материальных и трудовых затрат на ее производство, всемерное внедрение достижений науки и передового опыта, комплексную механизацию, индустриализацию всех процессов отрасли. Важнейшим условием интенсификации животноводства является его индустриализация, специализация и концентрация, обеспечивающие оптимальное использование достижений науки и техники, эффективное освоение капитальных вложений.

Большое значение в деле интенсификации животноводства республики в годы девятой пятилетки имело постановление бюро ЦК КПБ (июнь 1971) «О мероприятиях по дальнейшему развитию животноводства, увеличению производства и повышению качества кормов в хозяйствах Белорусской ССР»³, которое определило наиболее оптимальные пути развития и углубления специализации сельского хозяйства, наметило строительство в республике промышленных комплексов по производству мяса и молока. Выполнив постановление, труженики сельского хозяйства под руководством партийных организаций добивались значительных успехов в деле интенсификации животноводства. Так, например, по инициативе райкома партии в Щучинском районе Гродненской области были созданы крупные спецхозы по производству говядины, свинины, увеличены размеры молочных ферм. Специализация, наряду с другими мерами, позволила району увеличить за восьмую и два года девятой пятилетки производство говядины в два, свинины в 1,9 раза⁴.

Последовательное проведение курса на специализацию и концентрацию позволило к концу 1973 года создать в республике 108 производственных сельскохозяйственных объединений. В их состав вошло 622 хозяйства, в том числе 515 колхозов и 107 совхозов, которые располагали площадью сельскохозяйственных угодий в размере 1896 тыс. га, в том числе 1146,1 тыс. га пашни. На одно объединение приходилось в среднем шесть хозяйств, 17,6 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из них 10,6 пашни⁵.

Концентрация производства, создание в широких масштабах межхозяйственных объединений обеспечивали существенное увеличение производства продуктов животноводства. Только за 1971—1975 годы производство мяса в колхозах и совхозах увеличилось в 1,3 раза. Улучшены кондиции скота, продаваемого государству. Среднесдаточный вес одной головы крупного рогатого скота за этот период повысился с 318 до 332 кг. Численность молочного стада увеличилась на 189 тыс. голов, а надой молока на корову повысился на 118 кг. Производство яиц за пятилетку возросло в 2,5 раза⁶.

Значительную работу по специализации и концентрации животноводства в годы пятилетки провели партийные организации Гродненской области. Здесь было решено процесс специализации начать в птицеводстве. Позже, когда появился некоторый опыт, процесс специализации и концентрации коснулся свиноводческих ферм, откормочных комплексов. Практическая работа областного, районных комитетов партии, первичных партийных организаций была направлена на разъяснение партийным и советским работникам, специалистам и руководителям хозяйств, всем труженикам села смысла и значения нового этапа в развитии сельского хозяйства, необходимости перехода к индустриальным методам производства и межхозяйственной кооперации. Усилия партийных организаций области дали положительные результаты. Только в 1973 году в свиноводстве, где специализированные хозяйства составляли 23,7% всех колхозов и совхозов области, они производили 65% свинины⁷.

В деле интенсификации животноводства значительное место партийные организации уделяли вопросам комплексной механизации животноводческих ферм. В республике была проделана значительная работа по реконструкции ферм, строительству животноводческих комплексов, механизации трудоемких процессов на фермах. Так, если в 1971 году комплексной механизацией было охвачено 12% ферм крупного рогатого скота, 51% свиноводческих ферм и 36% птицеводческих, то в 1975 году соответственно 22,77 и 72%⁸.

Успешное развитие животноводства по пути интенсификации во многом зависит от наличия прочной кормовой базы, уровня племенной работы. В постановлении ЦК КПБ и Совета Министров БССР (июнь 1971) «О мероприятиях по дальнейшему развитию животноводства, увеличению производства и повышению качества кормов в хозяйствах БССР на 1971—1975 гг.»⁹ намечалась широкая программа мер по увеличению кормовой базы республики, предусматривалось сосредоточить усилия партийных, советских сельскохозяйственных органов на увеличении в структуре рационов сельскохозяйственных животных наиболее полноценных и дешевых кормов за счет зерна и трав. Ставилась задача перевести на оптимальную структуру посевные площади зернового клина, значительно повысить продуктивность естественных кормовых угодий, вести заготовку кормов по прогрессивным технологиям.

Вопросы увеличения производства кормов обсуждались в ЦК КПБ, на пленумах обкомов и райкомов партии, сессиях областных и районных Советов депутатов трудящихся, освещались в печати, в передачах радио, телевидения. Все это способствовало увеличению производства кормов в республике. За годы пятилетки производство кормов было увеличено почти на 30%. Содержание протеина в кормовой единице повысилось с 87 до 92 г¹⁰. Значительно увеличилось поголовье общественного стада, повысились надон, среднесуточные привесы крупного рогатого скота и свиней, сдаточный вес животных, выход приплода и сохранность поголовья.

Вместе с тем в рассматриваемый период обеспеченность животноводства кормами составила 70—80% в расчете на условную голову, а с учетом потерь питательных веществ при заготовке и хранении кормов — еще ниже. Для интенсивного ведения животноводства на каждую условную голову требуется 35—40 и более центнеров кормовых единиц при содержании 100—120 г перевариваемого протеина в расчете на одну кормовую единицу¹¹. Поэтому работа по укреплению и развитию кормовой базы в республике не ослабевает. Партийные организации и хозяйственные органы уделяют пристальное внимание повышению урожайности кормовых культур, выращиваемых на пахотных землях, повышению продуктивности сенокосов и пастбищ, совершенствованию технологии заготовки и хранения кормов, совершенствованию структуры кормовых площадей.

Помня указание В. И. Ленина, что для успешного развития животноводства «наряду с вопросами о количестве скота не менее, а иногда даже более важное значение имеет вопрос о его качестве»¹², партийные организации республики уделяли организации племенной работы постоянное внимание. Вопросы племенной работы в животноводстве республики были подвергнуты глубокому анализу на VII Пленуме ЦК КПБ (1972)¹³. Выполняя решения пленума, партийные, советские, сельскохозяйственные органы проделали значительную работу по совершенствованию породных и продуктивных качеств скота, укреплению племенной базы. Улучшилась работа треста племенных совхозов. Только в 1971 году совхозы племтреста совместно с другими хозяйствами реализовали 12 тыс. голов высококлассного крупного рогатого скота, 27 тыс. свиней, 4 тыс. овец¹⁴.

Осуществление широкой программы в области интенсификации животноводства позволило повысить его продуктивность. Результаты, достигнутые в годы девятой пятилетки в области животноводства, подтверждают глубокую реальность и научность аграрной политики КПСС.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 162.

² Там же, с. 181.

³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2350, л. 36.

⁴ Там же, оп. 20, д. 505, л. 30.

⁵ Там же, оп. 46, д. 883, л. 80—81.

⁶ Подсчитано. См.: Народное хозяйство Белорусской ССР.— Минск, 1977, с. 109—

См.: Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность индустриально-го. — Минск, 1974, с. 125.

⁸ Подсчитано на основании годовых статистических отчетов Министерства сельского хозяйства БССР за 1971—1975 годы. Текущий архив.

⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 2350, л. 11.

¹⁰ См.: Коммунист Белоруссии, 1976, № 7, с. 60.

¹¹ См.: Маслов А. А. Интенсификация животноводства в условиях межхозяйственного кооперирования. — Минск, 1977, с. 37.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 100.

¹³ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 20, д. 505, л. 20.

¹⁴ См.: Сельское хозяйство СССР на современном этапе. — М., 1972, с. 369.

М. Н. ФИЛИСТОВИЧ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАРИИ БЕЛОРУССИИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ФОРМ И МЕТОДОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ (1971—1975)

Важнейшим средством пропаганды, вооружения трудящихся знаниями марксистско-ленинской теории, политики КПСС, повышения их сознательности и активности является система партийной учебы. Уделяя постоянное внимание ее совершенствованию, ЦК КПСС рассматривает это как важнейший фактор сплочения партийных рядов, повышения авторитета членов партии среди трудящихся, боеспособности партийных организаций¹.

Значительный опыт в организации политической учебы накопили партийные организации Белоруссии, особенно после введения в 1965 году новой системы партийной учебы. Подразделение системы партийной учебы на начальное, среднее и высшее звенья позволило полнее учитывать уровень подготовки и интересы коммунистов и беспартийного актива, обеспечить последовательность и преемственность марксистско-ленинского образования и получило высокую оценку состоявшегося в 1971 году XXVII съезда Компартии Белоруссии.

К этому времени в системе партийной учебы республики насчитывалось 2854 начальных политических школы, 12 211 школ основ марксизма-ленинизма, 16 университетов марксизма-ленинизма и 120 районных школ партийного актива, 23 теоретических семинара руководящих кадров при ЦК КПБ и обкомах партии, 7823 теоретических, проблемных и методологических семинара. В подразделениях политучебы занималось 513 тыс. слушателей².

В 1971 году советский народ приступил к осуществлению новых задач коммунистического строительства, выдвинутых XXIV съездом КПСС. Их успешное выполнение в значительной степени зависело от идейной закалки и организованности всех трудящихся и, прежде всего, коммунистов. Поэтому июльский (1971) пленум ЦК КПБ, утвердивший «Мероприятия Центрального Комитета КП Белоруссии по выполнению решений XXIV съезда КПСС», обязал партийные организации республики принять меры по дальнейшему совершенствованию системы партийной учебы, преодолению в ней элементов формализма, повышению эффективности учебы и ее воздействия на рост сознательности и активности коммунистов³. ЦК КПБ поставил задачу организовать в системе политической учебы массовое изучение теории марксизма-ленинизма, истории и политики партии.

XIII пленум ЦК КПБ (1974) рассмотрел вопрос «О дальнейшем повышении действенности идейно-политической работы в свете решений XXIV съезда КПСС»⁴. Важную роль в совершенствовании форм и методов партийной учебы сыграли также постановления ЦК КПБ «О работе партийных комитетов Гродненской области с кадрами пропагандистов, политинформаторов и агитаторов» (1973)⁵ и республиканского собрания партийного актива (1974), обсудившего задачи партийных организаций по выполнению постановления ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии»⁶.

Центральное место в содержании учебы заняло изучение ленинского курса внутренней и внешней политики партии, ближайших задач и перспектив поступательного движения к коммунизму, всесторонне обоснованных XXIV съездом КПСС. Кроме существовавших политических школ и семинаров для изучения материалов XXIV съезда было создано дополнительно 14,1 тыс. кружков, в которых занималось свыше 358,6 тыс. человек⁷.

Одновременно проявлялась и большая забота о совершенствовании дифференцированного подхода к организации и проведению политических занятий. Необходимо помнить, подчеркивал В. И. Ленин, что «...инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.»⁸

Партийные организации много внимания уделяли улучшению марксистско-ленинской учебы руководящих кадров. В 1971—1975 годах получили дальнейшее развитие все основные формы партийной учебы руководящих кадров. Актуальные проблемы развитого социализма изучались на семинарах при ЦК КПБ и областных комитетах партии. Лекции в них читали видные ученые, партийные работники Москвы и Минска; семинарскими занятиями руководил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПБ П. М. Машеров, члены Бюро ЦК КПБ, секретари обкомов партии. С 1971 года по новым, разработанным ЦК КПБ на пятилетнюю перспективу учебным планам и программам стали работать школы партийного актива, в которых занималось около 9,6 тыс. руководящих работников районного звена⁹.

Одной из массовых форм идейной закалки кадров зарекомендовали себя университеты марксизма-ленинизма, в них в 1971—1975 годах прошли обучение 24,8 тыс. руководящих работников и специалистов народного хозяйства¹⁰. Важную роль в совершенствовании этой формы партийной учебы сыграло постановление ЦК КПБ «О работе университетов марксизма-ленинизма по повышению идейно-теоретического уровня руководящих кадров и актива партийных организаций» (1974)¹¹. Обобщив положительный опыт, ЦК КПБ вместе с тем отметил, что возможности университетов марксизма-ленинизма использовались партийными организациями неудовлетворительно. Ряд партийных комитетов, в том числе Барановичский, Витебский, Новополоцкий горкомы партии мало направляли на учебу в университеты руководящих работников и специалистов.

В ходе выполнения этого постановления партийные комитеты стали уделять больше внимания глубине изучения слушателями марксистско-ленинской теории и политики КПСС. В программы обучения были включены такие важные для руководящих кадров курсы и проблемы, как управление экономической и социально-политической жизнью, социальная психология, теория и методы идеологической работы. В 1974 году, по сравнению с 1973, значительно увеличился контингент слушателей университетов марксизма-ленинизма. Так, количество работников, входящих в номенклатуру партийных комитетов, среди слушателей возросло на 40%. В университетах было открыто 25 новых отделений. Новым моментом также было создание при вузах республики 15 филиалов университетов марксизма-ленинизма, в которых к концу пятилетки занималось 1680 преподавателей и научных работников¹².

Определяющим в работе теоретических и проблемных семинаров стало стремление приблизить изучение коренных проблем марксизма-ленинизма к запросам различных категорий интеллигенции. Много внимания этому уделял Минский обком КПБ. В 1973—1975 годах, например, обком партии было изучено состояние марксистско-ленинской учебы кадров в Академии наук БССР, Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина, работников творческих союзов и организаций. Чтобы полнее удовлетворить интересы различных категорий интеллигенции, Дом политического просвещения Минского обкома КПБ в 1974 году вел разработку более 80 различных учебных планов и программ¹³. Так, технической интеллигенции была предоставлена возможность для более глубокого изучения социально-экономических последствий научно-технической революции на этапе развитого социализма; работникам просвещения — проблем образования и воспитания; деятелям культуры и искусства — ленинского теоретического наследия в области культурного строительства, актуальных проблем марксистско-ленинской эстетики, современной идеологической борьбы; научным кадрам — методологии научных исследований.

В целях повышения эффективности занятий в политических школах и семинарах использовались разнообразные формы и методы их проведения. Широко практиковались ленинские уроки, теоретические и читательские конференции, экскурсии слушателей, встречи с ветеранами партии, войны и труда, передовиками производства. Преподаватели и пропагандисты стали чаще использовать технические средства обучения. Недостаточное и неумелое их применение ранее было обусловлено слабой подготовкой пропа-

гандистов по методике применяемых экранной и звуковой аппаратуры на занятиях. Чтобы ликвидировать этот пробел, бюро Минского обкома КПБ решило открыть в 1974 году областную заочную школу инструкторов-методистов по использованию технических средств пропаганды. В этой школе обучалось более 300 человек. В Борисове, Молодечно, Солигорске и Кобыле были созданы базовые кабинеты для распространения опыта применения технических средств на политических занятиях. Важную роль в популяризации технических средств и для методической подготовки пропагандистов сыграла проведенная в 1975 году в Минске областная научно-практическая конференция «Технические средства пропаганды и их роль в повышении эффективности марксистско-ленинского образования и массово-политической работы»¹⁴.

Новые учебные планы и программы ориентированы на выработку у слушателей навыков политического самообразования. В развитии интереса слушателей к политической литературе, навыков самообразования эффективны активные формы и методы учебы, особенно практические задания. Заботясь о более широком их применении, Дом политического просвещения Брестского обкома КПБ, например, ежегодно разрабатывал в помощь пропагандистам перечни практических заданий по всем учебным планам. Целенаправленный характер носили рекомендации и задания слушателям по овладению навыками самостоятельной работы над произведениями В. И. Ленина. Овладевать навыками самостоятельного изучения политической литературы слушателям помогали контрольные работы и письменные сочинения по философии и научному коммунизму. Домашние сочинения, например, проводились в школах основ марксизма-ленинизма 1—2 раза в год, но темы их подбирались с учетом творческого отношения слушателей к выполнению такого рода практического задания, выявления их личного понимания вопросов марксистско-ленинской теории, политики КПСС.

Систематически применял задания, рассчитанные на поиск лучшего решения производственно-технических вопросов, пропагандист, главный конструктор Минского автозавода В. И. Захаров. В 1973 году слушатели его теоретического семинара разработали план внедрения научной организации труда в отделе главного конструктора завода, что позволило почти на 20% повысить производительность труда. Экономический эффект в 100 тыс. рублей дал внедрение разработанного слушателями проекта организации единого комплексно-механического участка заливки стали¹⁵.

Одна из целей партийной учебы состоит в том, чтобы дать слушателям навыки ведения агитационно-пропагандистской работы. Этому содействуют задания слушателям по разработке текстов лекций, докладов и бесед для выступлений в трудовых коллективах.

Активные формы обучения и внедрение в пропагандистскую практику личных творческих планов, предусматривающих совершенствование форм и методов ведения занятий с целью повышения трудовой и общественно-политической активности слушателей, позволили осуществить практическое единство учебной, воспитательной и организаторской деятельности пропагандиста. Одним из первых в республике составили личные творческие планы и выступили инициаторами движения «Девятая пятилетка — это и твоя пятилетка, пропагандист!» пропагандисты Витебского мотороремонтного завода, производственного объединения «Монолит», фабрики «Знамя индустриализации». По примеру пропагандистов сотни слушателей решили выполнить личные пятилетние планы за четыре года, а свыше тысячи человек — к 68-й годовщине Великого Октября. Опыт пропагандистов Витебска вскоре получил широкое распространение. К концу пятилетки в республике половина пропагандистов уже работала по личным творческим планам, что открыло новые возможности для повышения деятельности партийной учебы.

XXV съезд КПСС отметил как важнейшую особенность развития общественного сознания на современном этапе — массовое изучение советскими людьми марксизма-ленинизма. Это замечательный итог всей идейно-воспитательной работы партии. Весомый вклад внесли в него партийные организации Белоруссии. В 1971—1975 годах ими проделана плодотворная работа по совершенствованию форм и методов партийной пропаганды. Это способствовало значительному росту интереса к политическим знаниям у трудящихся республики, а также повышению идейного уровня и эффективности пропаганды.

- ¹ См.: Об идеологической работе КПСС. Сб. документов.— М., 1977, с. 137.
- ² ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 71, д. 335, л. 53—54.
- ³ Там же, оп. 20, д. 492, л. 226—227.
- ⁴ См.: Коммунист Белоруссии, 1974, № 5.
- ⁵ См.: Звезда, 1973, 30 студзеня.
- ⁶ См.: Коммунист Белоруссии, 1974, № 10.
- ⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 71, д. 335, л. 53—54.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 346.
- ⁹ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 71, д. 346, л. 20.
- ¹⁰ См.: Коммунист Белоруссии, 1976, № 8, с. 12.
- ¹¹ См.: Звезда, 1974, 17 жніўня.
- ¹² См.: Коммунист Белоруссии, 1975, № 7, с. 56.
- ¹³ Текущий архив Минского обкома КПБ. Информация об итогах 1974—1975 года в системе марксистско-ленинского образования, с. 16.
- ¹⁴ См.: Мінская праўда, 1975, 17 снежня.
- ¹⁵ См.: Звезда, 1973, 19 кастрычніка.

С. К. ГОНЦОВА

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БССР ПО АТЕИСТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ (1959—1965)

Победа социализма и ликвидация эксплуататорских классов в нашей стране подорвали социальные корни религии, уничтожили базу, на которую опиралась церковь. Подавляющее большинство населения освободилось от религиозных предрассудков.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал сложность формирования материалистических взглядов трудящихся, пробуждения их от религиозного сна. Его очень волновал вопрос, вспоминает Н. К. Крупская, как сделать атеистическую пропаганду более эффективной, научной, теснее увязать ее со строительством новой жизни. Владимир Ильич не раз указывал на вредность поверхностной антирелигиозной пропаганды, на необходимость ее тесного соединения с естествознанием, с достижениями техники¹. В то же время В. И. Ленин разъяснял: «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства»².

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, Коммунистическая партия ведет научно-атеистическую пропаганду в тесной связи с задачами коммунистического строительства, используя самые разнообразные средства. «Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований... При этом следует опираться на достижения современной науки, которая все полнее раскрывает картину мира, увеличивает власть человека над природой и не оставляет места для фантастических вымыслов религии о сверхъестественных силах», — записано в Программе КПСС³. Основные направления, средства, формы и методы атеистического воспитания периода зрелого социализма определены в решениях XXI—XXV съездов, постановлениях ЦК КПСС. Постановление ЦК КПСС (май 1979) «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» призвало партийные организации и идеологические учреждения обеспечить высокий научный уровень, деловитость и конкретность, наступательный характер пропаганды и агитации, укреплять ее связь с жизнью, с решением хозяйственных и политических задач.

Партийные организации Белоруссии конкретизируют применительно к местным условиям пути и способы атеистического воспитания, преодоления религиозных предрассудков. Значительное внимание этим вопросам было уделено на XXIV, XXV, XXVI съездах КП Белоруссии. В постановлениях пленумов и решениях бюро ЦК КПБ тщательно проанализировано состояние антирелигиозной пропаганды, контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах, атеистической деятельности партийных организаций ряда областей республики⁴.

ЦК КПБ считает неотложной задачей не только совершенствование форм и методов атеистической работы, но и повышение ответственности партийных организаций, идеологических учреждений, всех коммунистов за

состояние борьбы против религиозной идеологии, формирование материалистического мировоззрения трудящихся.

Культурно-просветительные учреждения — важнейшее звено единой цепи учреждений и организаций, занимающихся атеистическим воспитанием населения. Они работают под руководством партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, в тесном контакте с обществом «Знание», творческими союзами, органами здравоохранения, школами и т. д. Постоянно увеличивается количество и улучшается содержательность лекций по научно-атеистической, естественнонаучной, медицинской тематике, о достижениях науки и техники в исследовании космоса и т. д.

Особым интересом пользуются циклы лекций, кинолектории, выступления тех, кто порвал с религией. Свыше 100 раз выступил в 1960 году перед населением Гродненской области выпускник Папской восточной духовной академии Д. З. Бесчастный, отрекшийся от сана. Его лекции проводились в тех местах, где действовали костелы. На них присутствовало большое количество верующих.

Следуя указанию В. И. Ленина о том, что массам необходимо давать «самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами»⁵, культурно-просветительные учреждения, особенно сельские, часто устраивали вечера тематические, вопросов и ответов, с демонстрацией физических и химических опытов — «Чудеса без чудес», устные атеистические журналы. По направлению Минского обкома КПБ для проведения вечеров, бесед с верующими специальная бригада атеистов выезжала в те населенные пункты области, где отмечалась наибольшая активность сторонников религии. Только в 1965 году в сельских культурно-просветительных учреждениях области проведено свыше 7 тыс. различных вечеров, многие из них — на атеистические темы.

Важную роль в пропаганде научных знаний сыграли передвижные атеистические клубы, возникшие после июньского (1963) Пленума ЦК КПСС в Витебской, Брестской, Гомельской областях. В клубы входили партийные, комсомольские работники, учителя, врачи, культпросветработники. На оборудованном автобусе с киноустановкой, радиоаппаратурой, библиотечной атеистической литературы они выезжали в отдаленные деревни, где выступали с лекциями, проводили беседы с верующими.

Для усиления пропаганды среди верующих в годы семилетки были созданы школы начальных знаний о природе и обществе. В них приглашались малограмотные люди, верующие. Программа включала сведения о Вселенной, Земле, развитии жизни, растительного, животного мира, человека, о закономерностях смены общественно-экономических формаций, строительстве социализма и коммунизма в нашей стране. Первые такие школы возникли при клубных учреждениях Брестской области в 1962 году. К 1966 году в республике их было уже более 700.

В атеистическом воспитании трудящихся активно участвовали библиотеки. Они организовывали и проводили читательские конференции по антирелигиозным произведениям, библиографические обзоры, выставки и стенды атеистической литературы, выпускали антирелигиозные плакаты. Боевой наступательный характер приобрела научно-атеистическая пропаганда, которую проводила библиотека Жировичского сельского Дома культуры Слонимского района Гродненской области. Это тем более важно, что в Жировичах действовала духовная семинария. По предложению совета атеистов библиотека пополнила свой фонд новыми книгами по атеизму, естествознанию и медицине, создала «уголок атеиста», проводила библиографические обзоры, конференции и громкие чтения «Библии для верующих и неверующих» Е. Ярославского, сборника «Почему мы порвали с религией», книг И. Скворцова-Степанова «Беседы о вере», С. Львова «Спасите наши души», В. Тендрякова «Чудотворная». На обсуждениях и в индивидуальных беседах с верующими широко использовались статьи бывших жировичских семинаристов, порвавших с религией. Целенаправленная работа совета атеистов содействовала увеличению числа читателей библиотеки.

Религиозные пережитки особенно цепко держатся в быту населения. Преодолению их помогает внедрение новых праздников, обычаев и обрядов, соответствующих идейным и моральным принципам социалистическо-

го общества. Одновременно со всенародными торжествами, посвященными годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции, 1 Мая, Дню Победы и другим знаменательным датам, в республике повсеместно проводятся массовые праздники труда, памятных дат и важнейших событий в жизни человека, связанных с рождением ребенка, совершеннолетием, вступлением в брак и т. д. Массовые праздники весны, зимы, урожая, лета, дни животноводства, полеводства, механизатора, торжественные чествования людей труда получили широкое распространение в Витебской, Минской, Гродненской и Брестской областях. Всеобщее признание получили посвящения молодежи в рабочие, хлеборобы, торжественное вручение шестнадцатилетним юношам и девушкам паспортов, проводы в ряды Советской Армии, на заслуженный отдых. Дома культуры и сельские клубы организуют торжественные регистрации браков и запись новорожденных. В ряде городов открыты Дворцы бракосочетания. Только в 1965 году в Витебской области в 271 клубе состоялось 2090 торжественных бракосочетаний, 1402 октябрин, 127 проводов в армию; в Гродненской области при культурно-просветительных учреждениях было открыто 80 Дворцов и комнат торжественной регистрации гражданских актов. В том же году они зарегистрировали 500 браков и 150 новорожденных⁶.

В атеистическое воспитание населения внесли свой вклад и музеи республики. Многие из них оформили тематические выставки «Наука и религия», «Пути преодоления религиозных пережитков», стенды и уголки атеиста. Гродненский государственно-археологический музей организовал специальные экскурсии о происхождении жизни и человека, о реакционной сущности католицизма и православной церкви, об основных положениях учения Дарвина и деятельности Мичурина по преобразованию природы. Сотрудники музея часто выступали на предприятиях и в учреждениях города с лекциями, беседами. В Лидском планетарии с ноября 1964 по 1965 год прочитано около 500 лекций, проведено 100 экскурсий. Открытый в 1963 году Гомельский планетарий вместе с областным музеем стал активно пропагандировать научные знания. Только в 1964 году в планетарии проведено 97 экскурсий для тружеников села. За 1963—1965 годы его посетило свыше 100 тыс. человек.

Целенаправленная научно-атеистическая пропаганда, проводимая партийными, общественными организациями и учреждениями, не могла не дать положительных результатов. За 1960—1961 годы в республике распалось 69 религиозных общин, закрылось 350 церквей. В 1964 году из-за отсутствия желающих учиться прекратила существование Минская духовная семинария. Совершался сложный, но неодолимый процесс освобождения верующих от религиозного дурмана. Это вызвало серьезное беспокойство у церковников. Так, священник Калининской церкви Гомельской области Гончук отметил: «На наших глазах люди начинают отходить от церкви. Церковная жизнь как бы сворачивается. Усиливается атеистическая пропаганда среди населения. Все это свидетельствует о том, что семилетка действует, все идет, как хотят коммунисты»⁷. Уменьшились посещаемость религиозных учреждений и интерес к престольным праздникам, резко снизилась религиозная обрядность. Жизнь опровергает лживые утверждения буржуазных фальсификаторов о некоей особой «приверженности» советских людей к религии, о «неискоренимости» религиозных предрассудков и неэффективности атеистической пропаганды. Социалистическая действительность дает многочисленные подтверждения выводу марксизма-ленинизма о том, что религия переживает глубокий кризис, ведущий к ее окончательному исчезновению.

За годы семилетки в республике значительно улучшилось атеистическое воспитание населения. Утвердились новые формы работы, дифференцированный подход к каждому человеку, вошли в быт новые, безрелигиозные обряды и праздники. Все это способствовало формированию марксистско-ленинского мировоззрения трудящихся.

¹ См.: Крупская Н. К. Вопросы атеистического воспитания.— М., 1964, с. 54.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 186.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 8.— М., 1970, с. 289—290.

⁴ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 4, оп. 81, д. 1504, л. 32—36; д. 1828, л. 61; д. 1877, л. 11.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 26.

А. Ф. ВИШНЕВСКИЙ, О. М. КРАВЦОВА
**РОСТ ЧИСЛЕННОСТИ И ИЗМЕНЕНИЕ
СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ БЕЛОРУССИИ
В ПЕРИОД КРИЗИСА ФЕОДАЛИЗМА**

В 30—50-х годах XX века в социально-экономической жизни Белоруссии происходят важные сдвиги, связанные с формированием в недрах феодального способа производства капиталистического уклада; производительные силы вступают в противоречие с господствующими феодально-крепостническими отношениями. Одним из проявлений этого процесса был рост городов и городского населения.

Изучение статистических данных и архивных материалов свидетельствует о том, что с 1825 по 1861 год население 42 городов Белоруссии увеличилось со 150 до 316 тыс. человек, т. е. на 111%, в то время как городское население Правобережной Украины за это время выросло лишь на 76, а в среднем по России—на 62%¹. Рост населения наблюдался прежде всего в городах с развитыми промышленным производством и торговлей. Сюда относятся Могилев, Витебск, Минск, Брест, Гродно, Гомель, Бобруйск и некоторые другие города, расположенные на судоходных реках.

Во второй четверти XIX века темпы роста городского населения значительно обгоняли сельское. С 1834 по 1858 год население Белоруссии в ее современных границах выросло с 3 015 400 человек до 3 306 784, т. е. всего лишь на 1,1%. Зато удельный вес городских жителей по отношению ко всему населению Белоруссии поднялся с 5,2% в 1825 до 10—в 1861 году². По удельному весу горожан Белоруссия не уступала губерниям промышленного центра России. Однако сам по себе рост численности горожан, без учета причин и конкретной обстановки, еще не является свидетельством значительного прогресса. Это видно даже из того, что относительно высокий процент горожан здесь создавался за счет мещанства, в то время как купеческая прослойка была невелика.

Каковы же пути пополнения и роста городского населения Белоруссии? Одним из источников роста численности горожан были крестьяне. После перевода государственных крестьян на оброчное положение некоторые члены их семей уходили в города. Тяга к городу объясняется тем, что горожанам, как юридически, так и практически, были предоставлены значительно большие имущественные права, чем крепостным крестьянам. При получении городского гражданства крестьянин освобождался от крепостной зависимости. Конечно, в условиях феодальной системы, «когда не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители—очень мало отличались от какого-нибудь «средства производства»³, отрыв крестьянина от деревни являлся делом весьма трудным. Отсутствие значительных промышленных предприятий в городах Белоруссии тормозило приток в них сельского населения.

Значительным источником пополнения городского населения были евреи. Ограниченные в возможности расселения по стране после установления черты оседлости, они повышали удельный вес мещанства и купечества в белорусских городах.

Политика царского правительства была направлена на уничтожение некоторых промежуточных сословных группировок путем причисления их к основным сословиям, в том числе мещанскому. В белорусских губерниях к мещанам приписывались «вольные люди», «панцирные бояре», однодворцы, т. е. лица, вышедшие из мелкой шляхты, чьи права на дворянство не были подтверждены. Если в 1830 году в пяти северо-западных губерниях числилось около 100 тыс. человек мужского пола вольных людей и однодворцев, то в 1857 году—около 42 тыс.⁴ Сокращение этих категорий населения связано с их переселением в города.

Значительный процент населения ряда городов Белоруссии составляли и военнослужащие, число которых значительно возросло в связи с польским восстанием 1830—1831 года и революцией 1848—1849 года в странах Западной Европы. Не имея собственной земли и других средств

существования, многие бывшие военнослужащие из нижних чинов пополняли ряды городских ремесленников, мелких торговцев.

Различие между феодальным и капиталистическим способами производства состоит не только в системе производственных отношений, но и в том, что для феодализма характерны классы-сословия. «Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями»⁵. А в эпоху феодализма сословное оформление классов сказывалось и на их общественном, и на экономическом положении. Официальные источники 30—50 годов XIX века подразделяют городское население на ряд социальных групп: дворян, духовенство, купцов, мещан, крестьян, военнослужащих, позднее — почетных граждан, граждан, чиновников, учащихся, иногда выделяются разночинцы.

Представителями трудового населения выступали прежде всего мещане. Это самая многочисленная и сложная по своему составу категория. В нее входили ремесленники, мелкие торговцы, извозчики, разнорабочие и др. Следовательно, с одной стороны, среди мещан могли быть лица, имевшие некоторый капитал (хозяин ремесленной мастерской, лавочник и т. п.), с другой — горожане, не имевшие определенных занятий и жившие за счет случайных заработков. В группу мещан могли входить и лица умственного труда: учителя, музыканты, актеры, художники и др. К сословию купечества относились лишь гильдейские купцы, принимавшие участие в крупных торговых операциях. Несмотря на то, что на городские сословия распространялась система так называемого «государственного феодализма», они не имели имущественных и обязательных ограничений. Мещанин, уплатив гильдейские подати, получал купеческие права. Наблюдался и обратный процесс: купец, не сумевший уплатить гильдейские подати, становился мещанином. Таким образом, процесс перехода свободных городских граждан из одного сословия в другое зависел не от «рождения», а от уплаты налога в пользу феодального государства, т. е. от материальных возможностей горожанина.

Выходцы из крестьян становились в городе прислугой, разнорабочими-отходниками, ремесленниками, а иногда мелкими подрядчиками и торговцами. Кризис феодально-крепостнического строя увеличивал приток в города выходцев из деревень. Экономическое развитие требовало освобождения крестьян от власти помещика и сельской администрации. В этом освобождении нуждались не только сами крепостные, но и хозяева промышленных предприятий.

Представителями господствующего класса в городах выступали дворяне и духовенство. Они были освобождены от уплаты государственных налогов. Правда, городские дворяне в 30—50-х годах уже не имели крупных земельных владений-юрисдик. Многие из них были служащими: чиновниками, военными (офицеры). Изменилось прежнее положение и духовенства. Оно уже не было самостоятельным крупным землевладельцем. Городское духовенство жило в церковных или же собственных домах с приусадебными участками.

Анализ статистических данных⁶ показывает, что за двадцать предреформенных лет (1842—1861) произошел количественный рост всех городских сословий, кроме духовенства. Численность мещан выросла на 62 175 человек, дворян — на 11 300, «прочих»⁷ — на 9253, купцов — на 2980 человек. За это время увеличился и удельный вес некоторых сословий. Так, удельный вес дворян возрос на 2,3%, «прочих» — на 1,8, военнослужащих и крестьян — на 1, купцов — на 0,3%. Зато удельный вес духовенства уменьшился на 0,4, мещанства — на 5%. Сокращение доли мещан объясняется как несовершенством статистических данных, так и ростом удельного веса других сословий, прежде всего, «прочих», военнослужащих и купечества, которые, очевидно, пополнялись за счет мещан. Увеличение удельного веса дворян в значительной степени связано с разорением и переселением в город мелкопоместного дворянства. С 1834 по 1857 год число беспоместных и мелкопоместных дворян в пяти северозападных губерниях сократилось почти в два раза. Большую часть дворян составляли офицеры местных гарнизонов. Дворяне, духовенство, военные и купцы преобладали в губернских и некоторых наиболее крупных уездных центрах. Основную долю городских жителей составляли мещане, т. е. ремесленники, мелкие торговцы, разнорабочие и другие.

Анализ социального состава населения города дает возможность на-

метить пути формирования двух классов будущего капиталистического общества. К классу нарождавшейся буржуазии необходимо прежде всего отнести группу гильдейского купечества. Несмотря на то, что белорусские купцы в большинстве своем были мелкими, все же часть их обладала значительными капиталами, определенная часть которых вкладывалась в промышленность. В мещанском сословии выделялись богатые, владевшие ремесленными мастерскими, лавками. Это тоже представители нарождавшейся буржуазии. К классу нарождавшегося пролетариата необходимо отнести абсолютное большинство мещан, которые вынуждены были зарабатывать себе на жизнь работой по найму. Из наемных работников многочисленных предприятий мелкотоварного типа и городских мануфактур сформировался рабочий класс пореформенной Белоруссии. Представители таких категорий, как отставные нижние воинские чины, бессрочноотпускные и другие по роду своей деятельности не отличались от мещан. Появилась и новая социальная категория — разночинцы. Они не входили ни в одну из рассмотренных групп, хотя многие из них были выходцами из этих сословий. В большинстве своем белорусские разночинцы вышли из среды мелкой шляхты, однодворцев и мещан. Это были люди умственного труда — учителя, врачи, художники, музыканты. Они проживали в наиболее крупных городах. Так, в 1852 году в Могилеве на 23 523 человека приходилось 1346 разночинцев, в Витебске на 19 300 человек — 670 разночинцев⁸.

Таким образом, в период кризиса феодализма в составе населения городов Белоруссии произошли большие изменения. Несмотря на наличие крепостного права, тормозившего развитие производительных сил, рост городского населения значительно превышал темпы роста сельского. Рост численности горожан в значительной степени происходил за счет притока крестьян, чиновников, дворян, военных. Искусственная концентрация населения в городах создавала избыток рабочей силы, которую не могли поглотить слабо развитые промышленность, ремесло и торговля. Феодально-сословные разграничения с течением времени все больше стирались, а сами эти сословия постепенно превращались в классы капиталистического общества.

¹ См.: Статистическое обозрение городов и посадов Российской империи по 1825 год. — Спб., 1830; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг., ч. 1. — Спб., 1863; ЦГИА БССР, ф. 295, оп. 1, д. 195, л. 9—10; д. 249, л. 10—12; д. 1280, л. 17; ф. 1430, оп. 1, д. 9452, л. 856—866; ф. 1, оп. 1, д. 156, л. 48—87; ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 2690, л. 363; д. 2902, л. 1189; д. 2899, л. 819; д. 2894, л. 809.

² См.: Статистическое обозрение городов и посадов Российской империи по 1825 г.; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 447.

⁴ См.: Челпко В. В. Сельское хозяйство Белоруссии в первой половине XIX века. — Минск, 1966, с. 110.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311.

⁶ Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. — Спб., 1842; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—1862 гг.

⁷ В группу «прочих» включены бессрочноотпускные; отставные солдаты, их жены и дети, граждане, иностранцы.

⁸ ЦГИА БССР, ф. 1, оп. 490, л. 231; ф. 1430, оп. 1, д. 827, л. 57.

А. М. ЛЮТЫЙ

УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ В БЕЛОРУССИИ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА (конец XVIII—30-е годы XIX века)

Большое значение для политического, экономического и культурного развития белорусского населения имело воссоединение Белоруссии с Россией в 70—90-е годы XVIII века. Включение белорусских губерний в общероссийскую хозяйственную систему и зарождение капиталистических отношений содействовали росту товарности сельского хозяйства, развитию ремесла, промышленности, улучшению путей сообщения и на этой основе более быстрому развитию торговли. С рынком были связаны прежде всего помещичьи хозяйства. Хлеб, который составлял основную статью товарной

продукции помещичьих хозяйств Белоруссии, и другие сельскохозяйственные продукты шли на продажу как на внутренний, так и на внешний рынок. Из Гродненской губернии за границу вывозилось до 250 тыс. четвертей хлеба в год, до 130 тыс. четвертей из Минской, а также Могилевской губерний¹. Кроме хлеба помещичьи хозяйства поставляли на рынок лен, пеньку, льняное и конопляное семя, скот, шерсть, сало и т. п. Увеличились посевы и сбор картофеля. Значительная часть хлеба и картофеля перерабатывалась в водку и спирт, которые шли как на местный рынок, так и в другие губернии России и за границу. Помещики белорусских губерний увеличивали поголовье улучшенных пород овец, для разведения которых правительство предоставляло ссуду. Шерсть продавалась в русских губерниях и перерабатывалась на местных предприятиях.

Рост товарности сельского хозяйства сопровождался расширением торговых связей деревни с городом. Расширение рыночных связей привело к увеличению количества небольших ярмарок.

В конце XVIII—первой трети XIX века сравнительно быстрыми темпами развивалась промышленность. Общее количество предприятий в Белоруссии увеличилось с 1796 по 1810 год в два раза², а объем продукции в 1828 году в сравнении с 1796 возрос на 68%³. Наблюдается значительный рост мануфактурного производства. Если в 1809 году в трех губерниях (Гродненской, Минской и Могилевской) насчитывалось 47 крупных мануфактур, на которых работало 1322 рабочих, то в 1828 году—70. На них работало 2754 рабочих⁴. Особенно быстро развивалась суконно-шерстяная промышленность. Значительно увеличилось количество предприятий капиталистического типа. В 1828 году они составляли 38,5% от общего числа предприятий, а вольнонаемные рабочие—46,3 от общего числа рабочих всех предприятий белорусских губерний⁵. Важную роль в развитии торговли играл рост городов и городского населения. Многие города Белоруссии с давних времен были центрами ремесла и ярмарочной торговли, а позднее стали центрами развития капиталистического производства. По темпам роста городского населения в первой половине XIX века белорусские губернии превосходили большинство российских.

Втягивание помещичьего и крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения, рост городов, развитие ремесла и мануфактурного производства способствовали росту базаров и развитию постоянной лавочной торговли. Так, в Витебской губернии в 1828 году оборот капиталов лавочной и рыночной торговли в 6 раз превышал оборот капиталов ярмарочной торговли⁶.

После воссоединения Белоруссии с Россией царское правительство в экономических и военных целях приступило к ремонту и строительству дорог, мостов и каналов, был введен специальный «копеечный» сбор на устройство и содержание дорог. Большую роль в развитии внешнеторговых связей белорусских губерний продолжали играть водные пути, которые постепенно совершенствовались. В 1797 году началось строительство Березинского канала, соединившего в дальнейшем бассейны Днепра и Западной Двины. В 1799—1803 годах велись работы по ремонту и реконструкции Огинского канала, соединявшего бассейны Днепра и Немана. В первой половине XIX века была построена Днепро-Бугская система, соединявшая бассейны Днепра и Вислы через Припять, Ясельду, Пину, Мушавец, Западный Буг.

Положительно сказалось на развитии торговли введение в белорусских губерниях общероссийской системы мер и весов и распространение на Белоруссию общероссийской финансовой системы. Распирению торговой деятельности различных слоев населения способствовали указы Сената о разрешении заниматься торговлей мещанам, удельным и казенным крестьянам. Указом от 20 июня 1815 года предоставлялось право крепостным крестьянам, отпущенным на волю, записываться в мещанское, купеческое и ремесленное сословия⁷. Однако эти указы в Белоруссии, где в 20—30-е годы XIX века насчитывалось не более 15—20 человек торгующих крестьян практического значения не имели. Поэтому 19 ноября 1828 года вышло подтверждение указа о праве крестьян, отпущенных на волю, записываться в мещанское, купеческое и ремесленное сословия⁸. И после этого запись государственных крестьян в купечество была весьма ограничена: во-первых, для записи в купечество необходимо было предъявить значительный капитал, а во-вторых, принятые должны были до очередной ревизии платить двойные подати: и как крестьяне, и как городские купцы.

Мещанскому сословию и посадским людям городов было разрешено иметь в лавках мелочные товары, но оборот такого торговца не должен был достигать оборота купца третьей гильдии. На ярмарках мещанам и крестьянам разрешалось торговать не только с возов, судов и лодок, но и иметь временные лавки, в которых они могли заниматься, кроме торговли, разменом денег. Кроме того, торгующие мещане имели право заключать казенные и общественные подряды на сумму, не превышающую 4 тыс. руб.⁹

Потомственным и личным дворянам разрешалось открывать и содержать в городах свои фабрики, заводы, записываться в купечество любой гильдии, но запрещалось торговать промышленными изделиями в других городах. В условиях консолидации всероссийского рынка, развития торговли и товарно-денежных отношений царское правительство в целом не отказалось от сословного принципа организации торговли. Предоставление дворянству права розничной и оптовой торговли сельскохозяйственными продуктами и товарами, производившимися на принадлежащих им промышленных предприятиях, снятие ряда торговых ограничений и запретов с крестьян и посадских положительно сказались на развитии внутреннего рынка.

Однако развитие торговли сдерживали огромные пошлины и штрафы за строительство речных судов (они достигали 200 руб. с судна), введение дорожных бланков и сборов за проезд через мосты и перевозы. Тормозила развитие торговли и налоговая политика русского правительства. Двойной налог с купцов еврейской национальности, которые среди купечества Белоруссии составляли в конце XVIII века 54,5%¹⁰, значительно уменьшил оборот капиталов. Кроме того, евреям разрешалось торговать только в черте оседлости, а запрещалось торговать в столичных губерниях и в уездах, расположенных от границы ближе чем за 50 верст¹¹.

В середине 20-х годов XIX века увеличился процентный сбор с купеческих капиталов, что отрицательно сказалось на развитии как внутренней, так и внешней торговли. Однако внешняя торговля Белоруссии, а также торговля с Украиной, Прибалтикой и российскими губерниями в рассматриваемое время превосходила внутреннюю. Основная причина такого положения заключалась в узости внутреннего рынка, не имевшего возможности поглотить всю продукцию сельскохозяйственного производства. Местная промышленность не могла потребить всего сырья. Города, которые в первой половине XIX века развивались по-прежнему как торгово-ремесленные центры, также потребляли мало сельскохозяйственной продукции. Часть необходимых продуктов питания производилась самими жителями городов, имевшими огороды, сады, домашний скот и птицу, а иногда и небольшие пашни. Поэтому помещики белорусских губерний вывозили сельскохозяйственные продукты за границу, а также на рынки России и Украины. Развитию внешней торговли Белоруссии способствовало и ее выгодное географическое положение. Благодаря этому местные купцы могли активно участвовать в транзитной торговле России с западными странами. Из Белоруссии вывозились главным образом хлеб, лен, пенька, конопляное и льняное семя и масло, лошади, мед, воск, сало, лес и лесопроductы, а также водка и спирт. А в Белоруссию Россия, Украина и Прибалтика поставляли галантерейные товары, дорогие вина, посуду, сукно, железо, свинец, сахар, табак, соль и др. Большое значение для расширения торговли белорусских губерний с российскими и Украиной имела ликвидация внутренних таможен и застав. Положительное значение для развития торговли имела также отмена многочисленных пошлин, взимавшихся отдельными городами, монастырями и даже крупными феодалами. Одним из важнейших условий развития внешней торговли Белоруссии было усиление политического влияния России и заключение ею ряда торговых конвенций с другими государствами.

Таким образом, в период разложения феодализма развитие торговли Белоруссии характеризовалось зарождением в ней новых капиталистических форм, наряду с продолжавшими существовать феодальными. В конце XVIII—первой половине XIX века Белоруссия становится частью общероссийской хозяйственной системы, активно вовлекаясь в процесс формирования капиталистического уклада. Противоречивость процесса развития капиталистических отношений в Белоруссии в рассматриваемый период определила и противоречивые условия развития внутренней и внешней торговли.

¹ См.: История Белорусской ССР, т. 1.— Минск, 1961, с. 272; ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 11, д. 76, 79.

² См.: Болбас М. Ф. Развитие промышленности в Белоруссии 1795—1861 гг.— Минск, 1966; Гісторыя Беларускай ССР, т. 1.— Мінск, 1972, с. 452.

³ См.: Весці АН БССР, серыя грамад. навук.— Мінск, 1963, № 2, с. 40.

⁴ См.: История Белорусской ССР, т. 1, с. 277.

⁵ См.: Весці АН БССР, серыя грамад. навук, 1961, № 1, с. 46.

⁶ ЦГИА БССР, ф. 1430, оп. 1, д. 1320, л. 219.

⁷ Там же, ф. 295, оп. 1, д. 277, л. 118.

⁸ Там же.

⁹ Там же, ф. 1430, оп. 1, д. 784, л. 5.

¹⁰ Проценты определены на основании архивных данных: ЦГИА СССР, ф. 1350, оп. 312, д. 94, 97.

¹¹ ЦГИА БССР в г. Гродно, ф. 2, оп. 3, д. 601, л. 1.

М. С. КОРЗУН

БОГОСЛОВСКАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ВЛИЯНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА ПОЛОЖЕНИЕ ХОЛОПОВ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Дореволюционные церковные историки доказывали прогрессивное влияние христианства на общественную жизнь Древней Руси, акцентируя внимание читателя на превосходстве новой религии над так называемым язычеством. В современных условиях церковно-богословские круги Московской патриархии пытаются подкрепить этот тезис религиозной интерпретацией проблем общественного развития, в частности, рабства.

Они утверждают, что церковь не смогла устранить института рабства, но она обрушилась против продажи «в поганые» братьев по крови, «христианство смягчило положение рабов»¹. В недавно изданном сборнике статей церкви приписывается «решительное осуждение рабства»². При этом не дается ссылок на исторические источники церковного или светского характера.

Ф. Энгельс показал, что рабство существовало, когда рабочая сила могла произвести больше, чем требовалось для простого поддержания ее, и отмерло потому, что перестало окупать себя, сделалось экономически нецелесообразным. Он подчеркнул, что религия не имеет никакого отношения к этому процессу. «Христианство совершенно неповинно в постепенном отмирании античного рабства»³.

Высказывание Ф. Энгельса о независимом от христианства отмирании античного рабства позволяет методологически верно определить такой же независимый от православия характер отмирания рабства на Руси. Древнерусское рабство, определяемое некоторыми историками как патриархальное⁴, отличается от античного рабства, в период кризиса которого в Римской империи возникло христианство. В советской историографии утвердилось мнение, что элементы рабовладения существовали в рамках раннефеодального общества⁵, что холопы—это рабы русского феодального общества⁶, они входили в состав челяди, работающей на феодалов⁷. Рабство на Руси было известно задолго до введения христианства. Оно продолжало существовать столетия спустя после утверждения православия в качестве государственной религии. Последнее упоминание о полных холопах относится к 1597 году⁸. Другие категории холопов существовали и позже.

Положительного примера для осуждения рабства русская церковь не могла позаимствовать ни в античном христианстве, ни в византийском. Автор «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова» поучает: «Корм, палка и бремя—для осла; хлеб, наказание и дело—для раба. Занимай раба работой, и будешь иметь покой; ослабь руки ему, и он будет искать свободы». Оправдание «священным писанием» отношений между господином и рабом, забота о сохранении частной собственности проводится и в тех рекомендациях книги, которые советуют господину поступать с рабом, «как с братом», ибо господин «приобрел его кровью». К тому же раб, если его обижают, может и убежать. Таким образом, справедливое, с точки зрения рабовладельца, наказание и мягкое отношение к рабу продиктовано лишь заботой—сохранить раба как собственность, но не предоставить ему свободу. Это обычное для рабовладельца отношение к рабу как рабочему скоту.

Не осуждается рабство и в Новом завете: «Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет

много» (Лука, 12, 47). Блаженный Августин писал, что упражнения рабов в терпении помогают переносить страдания временные в надежде на блага вечные⁹. Рабское состояние человека считал справедливым блаженный Феодорит, епископ Кирский¹⁰. Оправдание рабства отцами церкви отмечается и в буржуазной либеральной историографии¹¹.

Византийское православие освящало рабство. Документы X века называют рабов основным трудящимся населением владений светских и церковных собственников¹². Процесс слияния рабов с крестьянами в Византии завершился в XI—XII веках.

Феодалы, обеспечившие введение христианства в качестве государственной религии, возложили на православную церковь трудную задачу перевоспитания эксплуатируемых низов. Теоретики церкви утверждали, что каждый человек-христианин обладает «бессмертной душой, не подчиненной исключительно законам времени»¹³.

Однако христианская проповедь приспосабливалась к «законам времени». Так, митрополит Георгий (в летописи упомянут под 1072 г.) в «Заповеди», налагая епитимью за убийство и продажу челядина «в поганые»¹⁴, не говорит, крещен ли этот челядин. Митрополит Иоанн II (1080—1089), бывший, вероятно, преемником Георгия, налагает епитимью за продажу «поганым» уже крещеных рабов. Значит, при Георгии, который учитывал и практику своих предшественников, крещеный раб был редким явлением.

Церковь, создавая свое феодальное хозяйство, сама участвовала в сделках по продаже пленных. Святой Никола якобы помог обуздать «безумного варвара», пленного кочевника, который отдал хозяину за свое освобождение стадо коней. «Малое стадце» перепало и церкви¹⁵.

Церковное осуждение продажи рабов содержится в правилах митрополита Иоанна II: «Имети яко иноязычник и мытарь», т. е. отлучить от церкви тех господ, которые своих крещеных рабов «поганым продающе»¹⁶. В этом же правиле запрещается продавать крещеных рабов неправославным господам («ни жидовину, ни еретику»). Значит, последние и есть «поганые», не обязательно иностранцы. Указана и причина церковного наказания: «киже гонивше нашу веру и многы от веры в неверство приведше». Отсюда следует, что в рассматриваемом правиле церковь, в лице митрополита, не высказывает своего отношения к продаже некрещеных рабов «поганым». Она не запрещает продажи крещеных рабов православным господам. Наоборот, «Правосудие митрополичье» признало право господина даже убивать раба: «аще ли убьет осподарь челядина полного, несть ему душегубства (это не считается убийством—М. К.), но вина есть ему от бога. А закупного ли наймита—то есть душегубство»¹⁷. Только расправа с наймитом, но не с рабом, классифицируется церковью как убийство. В этом же «Правосудии» признается законной передача беглого челядина-наймита, не уплатившего задаток в двойном размере, «осподарю в полницу», т. е. в полное холопство. Митрополит недоволен тем, что продажа крещеных инверцам «многы от веры в неверство приведше». Красноречивое признание продажи крещеных рабов несмотря на запреты!

Вероятно, в наложении епитимии на убийцу, который может молитвой очиститься от греха, усматривают современные богословы «решительное осуждение рабства». Поскольку вина убийцы холопа приравнивается лишь к греху перед богом, в то время как убийство наймитов влечет за собой еще и ответственность по гражданскому законодательству, то церковь на деле предоставляет убийце возможность легко отделаться, оставляя рабу утешение: убивший его «брат во христе» подвергается епитимии. Это не что иное, как видимость осуждения.

Сами высшие иерархи не обращали внимания на церковные запреты. Ростовский епископ Федор, современник Андрея Боголюбского, отнимал имущество, мирянам, «мнихом, игуменом и ереем... очи выжигая и язык урезая, а иные распиная по стене и муча немилостивые...»¹⁸ Втягиваясь в орбиту междоусобных феодальных войн, церковь не уступала в жестокости светским феодалам. Она не только «не смогла устранить института рабства», но допускала эксплуатацию рабов монахами. В 46-й статье Пространной Русской Правды XII века упомянуты «чернецкие», монашеские холопы. Епископ новгородский Лука (XI век) имел холопа. Монах Киево-Печерского монастыря Григорий с помощью чудес приобретал холопов. Известие о работе инока Федора на помоле зерна, отчего «льгота многа бывше рабыням»¹⁹, может быть истолковано как свидетельство об эксплуатации в монастыре даже рабынь.

В рассказе о блаженном Евстратии упомянуто тридцать «монастырских работников», плененных вместе с ним и проданных «некому жидовину» в Корсунь. В древнейшей Арсениевской и в варианте Касианской редакций Патерика эти тридцать работников названы монастырской челядью, т. е. рабами²⁰. Превращались в рабов («работы добыша») некоторые пострадавшие от ростовского епископа Федора. Рабы выступали и в роли священнослужителей. В 1228 году константинопольский патриарх Герман II в грамоте митрополиту всея Руси Кириллу предписал не посвящать рабов в священный сан²¹. Запрет мог последовать потому, что такие посвящения, как пишет Е. Голубинский, не составляли редкого исключения²². Требование церкви освобождать от рабства при посвящении в духовный сан не касалось других категорий рабов.

Государство обеспечивало церковь рабочими руками и доходами (согласно уставам Владимира и Ярослава). Освобожденный перед смертью господина — на помин его души — раб («задушный человек»), по уставу Владимира, записывался в состав «церковных людей». Церковь получала феодальную ренту в виде десятины от даней, княжеского суда и торгова. В XII веке роль десятины сузилась, источником феодальной ренты становятся епископские, монастырские земли, для обработки которых требуются рабочие руки. Это свидетельствует о своеобразии хозяйственного устройства русской церкви, не заимствовавшей византийские образцы.

Волна народных восстаний заставила ввести ряд законодательных дополнений в «Правду Ярославичей» и «Пространную Правду» по смягчению положения холопов²³. Это вызывалось также превращением посаженного на землю раба в феодально зависимого крестьянина. Статья 109 «Пространной Правды» устанавливает урок «от свободы 9 кун», свидетельствуя о практике освобождения холопов и сохраняя святость холопства. «Устав о холопах» на будущее признавал переход свободных в полное холопство, если не было принуждения со стороны господ²⁴. Процесс порабощения грозил захватить и резерв церковных работников — нищих, сирот и вдов. Церковь призывала мирян давать им милостыню «по силе», а священнику, копируя статью устава о добровольности, предписывала: «нищих на свою работу без любви не куди»²⁵. Социальные условия гнали свободных в работное ярмо.

Князья Ярославичи, отменив месть, установили размеры штрафов в пользу князя в зависимости от социального положения убитых. Церковь, снимая грех, назначала покаяние вообще за всякое пролитие крови. В «Заповедях» митрополита Георгия (XI век), в «Поучениях» епископа Ильи епитимье подвергается убийца, совершивший преступление невольно²⁶. Христианские заповеди, возникшие в классовом рабовладельческом обществе и обращенные к абстрактному человеку, можно было приспособить к оправданию классовых отношений развивающегося русского феодального общества.

Христианство никогда не выступало против сложившихся форм эксплуатации. Когда в России утвердился крепостнический строй, церковь и освящала его, и сама угнетала крепостных крестьян. «Социальные принципы христианства, — пишет К. Маркс, — оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество и умеют также, в случае нужды, защищать, хотя и с жалкими ужимками, угнетение пролетариата»²⁷. Такую же социальную роль играло и православие в Древней Руси. Церковные наказания не шли вразрез с гражданским законодательством, и влияние христианства ограничивалось освящением того, что вызывалось развитием феодальных отношений на Руси.

¹ Невский А. Св. равноапостольный князь Владимир. — Журнал Московской патриархии, 1944, № 7, с. 41.

² Умнов А. Русская православная церковь с древнейших времен до поместного собора 1917 г. — Московский патриархат. 1917. 1977 (далее — Московский патриархат). — М., 1978, с. 2.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 149.

⁴ См.: Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. — М.-Л., 1966, с. 51; Зимин А. А. Холопство на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). — М., 1973, с. 368.

⁵ См.: Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965, с. 139.

⁶ См.: Зимин А. А. Указ: соч., с. 362.

⁷ См.: История СССР. — М., 1975, с. 63.

⁸ См.: Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в. — Л., 1975, с. 8.

- ⁹ См.: Исповедь блаженного Августина. VII, 13; X, 13.—М., 1914.
- ¹⁰ См.: Теория Блаженного Теодорита, епископа Кирского, ч. V, сл. 6.—М., 1957.
- ¹¹ См.: Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. 2.—Алма-Ата, 1973.
- ¹² См.: История Византии, т. 2.—М., 1967.
- ¹³ Иванов В. Таинства Агнца.—Московский патриархат, с. 69.
- ¹⁴ См.: Голубинский Е. История русской церкви, т. 1, полов. 1.—М., 1880, с. 512 (далее — ИРЦ).
- ¹⁵ См.: Памятники старинной русской литературы, вып. 1.—СПб, 1860, с. 71.
- ¹⁶ Канонические ответы митрополита Иоанна. Русская историческая библиотека (далее — РИБ), т. VI, ч. I.—СПб, 1880, с. 11.
- ¹⁷ Цит. по: Романов Б. А. Указ. соч., с. 45.
- ¹⁸ Лаврентьевская летопись. Полн. собр. рус. летописей, т. 1.—СПб., 1846, с. 152.
- ¹⁹ Патерик Киевского печерского монастыря.—СПб., 1911, с. 198.
- ²⁰ См.: Там же, с. 78—79, 180, 223, 246.
- ²¹ См.: РИБ, с. 79.
- ²² См.: Голубинский Е.—ИРЦ, т. 1, п. 1.—М., 1901, с. 473.
- ²³ См.: Зимин А. А. Указ. соч., с. 372.
- ²⁴ См.: Романов Б. А. Указ. соч., с. 226.
- ²⁵ Поучение исповедающимся.—РИБ, т. VI.—СПб., 1908, с. 123.
- ²⁶ См.: Романов Б. А. Указ. соч., с. 53.
- ²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 204.

А. Н. ВАГАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ЗАМКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Одним из аспектов проблемы типологии поселений эпохи Киевской Руси является вопрос о древнерусском феодальном замке. Появление на территории Древней Руси укрепленных феодальных усадеб-замков, упоминаемых в летописях под названиями «дом», «двор», «град», явилось несомненным признаком утвердившегося феодализма. Вопрос о времени их появления тесно связан с проблемой генезиса феодализма на Руси. Из всего многообразия типов поселений древнерусского времени феодальные усадьбы-замки представляют собой наименее исследованный вид археологических памятников, история их слабо освещена письменными источниками. «Полная неизученность русских феодальных замков раннего средневековья приводила к ошибочным выводам в оценке русского феодализма в целом»¹. Необходимость систематического изучения специфики древнерусских феодальных замков неоднократно выдвигалась в качестве первоочередной задачи советской археологической науки. Впервые вопрос о русских феодальных замках был поднят в выступлении А. В. Арциховского на пленуме Государственной Академии истории материальной культуры в 1933 году. Попытка постановки вопроса о древнерусских феодальных замках с привлечением археологических материалов была предпринята исследователем и в статье «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях» (1934), где он писал о необходимости выяснения и отыскания древнерусских усадеб-замков, типичных для эпохи раннего феодализма, считая задачу их археологического выявления вполне реальной. Однако отнесение А. В. Арциховским маленьких болотных городищ Смоленщины к замкам было ошибочным, так как определение социально-экономической сущности поселения на основании одних только внешних данных трудно.

М. И. Артамонов в «Обзоре археологических источников эпохи феодализма в Восточной Европе» (1935) говорил о неправомерности противопоставления деревенской общинной Руси феодальному Западу как страны, лишенной наиболее характерного внешнего признака феодализма — феодальных замков. Уже в то время исследователь уверенно намечал возможность на археологическом материале показать и доказать происхождение господствующего класса Древней Руси в результате социально-экономического расслоения общества.

Проблема феодального замка поднималась в качестве основной «степени новизны, значимости, а также невнимания к ней» в статье Н. Н. Воронина «К вопросу об археологическом изучении поселений эпохи феодализма» (1934). В историческом очерке, написанном Н. Н. Ворониным в следующем году, проблема сельского поселения феодала, с одной стороны, деревни и крестьянского двора, с другой, вновь выдвигается в

качестве важнейшей для истории феодальной Руси². Вопрос о классификации поселений на основе археологических источников им в то время еще не ставился.

Основные типы древнерусских поселений исследуются Н. Н. Ворониным в специальном разделе фундаментального труда «История культуры Древней Руси» (1951). Полное развитие усадеб дофеодального периода, принадлежавших «полуродовой», «полуфеодальной» знати, в замки феодального типа он относит к XI—XII векам. Тщательный анализ летописных и письменных источников позволил Н. Н. Воронину нарисовать яркую картину двора крупного феодала — «хором», определить функциональное назначение каждого элемента жилого комплекса «хором» — «сеней», «клетей», «грядницы», «скотницы», «бретяницы» и т. д.

Проблема феодального замка получила свое развитие и в трудах академика Б. Д. Грекова. Он относил появление феодальных замков на Руси уже к VII—VIII векам. Анализируя Краткую и Пространную Правды, Греков проводит прямую аналогию между двором средневекового рыцаря, сидящего в своем фамильном вооруженном гнезде-замке, и «хоробами» Русской Правды.

К проблеме феодального замка обращался в 1952 году П. Н. Третьяков. Сопоставляя собственные археологические наблюдения с данными летописей, он высказал предположение, что остатки древних городищ — «градов» в древлянской земле — представляют собой феодальные замки³. Тем не менее, конкретные признаки замка как формы поселения, типичной для эпохи феодализма, не были определены и к моменту выхода в свет работы А. В. Успенской и М. В. Фехнер «Поселения Древней Руси»⁴. Очевидно, этим объясняется некоторая условность классификации поселений лесной полосы Восточной Европы.

Большой вклад в разработку проблемы древнерусского феодального замка внес академик Б. А. Рыбаков. Еще в 1948 году в работе «Ремесло Древней Руси» на примере Ковшаровского городища в Смоленской земле он показал, что технический уровень ремесленного производства провинциальной боярской усадьбы был значительно выше уровня развития деревенского ремесла, отметив при этом, что для изучения феодальных замков еще недостаточно привлекаются археологические источники. В 1949 году, проводя археологические исследования окрестностей Чернигова, он обратил внимание на рассредоточенность дружинных погребений вокруг города. «Только владение землей, необходимость быть в селах, прочная связь с пригородными вотчинами» могли, по его мнению, создать такую «яркую картину рассредоточения черниговского некрополя»⁵. Боярская усадьба, по характеристике Б. А. Рыбакова, была важнейшей ячейкой феодального общества, где благодаря отчуждению части крестьянских запасов накапливались материальные и людские резервы, создавались условия для расширенного производства. Сравнивая «молекулу» феодального общества (боярскую усадьбу) с маленьким родовым поселком, с его «принудительным равенством нищеты», Б. А. Рыбаков показывает прогрессивность боярства в эпоху раннего феодализма как класса, способного обеспечить более высокий уровень развития производительных сил⁶. Благодаря археологическим исследованиям Б. А. Рыбакова в Любече в 1957—1960 годах, впервые появилась возможность воссоздать и реконструировать облик крупного княжеского замка XI—XII веков — резиденции черниговского князя. Любеч и по сей день — единственный пример досконально археологически изученного крупного княжеского замка. Специальный раздел, посвященный феодальному замку, написан Б. А. Рыбаковым для двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней» (1966). Феодальный замок в описании Б. А. Рыбакова предстает перед нами в виде маленькой «крепостницы», образованной несколькими деревянными срубами, поставленными вплотную друг к другу по кругу, где могло проживать 20—30 человек. Именно так должны были сооружаться первые феодальные замки, по мнению Б. А. Рыбакова, тысячами возникавшие уже в VIII—IX веках по всей Руси, знаменуя собой установление феодальных отношений.

Впервые четкие археологические признаки феодального замка были выделены В. В. Седовым, изучавшим владельческие поселения замкового типа (Воищинское и Бородинское городища) в Смоленской земле, результаты исследования которых были опубликованы в 1960 году⁷. Эти памятники до сего времени являются едва ли не единственными всесторонне

археологически изученными сельскими феодальными усадьбами на территории Древней Руси. К признакам, отличающим феодальные замки от рядовых сельских поселений относятся: наличие укреплений, находки предметов вооружения, среди которых выделяются оружие, типичное для быта феодалов, предметы снаряжения всадника и верхового коня, наличие стеклянных браслетов как элементов городской культуры, проникавших в быт феодалов, значительная имущественная дифференциация, прослеживаемая по археологическому материалу, характеру построек. Признаки, отличающие феодальные усадьбы от городов: сельскохозяйственная основа экономики, слабое одностороннее развитие ремесленного производства, небольшие размеры (чуть более одной тысячи квадратных метров). Время появления укреплённых феодальных усадеб-замков В. В. Седов относит к XI—XII векам.

Критерии замка, определенные В. В. Седовым, были существенно дополнены П. А. Раппопортом в специальной статье, посвященной типологии древнерусских поселений⁸. Между исследователями имеются расхождения в определении одного из существенных признаков феодального замка — его размеров. В. В. Седов, продолжив изучение городищ Смоленской земли, максимальные размеры укреплённых феодальных усадеб сельского типа условно определяет до 3 тыс. кв. м. Городища площадью свыше 4 тыс. кв. м. он относит к поселениям городского типа⁹. П. А. Раппопорт считает возможным относить к городским лишь те поселения, укреплённая площадь которых составляет не менее 1—2 га. Поселения меньшей площади, по его мнению, следует относить к сельским. Очевидно, оптимальные размеры феодальных усадеб-замков определяются при сопоставлении большого количества их планов в масштабах всего древнерусского государства, с учетом специфики местных условий.

Признаком феодального замка П. А. Раппопорт считает небольшую мощность культурного слоя поселения, в то время как В. В. Седов полагает, что плотно застроенные и обжитые укреплённые усадьбы имели достаточно мощный культурный слой. К безусловным характеристикам феодального замка оба исследователя относят наличие признаков имущественной дифференциации в археологическом материале — дорогих привозных изделий, амфор, золотых и серебряных украшений, стеклянных браслетов, большое количество рыцарского оружия, богатое жилище, т. е. городской характер культуры в сочетании со слабым, односторонним развитием ремесла. Названия феодальных усадеб восходят в большинстве случаев к именам их владельцев (Воищина, Бородинское, Ковшаровское городища, по В. В. Седову). С именем волынского боярина Мстибога связывает П. А. Раппопорт название Мстибогова городка в западнорусских землях. Таковы, в общих чертах, признаки феодального замка, которыми, на наш взгляд, необходимо руководствоваться при выделении их из остальной массы поселений древнерусского времени.

За последние годы археологическое изучение древнерусских замков значительно продвинулось вперед. Ряд городищ в окрестностях древнего Галича обследовался украинским археологом В. И. Довженком. В 60-е годы П. Н. Третьяков, обследуя городища Смоленской земли, около двадцати памятников отнес к типу феодальных замков. Феодальные замки в земле вятичей изучались Т. Н. Никольской. В процессе изучения исторической географии земли вятичей Т. Н. Никольская выделила целый ряд памятников, причисляемых ею к категории феодальных замков. Выявленные и обследованные украинскими археологами городища в Болоховской земле, верховьях Случи, Тегерева, Южного Буга предположительно связываются ими с летописными «градами» — замками болоховских князей.

Определенная степень изученности и наличие точных критериев феодального замка не избавляют многих исследователей от слишком произвольного, в некоторых случаях, оперирования термином «замок». Тенденция смещения замков с поселениями, имеющими иной социальный облик, имела место до недавнего времени и продолжает проследиваться в новейших публикациях. Термин «замок» применяется по отношению и к собственно замкам — феодальным усадьбам, и к городам, и к крепостям. Памятники, относимые к категории феодальных замков, порой ничего общего с ними не имеют. В частности, В. И. Довженко, идентифицируя феодальные замки с военными поселениями типа Райковецкого и Колодяжинского городищ, относит к феодальным замкам и укреплённые сторожевые города, построенные Владимиром в первой половине XI века на южных рубежах

древнерусского государства¹⁰. На неправомерность отождествления феодальных замков с военно-оборонительными сооружениями общегосударственного значения указывал в свое время П. А. Раппопорт. Укрепленное жилище феодала — замок безусловно являлся крепостью, но крепость эта была предназначена в первую очередь для защиты самого феодала, а не обороны страны.

А. В. Куза считает возможным использовать для характеристики быта «феодальных замков-крепостей» материалы Щучинского городища на Днепре (летописный Чучин)¹¹. Отнесение к феодальным замкам памятников типа Щучинского городища, имеющего укрепленный детинец площадью 1,2 га (по сведениям В. И. Довженка — 2,7 га) и околный город площадью 3,7 га, вряд ли правомерно. Украинский археолог А. А. Ратич в 1957—1961 годах производил раскопки городища в местечке Судовая Вишня между Звенигородом и Перемышлем¹². Определяя памятник в одних случаях как феодальный замок, в других как замок и крепость одновременно, он отмечает наличие в нем посада, детинца, околного города, т. е. признаков, присущих городу, а не феодальному замку.

В «Обзоре общих явлений русской истории IX — середины XIII веков» (1962) Б. А. Рыбаков говорит об увеличении количества феодальных замков с ремесленными посадами в XI—XII веках. Если речь идет о посаде, то это уже не замок в чистом виде, а город, развивавшийся на основе замка. Так как на территории Древней Руси значительное количество городов возникало на основе феодальных усадеб (так называемый «замковый» путь происхождения города), представляется возможным использовать материалы городских раскопок для характеристики феодального замка. К таким городам, выросшим на основе феодальных замков, в западных землях Руси относятся Волковыск, Рогачев, Клецк, Стрешин и др.

В особую категорию феодальных замков выделяются крупные княжеские резиденции. Являясь замками по своей социально-экономической сущности, по всем остальным признакам они отличаются от рядовых сельских усадеб, имеют значительно большую площадь, иной характер застройки, мощную систему укреплений. К этой группе замков относятся Любеч в Черниговском княжестве, Боголюбов под Владимиром, княжеская резиденция Юрия Долгорукого Кидекша близ Суздаля, Мстиславль во Владимирском княжестве, Новый Ольгов городок в Рязанской земле, упоминаемый Воскресенской летописью.

Проблемы социальной дифференциации древнерусских поселений еще далеки от своего окончательного разрешения, но их необходимо ставить и решать на каждом новом этапе накопления материала. Феодальные замки Древней Руси еще ждут своих исследователей. Примеров их полного археологического раскрытия пока немного, но имеющийся материал нуждается в обобщении, систематизации и научном анализе для воссоздания всеобъемлющей картины жизни феодального замка и его функций в XI—XIII веках.

¹ Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. — Краткие сообщения ин-та археол., 1964, № 99, с. 21.

² См.: Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. — Известия Гос. Академии матер. культуры. — Л., 1935, вып. 138.

³ См.: Третьяков П. Н. Древлянские грады. — В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. — М., 1952.

⁴ См.: Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси. — Труды Гос. историч. музея, 1956, вып. 32.

⁵ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова. — Материалы и исследования по археол. СССР, 1949, № 11, с. 52.

⁶ См.: Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX — середины XIII века. — Вопросы истории, 1962, № 4, с. 43.

⁷ См.: Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. — Материалы и исследования по археол. СССР, 1960, № 92, с. 122.

⁸ См.: Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений. — Краткие сообщения ин-та археол., 1967, вып. 110.

⁹ См.: Седов В. В. Городища Смоленской земли. — В кн.: Древняя Русь и славяне. — М., 1978, с. 147.

¹⁰ См.: Довженко В. И. Сторожевые города на юге Киевской Руси. — В кн.: Славяне и Русь. — М., 1968, с. 37.

¹¹ См.: Куза А. В. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962—1976 годах. — Краткие сообщения ин-та археол., 1979, № 155, с. 11.

О. И. ХАНКЕВИЧ

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕДУРЕ ГОЛОСОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТРИБУТНЫХ КОМИЦИЯХ

Законодательные собрания триб (триба — один из 35-ти административных округов древнего Рима), которые классифицируются в источниках III—I веков до н. э.¹ как *concilia plebis* (собрания плебса), происходили на площади Капитолия в Риме. Выбор места для проведения комиций (комиции — общее название римских народных собраний) зависел от того, какого характера они были: избирательного, судебного или законодательного. Дело в том, что для каждого из них существовал в этот период свой метод голосования триб. Последние подавали голос одновременно при выборах и последовательно — при отправлении актов законодательства и юрисдикции. Для одновременного голосования нужна была такая площадь, на которой разместилось бы сразу 35 колонн голосующих триб. Именно таким местом и было Марсово поле, где проводились все избирательные всенародные трибутные комиции конца II—I веков². Обычным же местом законодательных и судебных собраний триб были форум и Капитолий³. Источники показывают, что такой порядок голосования в трибутных комициях возник не сразу, а в процессе длительного исторического развития.

Чтобы лучше понять процедуру голосования в законодательных собраниях, следует хотя бы кратко остановиться на характеристике римских триб. Появление их относится к тому периоду, когда Рим был небольшим городом-государством. Его жители распределялись по четырем городским трибам — Субурана, Эсквилина, Коллина и Палатина, в которые входило население не только Рима, но и близлежащих сельских округов⁴. В результате территориальных захватов, а отчасти и путем реорганизации ранних куриатных регионов, в конце царского — начале республиканского периода на территории Рима были созданы 17 новых триб. Одиннадцать из них носят имена самых влиятельных патрицианских семей. Остальные также названы именами родового характера, но не отождествляются ни с одним из известных в те времена родов⁵.

С 387 по 241 год постепенно образовалось еще 14 сельских триб. После 241 года новые трибы уже не создавались и поэтому союзники, получавшие *civitas cum suffragio* (римское гражданство с избирательным правом), приписывались к одной из существующих триб путем расширения ее территории и состава. Термин «*Tribus XXXV*» стал с этого времени синонимом «*populus Romanus*». Сокращенное до трех букв название трибы было частью официальных данных каждого римлянина (Cic., *ad fam.*, VIII, 8, 4—8).

В создании триб 22—35 прослеживается одна закономерность: количество их постоянно оставалось нечетным. Мы объясняем это тем, что с введением в 471 году способа голосования по трибам в собраниях плебса, а чуть позже — в комициях всего народа, трибы из чисто территориально-административных объединений стали превращаться в политические. Нечетное же количество триб исключало такой результат голосования, когда за или против проводимого мероприятия проголосовало бы одинаковое число их.

Каким же был состав древнеримских триб? В сельских трибах регистрировались все крупные и средние землевладельцы, проживавшие как в Риме, так и в сельской местности. Примечательно, что половина патрицианских родов, давших имена первым одиннадцати сельским трибам, были зарегистрированы и в тех из них, которые возникли поз-

же. Объяснение этому явлению следует искать, видимо, не только в стремлении римской знати к приобретению новых земельных владений, но и в ее желании расширить свое политическое влияние. Четыре городские трибы были местом регистрации свободного населения, занятого ремеслом и торговлей, либертинов и деклассированных элементов.

Координация действий всех членов отдельной трибы очень часто затруднялась из-за ее разбросанности по всей Италии. Для этого в Риме стали создаваться трибские центры. Трибы имели также и своих должностных лиц, главные из которых известны как *curatores* (надзиратели, смотрители). В их обязанности входил учет членов триб перед голосованием, осуществление контроля за процедурой разделения всех триб непосредственно перед голосованием и т. д.⁶ Как явствует из источников, существовал определенный порядок в перечне всех 35 триб (*ordo tribuum*). Для городских триб *Tabula Hebana* (XXIII, XXXII—XXXIII) ⁷, в частности, устанавливает такую последовательность: Субурана, Эсквилина, Палатина, Коллина. Сельские же трибы следовали за городскими. Список сельских триб открывала триба Ромилия, а закрывала Арненсия.

Здесь мы подошли к проблеме порядка голосования триб в законодательных собраниях. Возникает два вопроса: 1) как голосовали трибы в названных комициях — одновременно или последовательно, 2) как интерпретировать первенство одной из 35-ти триб (в источниках она именуется *principium* (начинающая) ⁸, т. е. когда соблюдалось это первенство — при голосовании или при объявлении результатов?

Т. Моммзен утверждает, что в трибутных комициях — как избирательных, так законодательных и судебных — трибы голосовали одновременно. Название «начинающая» получала та триба, результат голосования которой объявлялся при подведении общих итогов первым ⁹. Надо заметить, что гипотеза Моммзена базировалась, главным образом, на данных Хартии Малаги. В ней приводится описание выборов местных магистратов и говорится, что все курии призывались к голосованию одновременно (*uno vocatu*) и что члены каждой курии подавали голоса *per tabellam* (табличками) в отдельных *conspecta* (заграждениях) ¹⁰.

Подобную позицию в данном вопросе занял и ряд других исследователей — П. Виллемс, Г. Ботсфорд, И. Нетушил ¹¹. Точка зрения Л. Ланге была почти идентичной, но первенство одной из 35-ти триб он интерпретировал по-иному: *principium* открывала по жребию голосование; после чего остальные 34 трибы голосовали одновременно. Объявление же итога голосования в каждой трибе происходило последовательно, что и послужило, по мнению Ланге, основанием для утверждений Аппиана и Плутарха о последовательном голосовании триб ¹².

Итальянский исследователь П. Фраккаро в статье «Процедура голосования в римских трибутных комициях» привел целый ряд примеров из источников, подтверждающих его предположение об одновременном голосовании триб в избирательном и последовательном — в законодательном и судебном собраниях ¹³. Наиболее убедительными являются, по мнению ученого, следующие примеры: 1) описание Валерием Максимом суда над Кв. Флавием в 329 году. После того, как проголосовало 14 триб (тогда их было 29), прокуратор счел исход голосования предрешенным (*Val. Max.*, VIII, 1, 7); 2) рассказ Аппиана и Плутарха о голосовании по законопроекту Тиберия Гракха, который требовал вывода Марка Октавия из трибуната. После окончания голосования в семнадцатой трибе вывод Октавия из трибунской коллегии был почти узаконен и «не доставало лишь одного голоса, чтобы Октавий сделался частным лицом» (*App.*, B. C., I, 12.52—54; *Plut.*, Ti. Gracch., XII); 3) идентичный случай (только с другим исходом) произошел в 67 году, когда народный трибун Габиний предложил лишить трибунской должности интерцедировавшего против его законопроекта Требеллия. После того, как за это предложение проголосовали 17 триб, Требеллий был

вынужден отказаться от своего вето (Ascon., LXXII; Dio., XXVI, 30).

До середины XX века статья Фраккаро оставалась неизвестной широкому научному миру. Только после второй ее публикации в 1957 году¹⁴ гипотеза ученого о последовательном голосовании триб в законодательных и судебных комициях позднереспубликанского Рима нашла единодушную поддержку среди исследователей. Список примеров, иллюстрирующих положение Фраккаро, был продолжен. Л. Р. Тейлор убедительно доказала, что последнее собрание Тиберия Гракха, происходившее на Капитолии, было не избирательным, а законодательным, и поэтому трибы голосовали здесь последовательно¹⁵. Е. С. Стейвли анализирует, в свою очередь, закон Квинкция от 9 года н. э., в котором говорится о месте голосования (форум), одна из триб называется *principium* и открывает голосование. Но если принять теорию Моммзена и его последователей, пишет Стейвли, то невозможно объяснить, каким образом на форуме, а тем более на Капитолии, можно было разместить одновременно 35 мостиков и 35 ограждений. Да и постоянно соблюдавшаяся в римских комициях практика выведения с помощью жребия одной из триб, открывавшей голосование, теряет при этом всякий смысл.¹⁶

К сказанному можно добавить, что в практике проведения законодательных и судебных комиций первой половины II века также имеются достаточно красноречивые свидетельства того, что трибы в этих комициях голосовали последовательно. Это, к примеру, голосование триб в 167 году по законопроекту о предоставлении триумфа Эмилию Павлу. «Когда первые трибы, приглашенные к голосованию, — пишет Ливий, — стали высказываться против законопроекта...», собрание было прервано¹⁷. Затем трибуны возобновили комиции и «заявили, что они снова пригласят к голосованию те же самые трибы...» (Liv., XLV, 36,9).

Выше мы отметили, что в Риме существовал официальный список всех 35 триб, в котором они были перечислены в определенном порядке. При жеребьевке за основу брался, видимо, именно этот список. Как же после определения трибы, открывавшей голосование, устанавливалась очередность вызова остальных триб? Состояние наших источников таково, что мы не можем дать прямого ответа на поставленный вопрос. Но в литературе имеются на этот счет интересные, на наш взгляд, гипотезы. Тейлор выдвинула предположение, в соответствии с которым жеребьевка триб, голосовавших вслед за *principium*, производилась после завершения голосования в каждой предшествующей трибе, т. е. пока шел подсчет голосов проголосовавшей трибы, жребием определялась следующая и т. д. Таким образом, итог голосования данной трибы становился известным, согласно гипотезе Тейлор, до того, как приступала к голосованию новая триба¹⁸.

Иное мнение по этому вопросу у Стейвли, который утверждает, что после *principium* (ученый солидарен с Тейлор, что она определялась по жребию) голосовали трибы, находившиеся в официальном списке ниже открывшей голосование трибы. Затем, если голосование еще продолжалось, вызывались те трибы, которые в официальном списке располагались выше. Установление порядка голосования триб происходило до его начала. Подсчет же голосов проголосовавшей трибы производился во время вотирования следующей¹⁹. Заметим, что интересная гипотеза Стейвли нуждается в аргументации и подтверждении данными источников. Последние же пока на стороне Тейлор.

Таким образом, основываясь на исследовании Фраккаро и работах его последователей о порядке голосования триб в законодательных трибутных комициях, мы можем определенно утверждать следующее: триба, которая по жребию открывала голосование, называлась *principium* и вносилась вместе с именем гражданина, голосовавшим в ней первым, в официальный текст закона; итог голосования данной трибы становился известным до того, как приступала к голосованию новая

триба; после *principium* трибы голосовали последовательно, в порядке, обусловленном жребием.

¹ Все даты в статье даны до нашей эры.

² Cicero, ad Att., I, 1, l. 18, 4—5. IV, 16, 8; ad fam., VII, 30, 1; pro Muren., 21; pro Planc., 6; de orat., III, 167; Varro, de r. r., III, 2, l. 5, 18.

³ Livius, XXV, 3, 14—15. XXVII, 21. XXXIII, 25, 7. XXXIV, 1, 4. XLIII, 16, 9. XLV, 36, 7; Plutarchus, Aem., 31; Tib. Gracch., 17, 19; G. Gracch., 13; Appianus, B. C., I, 2, 16—17. 24—25; Cicero, ad Att., I, 1, l. IV, 16, 8; ad fam., VII, 30, 1.

⁴ Varro, de l. l., V, 8—9; Dionysius, IV, 14; Plinius, N. H., XVIII, 3; Alföldi A. Early Rome and the Latins.—Ann Arbor, 1965, p. 131—134; Magdelaïn A. Remarques sur la société Romaine archaïque.—Revue des études latines, 1971, v. 59, p. 113—115.

⁵ Livius, II, 21, 6; Dionysius, VII, 64; Taylor L. R. The voting districts of the Roman republic.—Roma, 1960, p. 3; Нечай Ф. М. Образование Римского государства.—Минск, 1972, с. 100; Хан И. Плебей и родовое общество.—Etudes Historiques Hongroises, v. 1.—Budapest, 1975, S. 209.

⁶ Cicero, pro Planc., XLV; ad Att., I, 18, 4—5.

⁷ Tabula Hebana.—In: Taylor L. R. Roman voting assemblies. From the Hannibalic war to the dictatorship of Caesar.—Michigan, 1966, p. 159—163.

⁸ См., например, Cicero, Phil., V, 3, 8; de dom., XVI, 41.

⁹ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht, Bd. 3.—Leipzig, 1887, S. 396—415.

¹⁰ Lex Malacitana (Charta Malaga), LV.—In: Fontes iuris Romani anteiustiniani, v. 1. Ed. S. Riccobono, ets.—Florentiae, 1940.

¹¹ Botsford G. W. The Roman assemblies. From their origin to the end of the Republic.—New-York, 1909, p. 466—467; Виллемс П. Римское государственное право.—Киев, 1888, с. 169; Нерушил И. Очерк римских государственных древностей.—Харьков, 1894, с. 373.

¹² Lange L. Römische Altertümer, Bd. 2.—Berlin, 1879, S. 274.

¹³ Fraccaro P. La procedura del voto nei comizi tributari romani.—Atti della R. Accademia della Scienze di Torino, 1913—1914, p. 600—619.

¹⁴ Fraccaro P. La procedura del voto nei comizi tributari romani.—Opuscula, 1957, v. 2, p. 235—254.

¹⁵ Taylor L. R. Was Tiberius Gracchus lasst assembly legislative or elective.—Athenaeum, 1963, v. 41, p. 51—69.

¹⁶ Staveley E. S. Greek and Roman voting and elections.—New York, 1972, p. 130—131.

¹⁷ Livius, XLV, 36, 7: «Intro vocatae primae tribus cum antiquarent...»; Plutarchus, Aem., 31.

¹⁸ Taylor L. R. Roman voting assemblies, p. 77—78.

¹⁹ Staveley E. S. Op. cit., p. 156, 187.

Ю. А. ВАСИЛЬБЕВ

АКТУАЛЬНОСТЬ ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ ТЕОРИИ ФАКТОРОВ

Методология плюрализма — характерная черта современной буржуазной философии и социологии. Наиболее распространенным выражением плюрализма является эклектическая «теория факторов» («многофакторная теория»), которую буржуазные идеологи вот уже более столетия рассматривают как подходящую альтернативу последовательному монизму материалистического понимания истории. В той или иной степени отстаивают положения теории факторов представители самых различных направлений современной буржуазной социологии (теория «индустриального общества» Р. Арона, структурный функционализм Т. Парсонса, социологическая концепция К. Поппера и др.).

Сторонники теории факторов с момента ее возникновения (вторая половина XIX века) до наших дней, фальсифицируя истину, изображают исторический материализм как «экономический материализм», т. е. как учение, которое якобы игнорирует многообразие социальной жизни, а произвольно выпячивает один лишь экономический фактор.

Анализ теории факторов показывает, что усилия ее сторонников представить свои взгляды в качестве какого-то особого направления, не относящегося ни к материализму, ни к идеализму, успеха не имели. Попытки «новой» линии в философии заканчивались, как правило, возвращением на старые идеалистические позиции. Вот некоторые типичные примеры. В «Системе логики» Дж. С. Милля можно найти немало страниц, характеризующих автора книги как убежденного защитника основных положений теории факторов. Однако в ходе изложения своих идей Милль постепенно расстался с собственным взглядом об одинаковой важности всех факторов. По его мнению, изучение истории якобы говорит о том, что существует «один социальный элемент», имеющий «преобладающее и почти верховное значение среди факторов социального прогресса. Это — состояние мыслительных способностей людей...»¹.

Подобную же эволюцию от замаскированного к открытому идеализму проредывали и многие другие защитники теории факторов. В статье «Что такое прогресс?» после многократных призывов не приурочивать социальный прогресс к движению какого-либо одного фактора, Михайловский заявил, однако, что выдвигание на первый план «интеллектуального элемента» дает все же «более гарантий» для выработки правильного взгляда на человеческую историю². Крупный русский буржуазный историк и социолог М. Ковалевский, отстаивавший теорию факторов, также совершил переход от плюрализма к идеалистическому монизму, сделав вывод, что среди множества факторов, влияющих на общественное развитие, решающую роль играет «рост знаний»³.

Неудовлетворительность теории факторов В. И. Ленин видел прежде всего в ее несомненном эклектизме. Ссылки на сложность истории общества и на необходимость принимать во внимание множество влияющих на общественную жизнь факторов создавали лишь видимость научного подхода к изучению социальной жизни, видимость учета всех сторон процесса, всех тенденций и т. д., а на самом деле не давали никакого цельного

понимания процесса исторического развития. Взгляд, согласно которому все бесконечно многообразные факторы одинаково важны в социологическом исследовании, на практике не может дать никакого другого результата, кроме эмпирического описания различных сторон жизни общества, одного фактора рядом с другим. Попытки некоторых буржуазных социологов, почувствовавших слабость этой теории, отказаться от эклектизма заканчивались не выходом на верный путь, а глухим тупиком исторического идеализма. Другие буржуазные социологи не делали и таких попыток. Они видели свою задачу в оправдании эклектизма. Э. Бернштейн, например, защищая теорию факторов в противовес материалистическому монизму, открыто провозгласил эклектизм приемлемым в социальной науке методом исследования. Подчеркивая особую сложность и многосторонность общественной жизни, Бернштейн писал, что по этой причине в ходе изучения общества необходимо принимать во внимание кроме производительных сил и производственных отношений и множество других факторов, «а так как математическая формула, изображающая отношения сил этих факторов еще не найдена, то мы должны по возможности отыскивать эти отношения эмпирическим путем. Таким образом, мы по необходимости должны придерживаться эклектического способа исследования...»⁴

В. И. Ленин решительно отверг подобные попытки оправдания эклектизма в общественной науке и доказал, что бессвязное спутывание различных факторов наносит непоправимый ущерб изучению общественной жизни. В рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки», говоря о характерных чертах различных руководств по политической экономии, авторы которых «не придерживаются обыкновенно со всей последовательностью одного направления», В. И. Ленин отмечал в качестве крупнейшего недостатка тот факт, что создатели таких руководств «крайне узко и бессвязно понимают значение экономических вопросов, размещая в «поэтическом беспорядке» «факторы» экономический, политический, моральный и т. д.»⁵ Эклектизм, показал В. И. Ленин, неизбежно приводит к настоящему хаосу в понимании и изображении общественного развития, в данном случае — процесса экономического развития. Внимание исследователей не концентрируется на коренных чертах определенной системы общественного хозяйства, они не умеют представить отдельные стороны и отдельные явления хозяйственной жизни как составные части этой системы, как проявления ее главных черт. При таком подходе к анализу экономического процесса исследователь утрачивает всякую возможность постигнуть как условия возникновения изучаемой им системы общественного хозяйства, так и тенденции ее развития. Эклектизм теории факторов, по мысли В. И. Ленина, не позволяет ни объяснить действительное экономическое развитие, ни предсказать его дальнейший ход.

Сторонников теории факторов не спасает и признаваемое ими взаимодействие между различными социальными силами. Эклектизм и в этом случае не только не способствует преодолению хаоса в изображении исторического процесса, но еще больше затемняет картину, превращая верное общее положение о взаимодействии в пустую фразу. Для того, чтобы вывод о взаимодействии разных сторон общественной жизни стал содержательным, научным положением, необходимо раскрыть объективную основу данного взаимодействия. А выполнение этой задачи требует безоговорочного отказа от эклектизма и идеализма и перехода на позиции последовательного материализма, чего приверженцы теории факторов сделать не могут.

Выделение производственных отношений как первоначальных и определяющих все другие общественные отношения вооружило исследователей истории знанием той реальной основы, на которой и осуществляется взаимодействие многообразных сторон социального процесса. В результате этого открытия, сделанного основоположниками марксизма, был преодолен один из существеннейших недостатков прежних социологических учений, которые не располагали научным критерием для отделения важного от неважного, определяющего от производного в общественной жизни, а поэтому и безнадежно путались в разнообразии бесчисленных факторов⁶.

Учитывая специфику борьбы с защитниками теории факторов, В. И. Ленин с полемической резкостью и определенностью сформулировал положение, что свой замечательный анализ капиталистической общественно-экономической формации К. Маркс осуществил, не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне производст-

венных отношений. И как бы предупреждая избытые возражения сторонников теории факторов против метода К. Маркса, В. И. Ленин продолжает: «Таков скелет «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — **объясняя** строение и развитие данной общественной формации **исключительно** производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Потому-то «Капитал» и имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁷.

Заслуга К. Маркса, по мысли В. И. Ленина, состояла в том, что он выдвинул и с исключительной последовательностью провел в «Капитале» найденный им фундаментальный принцип материалистического монизма в понимании истории. Выделение производственных отношений в качестве первичных и определяющих все другие общественные отношения явилось тем исходным пунктом марксова исследования, который дал возможность постигнуть сложную структуру социальной жизни, определить место и роль различных ее элементов, объяснить их субординацию и взаимосвязь, т. е. охватить единым пониманием всю совокупность жизни общества. Только последовательный материализм оказался способным преодолеть неизбежную путаницу, вносимую в социальную науку защитниками теории факторов, и выработать не одностороннее, а целостное, синтетическое понимание истории человеческого общества. Только этот путь — от производственных отношений к другим общественным отношениям — позволил дать не перечень различных факторов социального развития; а прийти к научному пониманию общества как связанного и единого целого. Эту мысль В. И. Ленин всесторонне обосновал как в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», так и в работах последующих лет.

Методология плюрализма, принятая сторонниками теории факторов, как показал В. И. Ленин, продемонстрировала свою неспособность вывести социологическую мысль на верный путь исследования общественных явлений. Порождая произвол в науке об обществе, плюралистическое истолкование социальной жизни приводит его сторонников в конечном счете к пессимистической оценке возможностей достоверного познания законов исторического развития. Агностицизм всегда был и остается одной из существенных характеристик теории факторов.

Изучение различных школ современной буржуазной социологии свидетельствует о том, что теория факторов является и ныне прикрытием идеализма, создавая лишь видимость какой-то нейтральной, беспартийной позиции. На самом же деле эта эклектическая теория представляет собою разновидность исторического идеализма в буржуазной философии и социологии нашего времени.

¹ Милль Дж. С. Система логики. — М., 1914, с. 848.

² См.: Михайловский Н. К. Соч., т. 1. — СПб., 1896, с. 77—78.

³ См.: Социологическая мысль в России. — Л., 1978, с. 219.

⁴ Бернштейн Э. Очерки по истории и теории социализма. — СПб., 1902, с. 375.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 37.

⁶ См.: Там же, т. 1, с. 137.

⁷ Там же, с. 138—139.

А. Н. ПЕРЕВАЛОВ

К ВОПРОСУ О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ МЕТАФИЗИКИ

С прогрессом познания и обострением идеологической борьбы модифицируются не только научные философские учения, но также и ненаучные философские концепции, в частности, метафизика и тесно связанный с

ней идеализм, которые пытаются приспособиться к новым историческим условиям. Анализ новейших проявлений метафизического способа мышления требует прежде всего исследования его гносеологических источников.

В истории домарксистской философии зачастую бывало так, что диалектические и метафизические моменты совмещались в рамках одной и той же философской концепции, и диссонанс между ними едва лишь намечался, не перерастая в конфликт. В таких случаях метафизика носила для своего времени недиалектический характер¹. Однако с началом борьбы буржуазной философии против марксизма, с обострением идеологических противоречий в период всеобщего кризиса капитализма, метафизический способ мышления все более становится антидиалектическим. Дело в том, что материалистическая диалектика «внушает буржуазии и ее идеологам-доктринерам лишь злобу и ужас»².

Современная немарксистская литература, как правило, намеренно зауживает содержание понятия «метафизика». Так, профессор Лондонского университета Х. Б. Экстон считает, что «...слово метафизика вообще употребляется для выражения: а) самой философии как науки о первичных принципах; б) спекулятивной философии, т. е. философии, которая требует заключений о мире на основе априорных аргументов»³. В энциклопедической литературе Запада нигде даже не упоминается, что помимо отмеченных понятие «метафизика» в марксистской (и не только в марксистской) литературе имеет еще одно значение — способ мышления, противоположный диалектическому.

Анализируя причины возникновения и существования метафизики, классики марксизма-ленинизма указывали на то, что этот способ мышления имеет определенные гносеологические истоки. Сложность, противоречивость процесса познания являются одним из важнейших условий появления и существования метафизического способа мышления. Ф. Энгельс отмечал, что люди стоят перед противоречием: с одной стороны, перед ними задача — познать объективный мир во всем его богатстве и многообразии, в его «совокупной связи», а с другой стороны, историческая ограниченность человеческих познавательных способностей и неисчерпаемость, неограниченность объективного мира «не позволяет им когда-либо полностью разрешить эту задачу»⁴.

Это противоречие имеет объективную основу. Действительно, человеческое сознание не способно отразить материальный мир с полной адекватностью. Необходимым условием полной адекватности отражения является «способность отображающей системы воспроизвести в иной форме и в строгом соответствии все особенности отображаемого»⁵. Даже теоретически это условие никогда не может быть удовлетворено. Во-первых, потому, что каждое явление, каждый предмет объективного мира неисчерпаем в своих свойствах и отношениях в процессе бесконечного изменения. И, во-вторых, потому, что невозможно появление столь универсального человеческого познавательного аппарата, который был бы способен воспроизвести в иной форме и строгом соответствии не только каждую из бесчисленных особенностей отображаемого класса предметов и явлений, но и особенности единичного представителя этого класса.

Неспособность человеческого сознания на определенном этапе познавательного процесса охватить реальный мир во всем многообразии его связей вынуждает человека, познающего отдельные вещи и явления, вырывать их из естественной и исторической связи и исследовать в отдельности по их свойствам, их особым причинам и следствиям. В. И. Ленин отмечал, что человек не может познать окружающий мир, «не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого»⁶.

Таким образом, познанию вообще (особенно в связи с процессом абстрагирования) присущи элементы известного огрубления, упрощения, «искажения» действительности. Именно эти моменты, неотделимые от развивающегося, человеческого познания, обуславливают возможность появления метафизических представлений. Но эта общая возможность сама по себе еще не ведет с неизбежностью к метафизике. Имеются и более конкретные гносеологические причины появления и существования метафизического способа мышления.

Действительно, человек для достижения истинного познания бесконечно сложного, многообразного реального мира вынужден рассматривать вещи и явления обособленно; он должен «огрублять», «омертвлять» познаваемый мир. Однако ни обособленное изучение объектов, ни сам про-

цесс огрубления не ведут еще с необходимостью к метафизике, поскольку эти неизбежные моменты человеческого познания снимаются другими сторонами диалектического процесса познания. Все явления объективного мира внутренне противоречивы. Категории материалистической диалектики — относительность и абсолютность, непрерывность и дискретность, изменчивость и устойчивость, тождество и различие и т. д. — отражают эти реальные противоречия. Когда же человек разрывает (сознательно либо бессознательно) эти диалектически взаимосвязанные стороны объективного мира и процесса отражения реальности в сознании человека, преувеличивает роль какого-либо из этих моментов, «раздувает» одну из этих противоположностей в абсолют, он с неизбежностью переходит на позиции метафизики.

Определенное теоретическое обоснование метафизический способ мышления получил в абсолютизации и онтологизации законов формальной логики, т. е. в рассмотрении их как всеобщих законов бытия и мышления⁷. Еще Гегель отмечал, что метафизика «делала своим принципом абстрактное тождество»⁸, для которого вещь не может быть одновременно сама собой и другой. Закон исключенного третьего, как известно, утверждает невозможность отвечать на один и тот же вопрос в одно и то же время и в одном и том же смысле и «да» и «нет». Представляется, что именно рассмотрение законов формальной логики в качестве универсальных законов бытия и мышления явилось своеобразным теоретическим обоснованием принципов метафизического способа мышления. Необходимо отметить, что вопрос о соотношении метафизики и формальной логики является дискуссионным и требует отдельного рассмотрения.

Метафизический способ мышления имеет большую историко-философскую традицию. В своем развитии он прошел ряд исторических форм. Абсолютизация принципов и научных идей, узловых для основных этапов развития познания, нередко выступала в качестве гносеологической предпосылки различных метафизических концепций. Например, переход естественных наук к изучению природы в ее отдельных частях, к сбору фактов и классификации явлений (XVI—XVII века) сделал возможным абсолютизацию изолированного исследования предметов и явлений. Эта возможность была реализована Бэконом и Локком, которые перенесли метод изолированного исследования в философию. Раскрытие механических взаимоотношений макротел породило такую форму метафизики, как механицизм; метафизическим откликом на эволюционное учение Ч. Дарвина стал плоский эволюционизм, революцию в физике на рубеже XIX—XX веков приспособил к своим целям релятивизм и т. д.

Современная эпоха, характеризующаяся бурным прогрессом познания в условиях нарастания классовой борьбы, приводит к столь же разнообразным проявлениям метафизического способа мышления. Характерной чертой современных противников диалектики является попытка создать философию, заменяющую, часто в завуалированной форме, марксизм и его диалектический метод. Многие буржуазные идеологи стремятся найти такую теорию, которая хотя бы внешне походила на диалектический материализм, а, по существу, заменяла бы его. Такие надежды возлагаются на структурализм, который в последнее время получил широкое распространение в западноевропейской философии.

Понятие «структурализм» достаточно неопределенно, ибо можно говорить о структурализме философском, естественнонаучном, а также о структурализме в отдельных конкретных науках (лингвистике, литературе, эстетике, этнографии и т. д.). Необходимо различать структурализм как общую методологию и структуральные методы как совокупность рабочих исследовательских приемов. Эти методы носят конкретно-научный характер и играют, как правило, позитивную роль в познании. Структурализм же как учение, охватывающее методологию и общий принцип, направляющий совокупность рабочих приемов, не только несовместим с научной философией, но и является ее идейным противником в целом и в области диалектики в особенности.

Метафизический характер структурализма отчетливо обнаруживается уже в его основном положении, утверждающем, что структура имеет явное преимущество перед элементами и обладает абсолютной независимостью от последних (Ф. де Соссюр, М. Фуко, К. Леви-Стросс и др.). При этом понятие «элемент», неправомерно подменяется понятием «субстанция»⁹. Таким

образом, абсолютизация структур, взятых в «чистом» виде, принимает вид антисубстанциализма.

Гносеологическая возможность антисубстанциализма, как и любой другой формы проявления метафизического способа мышления, коренится в диалектической противоречивости процесса познания. Появление в XX веке таких наук, как кибернетика, бионика, семиотика, объектом исследования которых стали сложные системы, привело к некоторому смещению внимания с субстратной точки зрения на структурную. Выдвижение на первый план относительной независимости структуры от ее элементов в значительной мере способствовало прогрессу научного познания. В то же время появилась реальная возможность абсолютизации относительной независимости внутренних отношений от самих элементов, охваченных этими отношениями. Эта возможность была реализована структурализмом, который превратил методическое положение о примате отношений над элементами в системе в общий принцип.

В противоположность отрыву в философском структурализме отношений от их носителя, структуры от субстанции материалистическая диалектика исходит из их единства при примате субстанции. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что отрицать в какой-либо области действительности субстанцию — значит «не признавать никакого отличного от мышления — бытия, никакой отличной от самопроизвольности духа — энергии природы»¹⁰.

Нетрудно заметить, что придавая понятию «структура» субстанциональный характер, представители структурализма стремятся смазать различие между материей и сознанием, и это в конечном счете приводит их в лагерь идеализма.

Не менее отчетливо, чем в антисубстанциализме, метафизический характер философского структурализма проявляется в его антиисторизме. Здесь метафизические выводы вытекают из неправомерного преувеличения частного приема познания, допустимого в определенных и весьма узких границах. Известно, что рассмотрение внутренних связей объекта в отвлечении от их исторического происхождения оправдано по отношению лишь к некоторым областям действительности, например, к системе знаков. Будучи раз данной, такая система должна изучаться прежде всего с точки зрения взаимосвязи самих знаков. Некоторые структуралисты, например, К. Леви-Стросс, признают, что структурализм может быть применим в определенных, весьма ограниченных областях, обладающих автономией и относительной независимостью от других областей¹¹. Однако ни сам К. Леви-Стросс, ни другие представители структурализма не следуют этому соображению и развивают структурализм как общую методологию и философию общественных наук. Исследуя социальные объекты, они рассматривают их по аналогии с языковыми структурами не в процессе их формирования и развития, а как замкнутые в себе, изолированные в пространстве и находящиеся вне времени структуры¹². Таким образом, при изучении исторических фактов структурализм принимает во внимание только один элемент диалектики — взаимодействие элементов внутри данной системы. Диалектический же метод не ограничивается описанием внутренних связей в данной социальной системе. Его интересует прежде всего не структура, как таковая, не сосуществование элементов социальной системы, а законы ее изменения, развития, переход одной формы в другую. Диалектический материализм не отрицает значения структурного анализа социальной жизни. В то же время он исходит из того, что изучение данного общества с учетом его исторического развития играет существенную роль в понимании особенностей его структуры и составляющих его элементов.

Рассмотренные выше разновидности метафизического способа мышления не исчерпывают всего многообразия форм его проявлений. Однако анализ их гносеологической сущности позволяет сделать вывод, что метафизическим является такой способ мышления, который исходит из разрыва реальных диалектических противоположностей и односторонней абсолютизации одной из них. Выявление гносеологических источников каждой конкретной формы проявления метафизического способа мышления является важным условием успешной борьбы против современных метафизических концепций.

¹ См.: Нарский И. С. Диалектическая проблематика в творчестве Спинозы. — Философские науки, 1978, № 3.

- ² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 22.
- ³ Aston H. B. The Illusion of the Epoch.— London, 1955, p. 74.
- ⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 36.
- ⁵ Теория отражения и современная наука.— М., 1966, с. 206.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 233.
- ⁷ См.: Поварнин С. И. Диалектика и формальная логика.— В кн.: Вопросы диалектики и формальной логики, вып. 2.— Л., 1971, с. 96.
- ⁸ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук, т. 1.— М., 1974, с. 144.
- ⁹ См.: Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование.— М., 1971, с. 29.
- ¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 157.
- ¹¹ См.: Levi-Strauss C. Le structuralisme n'est pas une philosophie.— Temoignage Chretien, 1965, № 1141, p. 17—18.
- ¹² См.: Козловский В. В. Материалистическая диалектика и ее современные противники.— М., 1978, с. 195.

Я. С. ЯСКЕВИЧ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ ТОЧНОСТИ ЯЗЫКА НАУКИ

Успех научного исследования во многом определяется точностью понятийно-терминологического аппарата. Важнейшим средством достижения терминологической точности являются научные определения. В качестве такого средства они выступают на всех этапах исследования. Расширение спектра вопросов, связанных с проблемой точности языка науки, появление новых направлений исследования этой проблемы требует углубленного анализа тех гносеологических и методологических оснований, которые могут обеспечить ее эффективную разработку.

Методологической основой, которая обеспечивает продуктивный анализ проблемы точности языка науки, является диалектико-материалистическая концепция гибкости понятий. В. И. Ленин, выражая сущность диалектического подхода к анализу гибкости понятий, писал: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»¹. Гибкость концептуального аппарата, движение и развитие понятий имеют своим источником постоянно развивающуюся действительность, в которой отсутствуют резкие разграничительные линии между отдельными предметами и явлениями. В. И. Ленин, давая материалистическую интерпретацию некоторых положений Гегеля, заметил, что у него «гениальна основная идея: всемирной, всесторонней, живой связи всего со всем и отражения этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»². Гибкость языка обеспечивает, в конечном счете, возможность его успешного функционирования в постоянно развивающемся мире. Язык, в котором границы понятий были бы строго очерчены раз и навсегда, не смог бы выразить принципиально новое содержание изучаемых явлений адекватным образом.

Гибкость понятий формировалась уже на ранних этапах развития человеческого знания. Она обеспечивала возможность переноса выработанных понятий из одной предметной области в другую и познание новых объектов на базе сложившихся познавательных средств. К. Маркс, излагая диалектико-материалистическую концепцию отражения внешнего мира в сознании человека, подчеркивал, что люди никоим образом не начинают с того, что стоят в теоретическом отношении к предметам внешнего мира. Они начинают с того, чтобы есть, пить, активно действовать, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворяя свои потребности. Постоянное повторение этого процесса приводит к тому, что в мозгу человека запечатлевается тот факт, что определенные предметы, их свойства и отношения, удовлетворяют потребности людей³. Выявляемое практикой отличие этих предметов от других закрепляется в обывденном языке посредством особых имен, выражающих признаки предметов, удовлетворяющих потребности человека. По этим признакам предметы объединяются в классы и таким путем в человеческом мыш-

лении формируются первичные генерализации. Практическая деятельность приводит к реализации целей и удовлетворению человеческих потребностей тогда, когда сами практические действия согласуются с сущностными характеристиками изменяемых предметов. Предметы в практике изменяются не произвольно, а в соответствии с объективными законами их функционирования и развития. Поэтому практика как бы обнажает сущностные характеристики предметов, делает их значимыми для человека. На этой основе возникает связь целей и потребностей человека с сущностными характеристиками предметного мира, что, в свою очередь, приводит к различению классов предметов по их существенным признакам. Таким путем в мышлении формируется особый тип генерализаций — понятия. Действительность начинает осваиваться с помощью понятийного аппарата, который закрепляет накопленный опыт человечества и обеспечивает постижение новых объектов. Контролируя применение понятий, практика устанавливает их соответствие сущностным характеристикам реальных объектов.

По мере развития потребностей и тех видов деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, человек осваивает все новые и новые области действительности, к которым он вынужден применять уже сложившийся понятийный аппарат. Перенесение понятий из одной предметной области в другую, новую область может привести к несовпадению старого понятия и его нового экспликата. Так, ранее точное понятие, соответствующее какому-то объекту, превращается в неточное. Эта неточность устраняется тем, что понятие переопределяется, переосмысливается за счет более глубокого проникновения в сущность отображаемых в нем предметов или же путем введения соответствующих ограничений при использовании «старых» понятий в новой области. Описанная особенность развития понятийного аппарата проявляется уже на ранних этапах эволюции человеческого знания. Но особенно отчетливо она прослеживается на более сложных и развитых уровнях теоретического и практического постижения мира, к которым и относится научное исследование. В нем мы постоянно сталкиваемся с процедурой трансляции понятий из одной области в другую и их переопределениями в этой новой области. Например, формирование концептуального аппарата квантовой механики было основано на применении понятий классической физики и их последующем переопределении. Н. Бор по этому поводу писал: «Как бы далеко ни выходили квантовые эффекты за пределы возможностей анализа классической физики, описание экспериментальной установки и регистрация результатов наблюдения должны производиться на обычном языке, дополненном терминологией классической физики. Это есть простое логическое требование, поскольку слово «эксперимент» в сущности может применяться лишь для обозначения такой ситуации, когда мы можем рассказать другим, что мы сделали и что мы узнали в итоге»⁴. При описании квантовых объектов исследователь вынужден применять язык классической физики. Но специфика новой предметной области предполагает новые уточнения классических понятий. Свойства квантовых объектов описываются с помощью классических понятий — координаты, импульса, энергии, волны, корпускулы. Но на совместную их применимость налагаются ограничения. Принцип дополнительности представляет с этой точки зрения четко определенный способ такого ограничения. С его помощью устанавливается равнозначность двух классов понятий, описывающих противоположные ситуации, и достигается точность используемого понятийного аппарата.

Гибкость понятий позволяет использовать их в качестве орудия, средства изучения новой предметной области. «С помощью понятий в процессе теоретического исследования оказывается возможным формировать абстрактные объекты, превращая их из предметов исследования в идеальные объекты оперирования. Благодаря этому, объекты, полученные в одной области, могут быть использованы в качестве исходного материала для построения теоретических моделей новой области»⁵. Перенесение понятия в новую область сопровождается экспликацией соответствующего понятия абстрактного объекта, установлением его связей с новыми идеальными объектами, проведением над ним мысленных экспериментов. Новые связи и отношения между идеальными объектами порождают их новые свойства, признаки. Затем они проверяются практикой и, если выделенные свойства существенны, они закрепляются в определениях и переносятся в содержание понятия⁶. Таким образом, гибкость понятий проявляется в процедурах их переноса из одной теоретической системы в другую, в использовании

уже сложившихся понятий в качестве средства теоретического освоения новых объектов. В этом процессе происходит изменение содержания исходных понятий и соответственно изменение границ их прежней применимости. Точность понятия, характерная для одной области, становится относительной в рамках новой системы связей, что требует перестройки, трансформации, переопределения понятия. В результате всех этих трансформаций достигается адекватное отражение в понятиях изучаемого объекта.

В настоящее время главными объектами научного познания становятся сложные и развивающиеся системы, что порождает новые методологические требования к проблеме гибкости и точности языка науки. Одним из таких требований является вопрос о соотношении «расплывчатости» с «точностью» и «неточностью». В философской литературе понятия расплывчатости и неточности нередко отождествляются. На наш же взгляд, несмотря на интуитивно фиксируемое сходство, между этими понятиями имеется существенное различие. Расплывчатое, размытое понятие может быть точным, если оно правильно схватывает отсутствие жестких границ между классами изменяющихся и развивающихся объектов реального мира и соответствует «размытости» самих явлений действительности. Так, поэтический художественный язык постоянно имеет дело с расплывчатым смыслом понятий. Но это не означает, что поэтическая точность — это полуточность. В системе поэтического стиля сами признаки точности становятся другими. «В искусстве обнаруживается... не полуточность, а точность особого рода, которая не сводится к формулам «да — нет», к «черно-белому», а опирается на оттенки, без которых она сама была бы невозможна»⁷. Подобная картина наблюдается и в науках, имеющих дело с исследованием сложных систем, статистических процессов, диффузных явлений.

Функционирование сложных систем связано с принципом несовместимости. Суть этого принципа можно выразить так: чем сложнее система, тем меньше возможности дать точные и в то же время имеющие практическое значение описания ее поведения. Для систем, сложность которых превосходит некоторый пороговый уровень, точность и практический смысл становятся почти исключаящими друг друга характеристиками⁸. В соответствии с этим в сложных системах неограниченная точность определения исходных понятий может вступить в противоречие с точностью конечного результата действия системы. Таким образом, нерасплывчатое жесткое понятие может оказаться неточным.

Чем сложнее система, тем более гибкие понятия необходимы для ее адекватного описания. Расплывчатые, размытые понятия особенно характерны для гуманитарных областей знания. Традиционные методы недостаточны для анализа гуманитарных систем, так как они не в состоянии охватить нечеткость человеческого мышления. Поиски новых подходов к описанию диффузных, статистических явлений, к построению концептуальных систем науки, отражающих особенности исторически развивающихся объектов, приводят к появлению ряда концепций, в которых предпринимается попытка рассмотреть проблему гибкости понятий с формально-логической точки зрения. Одним из таких подходов является теория расплывчатых множеств Л. Заде, которая начинает развиваться с 60-х годов. Л. Заде исходит из того, что большинство классов объектов, с которыми приходится сталкиваться в реальном мире, являются классами нечеткого типа, т. е. классами, которые не имеют строго определенных границ. Например, класс всех действительных чисел, намного превосходящих 10, класс рукописных изображений буквы А, класс умных людей и т. д. В таком случае элемент может принадлежать или не принадлежать классу и, кроме этого, возможны промежуточные градации принадлежности элемента данному множеству (или объему некоторого понятия). Поэтому для описания степени принадлежности элемента классу необходимо использовать многозначную логику — возможно даже с континуальным множеством значений истинности⁹.

Следовательно, задача состоит в том, чтобы новая «расплывчатая» логика позволила в достаточно строгих терминах трактовать объемно нечеткие понятия. Теория Л. Заде предполагает, что имеется градация принадлежности элемента классу, в отличие от традиционной теории множеств, где принадлежность элемента классу оценивается по принципу «либо истинно, либо ложно». Вводится представление о функциях членства, каждая из которых выделяет в предметной области какой-то нечеткий класс

(множество); выделение осуществляется путем отнесения к элементам предметной области чисел из интервала $0—1$. Чем ближе значение функции к 1, тем большая степень принадлежности элемента к нечеткому классу, множеству; по мере приближения к 0 возрастает степень непринадлежности элемента классу, 0 — полная непринадлежность, т. е. в данном случае мы возвращаемся к обычной двузначной логике, где классы предметов выступают как «жесткие» множества. В «расплывчатой» логике действуют правила обычной двузначной логики, логики лжи и истины, так как в своей практической деятельности человек вполне ориентируется в условиях размытости, диффузности, не используя при этом особых правил для оперирования с расплывчатыми множествами.

Однако концепция расплывчатых множеств Л. Заде — не единственный путь теоретического осмысления гибкости, диалектической неоднозначности, «неточности» человеческого знания. Так, например, разработано исчисление, формализующее язык эмпирических наук с неточными предикатами (И. Н. Бродский). Апробируется также теория многозначных логик на топологических пространствах (Г. Дж. Кейслер, Чэн-Чунь). Интересной концепцией является «бейесовская модель языка», которую можно интерпретировать как некоторую многозначную вероятностную логику (В. В. Налимов). Стремление к формализации феномена «расплывания» понятий является одним из проявлений поворота логики в сторону человека, мозг которого по сравнению с самой совершенной машиной способен оперировать с нечетко очерченными понятиями, выходит за рамки строго дедуктивного мышления и успешно преодолевает гегелевские трудности. Концепции расплывчатых множеств являются своеобразным отходом от традиционных взглядов на точность и строгость в научном анализе, когда считалось, что язык является точным, если имеется полная уверенность относительно границ его единственной интерпретации. Такое понимание точности скорее соответствует требованиям формализованных систем, в которых термины строго однозначно определены и к ним применяются общие правила формального характера. Стремление к подобного рода точности (характерной для элементарной математики) не всегда является плодотворным для ряда наук о природе и обществе. Осознание этого приводит к отходу от концепций жесткого детерминизма, которые отличаются строго однозначным характером всех без исключения связей и зависимостей. При моделировании сложных систем и процессов, а также поведения человека, жесткие количественные методы и строгий математический формализм не являются чем-то необходимым и безусловным. Использование ситуаций выбора в поведении, а также расплывчатых понятий и выражений, с которыми человек имеет дело не только в повседневной практике, но и в сфере некоторых наук, является очевидным фактом. Размытость, расплывчатость, диффузность понятий и выражений языка этих наук нельзя отождествлять с их неточностью.

Таким образом, диалектическая гибкость понятий является необходимым условием точности научного знания. Она обеспечивает преимущество в развитии концептуального аппарата науки и создает гносеологические предпосылки для адекватного отражения внеязыковой реальности. Степень точности языка науки определяется условиями познания и практическими задачами данного исследования, т. е. требование точности выполнимо при соблюдении диалектико-материалистических положений о конкретности истины и о практике как основе всего познавательного процесса. Это обстоятельство имеет решающее значение при разработке критериев точности, ее признаков, в зависимости от качественной специфики изучаемой предметной области, уровня ее развития, характера исследовательских задач.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 99.

² Там же, с. 131.

³ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 378.

⁴ Бор Н. Избранные труды, т. II. — М., 1971, с. 392—393.

⁵ Степин В. С. Становление научной теории. — Минск, 1976, с. 140.

⁶ См.: Там же, с. 140.

⁷ Будагов Р. А. Понятие точности в филологии. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1977, № 3, с. 206.

⁸ См.: Заде Л. А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений. — Математика сегодня. — М., 1974, с. 7.

⁹ Заде Л. А. Тени нечетких множеств. — Проблемы передачи информации, 1966, т. 2, вып. 1, с. 37.

ПРОБЛЕМА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ И РУССКОЙ ПРОГРЕССИВНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ (вторая половина XIX—начало XX века)

Прогрессивная философская мысль народов России второй половины XIX—начала XX века как составная часть мировой духовной культуры привлекает пристальное внимание советских и зарубежных исследователей. Известно, что философская мысль отдельных народов, объединенных в одном государстве, не изолированное явление. «Пока разные нации живут в одном государстве,—отмечал В. И. Ленин,—их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера»¹. Поэтому, изучая философский процесс народов, связанных экономическими, культурными и другими узами, мы должны, во-первых, выделять то общее, что имеется в философской мысли каждого народа, и, во-вторых, делать акцент на раскрытии диалектики общего и особенного.

Итак, первая проблема, которую мы затронем,—это проблема общего и особенного в периодизации развития прогрессивной философской мысли белорусского и русского народов второй половины XIX—начала XX века.

Ретроспективный взгляд на прогрессивную философскую мысль белорусского и русского народов анализируемого периода позволяет выделить следующие ее направления: философию революционных демократов, философию революционного народничества, естественнонаучный материализм, который был тесно связан с революционно-демократической идеологией, и марксистскую философскую мысль. Такая концептуальная схема развития прогрессивной философской мысли отражает общие закономерности экономической и социально-политической жизни этих народов, а также содержание и характер революционно-освободительной борьбы трудящихся. Однако, как показали советские исследователи, в развитии русской и белорусской революционно-демократической мысли имеются свои особенности². Так, например, революционно-демократическая мысль в Белоруссии активно развивалась в начале XX века, т. е. в тот период, когда определяющая роль в прогрессивной общественной мысли принадлежала марксизму. Вследствие этого революционный демократизм в Белоруссии приобретает в начале века специфические особенности: под влиянием марксизма революционные демократы более глубоко и последовательно подходили к решению ряда вопросов, особенно в области исторического материализма, им «присущи новые черты трактовки народа и его типичного представителя—крестьянина-труженика»³, а «непримиримость к буржуазно-помещичьим социальным порядкам... сочеталась с утверждением созидательной силы и могущества народных масс»⁴. Этим заметно отличались белорусские революционные демократы Я. Купала, Я. Колас и др. от их идейных предшественников—К. Калиновского, Ф. Богусевича, А. Гуриновича. Но принципиально новых качественных черт революционный демократизм в Белоруссии, так же, например, как и на Украине, в начале XX века не приобрел. Согласно ленинской характеристике, «под революционной демократией разумеются те последовательные и решительные демократические течения, которые принимают всю демократическую программу социал-демократов, не останавливаются ни перед какими революционными мерами, но лишены ясного социал-демократического классового сознания»⁵. Эти ленинские слова особенно важно учитывать при определении роли революционно-демократической мысли в общественной жизни конца XIX—начала XX века. Однако в отдельных исследованиях, по нашему мнению, проявляется тенденция к преувеличению роли революционно-демократической мысли в идейной борьбе в Белоруссии, на Украине в этот период. Кроме того, в работах допускаются порой (особенно при рассмотрении проблем, связанных с периодизацией истории развития революционно-демократической мысли) недостаточно аргументированные попытки придания статуса общего особенному. Так, например, В. С. Дмитриченко в работе «Социалистическая мысль на Украине в 70-х—начале 80-х годов XIX в.», исходя из концепции периодизации революционно-демократической мысли в целом, выдвинутой

В. И. Шинкаруком, А. А. Пашковой и Н. Т. Ассоновой⁶, сделал вывод о том, что «следует считать началом второго этапа в развитии революционно-демократической идеологии не 70-е, а 90-е годы XIX в.»⁷. Для подтверждения своей мысли автор приводит следующее высказывание В. И. Ленина: «Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов»⁸. Но надо иметь в виду, что в данном случае В. И. Ленин говорит не о новом этапе развития революционно-демократической мысли, а о закономерном процессе дифференциации сил демократии и социализма по мере дифференциации крестьянства, интересы которого выражала революционно-демократическая идеология, и формирования в России пролетариата как класса. Утверждение В. С. Дмитриченко о том, что в 90-е годы начинается новый этап революционно-демократической мысли, находится в явном противоречии с известной ленинской периодизацией освободительного движения в России, согласно которой разночинский этап этого движения заканчивается деятельностью «Народной воли»⁹.

Неоднозначность имеющихся подходов и оценок к проблеме периодизации развития прогрессивной мысли народов России, ее отдельных направлений приводит нередко к затруднениям в исследовании того или иного течения, не позволяет раскрыть сущность процесса развития и характер взаимосвязи различных направлений философской и общественной мысли. Как нам кажется, дискуссионные проблемы и трудности в периодизации возникают отчасти вследствие абсолютизации особенного в развитии философской мысли народов России. Их можно избежать, если при анализе исходить из рассмотрения философской мысли народов России как целостного образования культуры, учитывать не только отдельное, но и выяснять в каждом конкретном случае общую канву, линии взаимосвязи и взаимообусловленности. Нужно также строго придерживаться установленного содержания понятий-терминов. Ведь такие понятия, как, например, «революционно-демократическая мысль», «революционно-демократическая мысль народов России», «русская революционно-демократическая мысль» имеют различные теоретические объекты.

Второй вопрос, заслуживающий внимания, — это вопрос об общем и особенном в философской проблематике.

Сравнительный анализ работ прогрессивных философов второй половины XIX — начала XX века позволяет заключить, что в них исследовались некоторые общие проблемы, характерные для философской мысли всех или большинства народов России. Ведущей среди них была проблема, связанная с выяснением путей социального освобождения, революционного преобразования общества. Ее пытались решить как выдающиеся представители русской нации, так и Белоруссии, Украины, других народов. К числу общих проблем следует отнести также борьбу прогрессивных мыслителей за развитие материалистической традиции. Так, за союз философии и естествознания активно выступали А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, И. М. Сеченов. Определенный вклад в развитие идей естествонаучного материализма, элементов диалектики внесли А. В. Советов, И. А. Стебут, В. М. Рытов, А. П. Любодовский, А. М. Бажанов и другие ученые, работавшие в Горы-Горетском земледельческом институте в Белоруссии. Объединяла прогрессивных мыслителей народов России их общая борьба с идеалистической философией, религией и официальной идеологией. К числу общих проблем, решаемых прогрессивными философами различных наций, следует отнести также проблему защиты и развития материалистической линии в эстетике.

Философия каждого народа базируется на конкретном мыслительном материале, накопленном предшествующими поколениями, исходит из сложившихся идейных традиций, и поэтому отражение в философии отдельных народов, даже близких между собой, одних и тех же вопросов общественного развития приобретает специфические черты. К тому же каждая нация имеет проблемы и национально-особенные, которые также отражаются в философии, как одной из важнейших форм общественного сознания.

Одной из особенных черт прогрессивной философской мысли народов дореволюционной России, в том числе и белорусского, подвергавшихся

постоянно преследованиям и гонениям со стороны царского самодержавия, были проблемы национального языка и национальной культуры. Уместно заметить, что в результате взаимодействия и взаимовлияния прогрессивных философских культур народов России здесь особенное становилось общим. Так, выдающиеся русские мыслители резко критиковали политику царизма, направленную на ущемление национальных интересов народов России. Известно, например, какое важное место в творчестве А. И. Герцена, М. А. Бакунина занимал «польский вопрос», который, как справедливо отмечают авторы «Очерков революционных связей народов России и Польши», надолго стал одним из острейших узлов противоречий в европейской и международной политике»¹⁰.

Как специфически-особенное необходимо отметить разработку в русской революционно-демократической мысли проблемы семьи, эмансипации женщины. Одним из первых в России так глубоко поставил и попытался разрешить с революционно-демократических позиций вопрос о семье, эмансипации женщины сподвижник Н. Г. Чернышевского М. Л. Михайлов. Предложенное им решение носило гуманистический характер и по своей сущности несравненно прогрессивнее различных концепций западноевропейских буржуазных и мелкобуржуазных идеологов середины XIX века — Ж. Мишле, П. Ж. Прудона и др. Работы М. Л. Михайлова, а также выступления по проблемам семьи Н. В. Шелгунова были известны в Белоруссии и оказали определенное влияние на общественную мысль и практику вовлечения женщин в профессиональную революционную деятельность. Ведь в Белоруссии в 70-е годы прошлого века женщины составляли 22% участников революционного движения¹¹.

Для раскрытия общего и особенного в истории прогрессивной философской мысли белорусского и русского народов важное значение имеет выяснение уровня, характера и направленности взаимосвязи этой мысли. Основанием взаимосвязи была общность экономического и социально-политического развития народов пореформенной России, условием ее реализации выступала революционная борьба угнетенных классов против эксплуататоров. Направленность взаимосвязи не была односторонней, однако ее определяющим элементом в силу сложившихся исторических условий была прогрессивная русская философия. Это характерно как для философии революционных демократов во главе с Н. Г. Чернышевским, так и для философии революционного народничества, а также марксистской философии, получившей всестороннее творческое развитие в трудах В. И. Ленина и его соратников. Причем тенденция развития взаимосвязи такова, что влияние прогрессивной русской философии и общественной мысли возрастало вместе с развитием революционного движения. Одновременно с формированием рабочего класса, на вооружении которого находится интернациональное по своему характеру учение, происходил и процесс углубления содержания философской мысли.

При этом было бы ошибочным рассматривать философскую мысль нерусских народов лишь как результат влияния русской философии. Анализ показывает, что имело место и обратное воздействие прогрессивной философской мысли народов России, в том числе белорусской, на передовую русскую философскую мысль. Известно, например, что ряд ученых Горы-Горецкого земледельческого института пропагандировал впоследствии передовые естественнонаучные идеи в Петербургском университете и земледельческом институте.

Прогрессивная философская мысль России второй половины XIX — начала XX века активно взаимодействовала с философской мыслью Западной Европы. И это характерная черта философии не только русского народа. Достаточно вспомнить о взаимосвязях белорусских революционных народников с К. Марксом и Ф. Энгельсом¹², революционеров, составивших русскую секцию I Интернационала, членов группы «Освобождение труда», о взаимосвязях прогрессивной мысли славянских народов. Таким образом, несмотря на политику царского правительства, направленную на раскол наций, разжигание национальной вражды и ненависти, существовала органическая и цельная связь прогрессивной философской мысли народов России. Она укреплялась по мере консолидации революционных сил и в целом успешно противостояла официальной идеологии царского режима.

Анализ реального процесса развития прогрессивной философской мысли белорусского и русского народов второй половины XIX — начала

XX века убедительно показывает наличие у этой мысли общего, которое не отрицает особенного. Поэтому перед исследователями стоит важная задача дальнейшего раскрытия диалектики общего и особенного, необходимой для реконструкции целостной картины развития философской мысли в нашей стране.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 175.

² См.: Ефремова О. И. Из истории общественной мысли Белоруссии конца XIX—начала XX в.— Минск, 1972; Майхрович А. С. Белорусские революционные демократы.— Минск, 1977.

³ Майхрович А. С. Белорусские революционные демократы, с. 167.

⁴ Там же, с. 152.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 318.

⁶ См.: Вопросы философии, 1965, № 4, с. 126.

⁷ Дмитриченко В. С. Соціалістична думка на Україні в 70-х на початку 80-х років XIX ст.— Київ, 1974, с. 13.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 176.

⁹ См.: Там же, т. 21, с. 261.

¹⁰ Очерки революционных связей народов России и Польши 1815—1917.— М., 1976, с. 4.

¹¹ См.: Самбук С. М. Революционные народники Белоруссии 70-е—начало 80-х годов XIX в.— Минск, 1972, с. 89.

¹² См.: Иосько М. И. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Белоруссия.— Минск, 1977.

Л. А. ГУЦАЛЕНКО

О СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТАХ БЕЗГРАНИЧНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Возрастающая динамика исторического процесса вызывает повышенный интерес к перспективам развития человека. В советской философской литературе понимание сущности развития представлено различными точками зрения, из которых мы разделяем следующую: развитие как бесконечное движение от низшего к высшему¹.

В онтологическом плане методологической основой для вывода о принципиальной возможности безграничного развития человека служит более углубленное, ленинское понимание материи как субстанции, «всеобщей основы явлений, которая, выражая момент абсолютного, бесконечного, вечного, существует в конкретных, относительных формах, в конечном, во времени»². Разумеется, соотношение конечного и бесконечного на разных уровнях организации материи неодинаково. По мнению некоторых исследователей, понятие прогресса применимо и к низшей форме движения материи, но особенно к тем явлениям неорганического мира, которые связаны с переходом от неживой к живой природе³. По мере усложнения организации и форм движения материи тенденция к прогрессивному развитию усиливается. Чем совершеннее то или иное социальное явление, тем выше его способность к динамичному, безграничному развитию⁴.

Следовательно, на высших этапах существования социальной материи (полный коммунизм) человек как носитель ее особенностей: труда, познания, общественных отношений—ближе всего подойдет к оптимуму своих свойств, но никогда с ним не сравняется. В субстанциональном аспекте объективно детерминированный материальным производством и постоянно совершенствующий его, а через него—весь образ жизни, человек тем самым делает преходящей каждую следующую ступень своего совершенства. Соответственно все полнее будет проявляться качественная неисчерпаемость носителя свойств социальной материи. Если на досоциальных уровнях материя развивается прежде всего путем коренных перестроек самого субстрата материальных объектов, то в процессе антропосоциогенеза происходит постоянное усложнение, совершенствование содержания и структуры социальных свойств личности. Правда, в антагонистическом обществе они жестко ограничиваются, обедняются классовой принадлежностью человека, разделением труда, отчуждением, достигающим при капитализме глобальных масштабов. Социализм снимает указанные ограничения в основном, а коммунизм—полностью. Тем самым открывается беспредельный простор для присвоения человеком всего богатства материальной и духовной культуры общества, его отношений. Это способствует

аленко, Л. А.

ет ускоренному развитию всех элементов социальной и психологической структуры личности, наполнению их качественно новым содержанием. Значительно увеличивается мера активности в сфере труда, познания, управления, общения, быта, возрастает уровень сознания. Совершенствуются нормативно-ценностная, потребностно-мотивационная и эмоционально-волевая системы личности.

Поскольку неисчерпаемость — всеобщее свойство материи, то она распространяется не только на структуру всех материальных, социальных объектов, но и их атрибуты, в том числе и развитие как высшую форму движения. Идея возможности бесконечного развития связана логически с диалектико-материалистическим пониманием его источника — противоречия. В этом убеждает нас марксистская концепция развития, которую В. И. Ленин обогатил многими новыми идеями, в частности, следующей: «Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»⁵.

Важные методологические выводы о бесконечности развития общества и человека позволяет обосновать также марксистско-ленинская гносеология. Поскольку объектом познания служит не мышление само по себе, а отражаемая в нем неисчерпаемая объективная реальность, то соответственно «разум так же бесконечно превращает «вещи в себе» в «вещи для нас»⁶. Связанная с этим безграничность развития отрагательной деятельности, естественно, не замыкается только на научном познании, а распространяется на все сферы общественного и индивидуального сознания. При этом, как подчеркивал В. И. Ленин, сознание никогда не способно сразу охватить всего содержания общественного бытия, поскольку последнее всегда динамичнее, богаче своего идеального аналога. В эпоху социалистической революции, строительства коммунизма, противоборства двух мировых социальных систем возрастает роль научно-идеологического уровня сознания в развитии и реализации всех творческих сил, духовных потенциалов личности.

Методологические принципы обоснования безграничности развития человека, заложенные в материалистической диалектике, логическое развитие получили в историческом материализме. Доказав детерминированность социального прогресса революционными изменениями в способе производства и воспроизводства общественной жизни, классики марксизма-ленинизма тем самым научно обосновали оптимистический взгляд на перспективы развития всего социума и человеческого индивида. В частности, polemизируя с Прудоном, К. Маркс отмечал, что народы развиваются не по королевскому декрету, а в процессе преобразования объективных условий своего существования. Именно в силу этого «вся история есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы»⁷. Самопорождение человека как процесс его непрерывного возвышения осуществляется по той причине, что человеческий индивид является носителем фундаментального свойства социальной материи: способности сознательного существа объективироваться в предметно-орудийной деятельности, в контексте порожденных ею общественных отношений. Причем изменения, которые происходят в ходе этого процесса, неисчерпаемы во всех отношениях, ибо носят характер «бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей»⁸.

Следовательно, какого бы высокого уровня совершенства не достигли общество и человек, история «не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества»...⁹

Категории марксистского идеала общества и человека выведены не в отрыве от объективных закономерностей исторического развития, а как отражение субстанциальной сущности, требований и предполагаемого результата этого развития. Так, основоположники марксизма отмечали, что уже в условиях капитализма развитие крупной машинной индустрии делает все менее возможным использование односторонне развитых работников. Но если общественный антагонизм, отчуждение препятствуют всестороннему и гармоничному развитию человека, то основанные на коллективной собственности производство и общественные отношения, напротив, с неизбежностью требуют именно такого развертывания сущностных сил личности.

Не преследуя цель исчерпывающего выяснения вопроса о содержании и соотношении понятий «всесторонне», «гармонично», «целостно», «универсально» развитая личность, мы соотнесем их между собой и соответ-

ственно кратко охарактеризуем специфику каждого в аспекте затронутой нами проблемы.

Всесторонне развитая личность представляется нам как человек, развивший свои основные способности и освоивший все общественные условия их реализации. На вопрос же, в какой мере он это сделал, ответ, очевидно, необходимо искать в более сложных характеристиках человека. Ими являются гармоничность, целостность, универсальность личности. Эти, фиксированные в коммунистическом идеале, фазы развития личности внутренне взаимосвязаны отношениями не только преемственности, но и взаимодополнения.

Гармоничность свидетельствует о высоком пропорциональном развитии и проявлении всех сущностных сил человека, его деятельности и связей с миром, эффективно взаимодействующих, внутренне обуславливающих друг друга. Гармония человека понимается при этом в самом широком смысле как определенное качественное состояние внутренних свойств личности и всех ее многообразных отношений с окружающей действительностью.

Однако ни всесторонность, ни гармоничность, несмотря на предельную широту этих понятий, еще не охватывают полностью систему, представляющую мир человека во всех многообразных связях и проявлениях его внутренних и внешних компонентов. Возьмем хотя бы такой аспект этого мира. Даже наиболее полно развившаяся всесторонность личности не может существовать без своей противоположности — ограниченности. В связи с этим К. Маркс отмечал, что «без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего значительного»¹⁰.

Понятие «целостность», на наш взгляд, глубже, диалектичнее характеризует мир человека как систему многообразных, взаимодействующих между собой субъективно-объективных элементов и связей. Оно выражает определенное единство гармонии и дисгармонии, всесторонности и ограничения во имя важнейшего, существенного, должного¹¹.

Если попытаться проследить перспективу человеческого прогресса, то при характеристике степени развития индивида упомянутые дефиниции снимаются категорией универсальности, которая в аспекте интересующей нас проблемы, к сожалению, почти не получила разработки в соответствующей литературе. Между тем, она, по мнению К. Маркса, выражает наивысшую ступень прогресса личности. Часто употребляя термины «всесторонний», «гармоничный», «целостный», «универсальный» индивид как синонимы, в некоторых принципиальных положениях К. Маркс и Ф. Энгельс различали их как последовательные ступени безграничного развития человека.¹² Можно предположить, что универсальность представляет собой развитие личности уже в границах всесторонности, гармоничности, целостности, достигших высокой степени зрелости. Оно будет осуществляться путем развертывания содержания и предисылок, заложенных в этих наиболее широких, качественно многообразных аспектах человеческого мира (направлениях его движения).

Какой же смысл К. Маркс вкладывал в понятие безграничного развития человека? Это развитие «всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу». Человек при этом не просто воспроизводит себя, «а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹³. Пожалуй, более выразительно нельзя подчеркнуть именно безграничный характер развития человека, когда всякий раз преодолеваются допустимые в идеале масштабы (степень) возможного человеческого совершенства.

Этот процесс развития личности принципиально отличается от человеческого прогресса в антагонистических обществах. Там со сменой формации и присущего ей социального типа личности исчерпывался, диалектически отрицался и идеал такой личности. Собственно, на всем протяжении предистории человечества только за счет такой смены и осуществлялся человеческий прогресс в целом. В будущем же безграничные качественные изменения локализируются в границах только одного, единого социального типа личности — коммунистической.

На первый взгляд, этап безграничного развития личности наступает после установления людьми эффективного социального контроля над своими отношениями к природе, обществу и друг другу. Это выражается в

обобществлении основных богатств, их планомерном использовании в производстве и потреблении, ликвидации стихийности, в предвидении последствий своей деятельности, в условиях труда, достойных человека. Между тем, в «Капитале» К. Маркс, говоря об этих основополагающих компонентах свободы, считает, что они сами по себе не исчерпывают возможности действительно свободного развития всех потенциалов человека. Определенное время после социалистической революции прогресс осуществляется в границах, которые, несмотря на огромный скачок в возможностях для развития человека, все еще представляют собой «царство естественной необходимости». На этой исторической стадии указанные элементы свободы, очевидно, должны достигнуть определенной социальной зрелости. Соответственно происходит накопление необходимых экономических, социальных и духовных предпосылок для совершения следующего революционного скачка — перехода к безграничному развитию человеческих сущностных сил. Лишь после этого, по ту сторону царства необходимости, «где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью», продолжает К. Маркс свою мысль, «начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы...»¹⁴

Таким образом, на первоначальной стадии коммунистической формации развитие человека пока не является единственной мерой развития всех ее базисных и надстроечных элементов. Напротив, они, притом еще не вполне созревшие, выступают как мера прогресса личности, который в данных условиях пока не безграничен. И лишь в период наивысшего расцвета материальной и духовной культуры полного коммунизма, когда развитие человека не будет сдерживаться никакими внешними факторами (сдерживание не нужно отождествлять с детерминацией), тогда прогресс личности станет неограниченным в плане и филогенетическом и, пожалуй, онтогенетическом. Тем более, что ресурсы высших этапов коммунистической фазы, видимо, позволят, наконец, реализовать предсказываемую некоторыми геронтологами возможность удлинить человеческий век в несколько раз¹⁵.

Безусловно, уже сегодня соотнесение и сравнительный анализ возможных стадий безграничного развития человека имеет наряду с теоретическим и практический интерес. Все более полное, а точнее, эффективное и качественное использование собственной основы социалистического общества для его дальнейшего развития не только поставили в повестку дня необходимость всестороннего и гармонического развития личности, но и требуют всяческого углубления этого процесса.

¹ См.: Орлов В. В. К понятию развития. — *Философские науки*, 1980, № 1, с. 61.

² Широков Д. И. Диалектика познания и категория субстанции. — Минск, 1974, с. 93.

³ См.: Мелюхин С. Т. Проблема конечного и бесконечного. — М., 1958; Жбанкова И. И. О развитии в неорганической природе. — Минск, 1964.

⁴ См.: Яценко А. И. Целеполагание и идеалы. — Киев, 1977, с. 170.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

⁶ Там же, т. 18, с. 330.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 162.

⁸ Там же, т. 21, с. 275.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, т. 23, с. 378.

¹¹ См.: Милтс А. А. О соотношении понятий целостная, всесторонняя и гармоническая личность. — В кн.: Проблемы формирования целостной личности. — Рига, 1976, с. 8.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 101, 386.

¹³ Там же, с. 476.

¹⁴ Там же, т. 25, ч. II, с. 386—387.

¹⁵ См.: Карсаевская Т. В., Шаталов А. Т. Философские аспекты геронтологии. — М., 1978.

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПОТРЕБНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ С МУЗЫКАЛЬНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИЕЙ

Современная советская наука все большее внимание обращает на изучение проблем всестороннего развития личности и путей формирования ее потребностей. Интеллектуальное совершенствование человека, дальнейшее увеличение резервов его свободного времени за счет автоматизации производства все в большей степени способствуют формированию потребности личности в художественном познании мира. Развивая свои художественные потребности, люди предъявляют повышенные требования к тем, кто является для них эталоном в интерпретации художественных ценностей.

Содержание и характер художественных потребностей студентов-музыкантов имеют немаловажное значение для воспитания их социальной активности. С повышением активности творческой интеллигенции партия связывает выполнение широкой социальной программы, намеченной XXV съездом КПСС и конкретизованной в ряде директивных документов и постановлений¹.

Профессиональная музыкальная деятельность представляет собой одно из важных средств социальной коммуникации. Поэтому для получения реальной картины состояния художественной потребности студентов мы учитывали структуру и некоторые ее формирующие факторы, а именно: а) возраст, образование студентов и познавательную ориентацию; б) ценностное отношение к источникам эстетической и художественной информации в различных жанрах, видах искусства; в) соотношение активности студентов в сложных формах интеллектуальной деятельности «до» и «во время» учебы в вузе как социальное проявление «полезных» обществу способностей музыкантов.

На основе разработанной программы исследования по проблеме «Потребности и интересы студентов как важные компоненты формирования мировоззрения личности» с помощью анкеты мы опросили 248 студентов первого—пятого курсов дневного и заочного отделений Гродненского педагогического института (ныне—госуниверситет). Учитывая уровень специальной подготовки абитуриентов, поступивших на музыкальное отделение педагогического вуза, мы разделили обработку анкет на две группы: первая—анкеты студентов со средним специальным образованием (музыкальное и музыкально-педагогическое училища), вторая—с начальным музыкальным образованием и зачисленных в вуз после средней школы. Мы анализировали нюансы ответов второй группы в зависимости от окончания музыкальной школы (подгруппа А—«ПА») с ответами студентов, занимавшихся в музыкальных студиях и не имевших до вуза элементарной музыкальной подготовки (подгруппа Б—«ПБ»). Из числа опрошенных в возрасте 16—19 лет 56% студентов—в подгруппе А, 99%—в подгруппе Б. В первой группе—55% студентов в возрасте от 20 до 24 лет. И только 23% студентов этой группы занимались музыкально-педагогической деятельностью до поступления в вуз. Во второй группе общий трудовой стаж не менее двух лет имели 27% студентов подгруппы А и 15%—подгруппы Б. Примерно 11% студентов «ПА» и 12%—«ПБ» работали по специальностям, не связанным с музыкой. Следовательно, ядро студенческого контингента составляли различные возрастные группы, которые не успели приобрести стабильного социального положения, обусловленного выбором профессии.

Судя по результатам исследования, число студентов с ярко выраженной потребностью повысить свой культурный уровень с помощью искусства, не ограничиваясь музыкой, составляет 72 в первой группе и 64% во второй. Критерий уровня определялся в зависимости от того, что «ищет» студент для себя в искусстве. Подробный анализ полученной информации показал, что студенты первой группы предпочитают проблемно-психологическую направленность произведений как основу для раскрытия глубины художественного образа. Это следствие их квалифицированного подхода к искусству. Основную часть студентов подгруппы А интересует сюжетно-событийная сторона. Имея начальное музыкальное образование, эти студенты выявили самоуверенность ориентации и некоторую «легкость» восприятия эстетической информации. Они не обращают внимания на такие моменты, как мастерство художника, композиция, особые краски

и детали произведения. Подгруппа В проявляет свою индивидуальность в обоих параметрах. Кроме того, ее интересы повышаются к проблемно-психологическим ситуациям на 18, а к фабульности на 2% в сравнении с подгруппой А. Разница оказалась вероятной, так как студенты подгруппы В, не имея ни музыкального образования, ни опыта музыкальной деятельности, ощущали интенсивную потребность выравнивать уровень своей художественной культуры. Выявленные предпочтения находятся в зависимости и от возраста студентов. Переход от сюжетно-событийных к проблемно-психологическим предпочтениям характерен для 20—24-летних, что обнаружилось на примере первой группы. По-видимому, возрастной рубеж является немаловажным фактором художественного развития личности².

Глубина восприятия искусства зависит от основательности эстетической подготовки музыкантов, чьи ограниченные суждения могут отрицательно влиять на тех, кому адресована их творческая деятельность. Поэтому важно было определить направленность художественных интересов на виды искусства, которые многообразно связаны с музыкальной и художественным воспитанием. Образы и сюжеты литературы, живописи легли в основу многих оперных и балетных либретто, симфонической и кантатно-ораториальной музыки. Кинематограф начал «сотрудничать» с музыкой задолго до появления на экране озвученной человеческой речи, а драматические спектакли издавна сопровождались музыкальным оформлением. С классическими примерами мирового искусства, художественными направлениями и стилями студенты знакомятся в процессе изучения истории создания и самостоятельной жизни музыкальных произведений. Анкетный опрос показал, что у студентов по степени интересов виды искусства оказались распределенными следующим образом: первое место отдано литературе, второе — живописи, третье — кино, четвертое — театру и пятое — скульптуре. Высокий интерес к литературе вызван наибольшей доступностью получаемых знаний для всех и при любых условиях. Менее выраженный интерес к кино, нежели к живописи, объясняется особенностями эстетического восприятия мира прекрасного музыкантом. Нельзя не учитывать и того, что художественное восприятие кино основано на усвоении познанного человеком и воссозданного на экране через жесткую конкретизацию и регламентацию фактов и образов. Восприятие живописи покоится на более свободных основаниях. Живописные произведения порождают в сознании музыканта варианты увиденного и непознанного в неменьшей степени, чем представления от слышимого в музыке. Оба акта восприятия, дополняя друг друга, порождают идентичные настроения и ассоциации, а главное, открывают возможности активного самоутверждения творческой личности в искусстве. Вот почему музыкантам живопись как вид искусства ближе, чем кино. Своеобразное отношение к киноискусству объясняется и критическим отношением студентов к источникам киноинформации. Значительная роль принадлежит здесь интуитивной работе сознания, которое контролирует нормы выбора и просмотра кинофильмов. В число факторов, влияющих на частоту просмотра, студенты включают рекламные сведения, как то: жанр, литературный сценарий, художественная студия и участвующие в фильме актеры. Низкие показатели предпочтения скульптуры и драматического театра говорят об ограниченных возможностях пополнять знания в области этих искусств в местных условиях. В Гродно действует всего один драматический театр, а на местных выставках работы скульпторов экспонируются редко.

Наша анкета предлагала выбрать наиболее близкие студентам познавательные установки в отношении жанров искусства. Примерное количество перечисленных нами черт не является исчерпывающим и взаимоисключающим. Это наиболее броские, на наш взгляд, установки, которые могли дать вероятную точность ответов:

Жанры

Монументально-трагические
Сатирико-юмористические
С положительной оценкой
Эпические
Научно-фантастические

Познавательные установки

Актуальность проблемы
Художественность
Современность
Новизна средств выражения
Философская глубина

Расхождение во мнениях студентов первой и второй групп оказалось незначительным, особенно в ответах, сочетающих несколько установок, например, актуальность с художественностью, современность с новизной, философскую глубину с художественностью. Однако определяющим критерием художественного произведения с точки зрения эстетического идеала большая часть студентов первой группы считает художественность, второй — актуальность поставленной проблемы. Далее следуют новизна и современность. На дополнительный вопрос, в каких жанрах привлекает одна из указанных установок, мы получили 14 вариантов ответов. Названные в качестве примеров конкретные музыкальные произведения подтверждают, что выбор установок не был случайным, а сами ответы могут рассматриваться как эстетические и нравственные требования, предъявляемые студентами к произведениям искусства. Это актуальность и художественность в монументально-трагических, сатирико-юмористических и научно-фантастических жанрах; современность в жанрах эпических и с положительной оценкой изображаемых явлений; новизна в эпических, с положительной оценкой и в научно-фантастических; философская глубина в монументально-трагических, с положительной оценкой, в эпических и научно-фантастических жанрах. Насколько многосторонни художественные потребности студентов, мы выясняли с помощью вопросов об удачных (или слабых) кинофильмах, спектаклях, концертах и выставках, просмотренных (или прослушанных) за последний месяц и год. Нас интересовали не столько частота посещений, сколько способности студентов к объективной оценке полученных впечатлений. Достоверность ответов оценивалась на примерах белорусского искусства (табл. 1).

Таблица 1

Оценка впечатлений студентов, в %.

Группы	В последний месяц		В прошедший год	
	Положительная оценка произведения	Отрицательная	Положительная	Отрицательная
I	61,82	31,8	67,54	26,39
II	68,21	38,18	73,61	32,46
ПА	55,79	44,21	65,23	34,77
ПБ	60,61	39,39	70,89	29,11

Максимальное число ответов группируется вокруг произведений с высокой положительной оценкой. Высокий процент произведений с негативной оценкой указывает скорее на взыскательность вкуса, чем на случайность выбора. В каждом ответе значилось по 2—3 имени и названия художественных произведений. Студенты в ответах называли не только известных представителей белорусского искусства, но и самостоятельных художников.

Нередко объем художественной потребности зависит от утвердившейся оценки произведения. А активность художественной потребности увеличивается по мере накопления знаний и навыков в данном виде искусства. Так, высокие показатели потребностей в концертах серьезной и эстрадной музыки, спектаклях музыкального театра указывают на специфику профессиональной деятельности студентов. Этот дополнительный источник получения новых знаний о музыке характеризует студента-музыканта как человека творческого труда.

При анализе данных об активности студентов в художественной жизни вуза выяснилось, что в сравнении со второй группой в первой — самый низкий процент участия в научных конференциях, не проявляется активный интерес к обсуждаемым проблемам (табл. 2).

Участие в конкурсах и фестивалях преимущественно по своей специальности возрастает в период учебы в вузе. Это происходит благодаря целевой установке на систематическое совершенствование игры на инструменте. Художественную самостоятельность студенты первой группы рассматривают как форму профессиональной помощи музыкальным кружкам на предприятиях и в учебных заведениях нехудожественного профи-

**Участие студентов в формах
художественно-творческой деятельности, в %**

Формы деятельности	До поступления в вуз			Во время учебы в вузе		
	I группа	II группа		I группа	II группа	
		ПА	ПБ		ПА	ПБ
Смотры	51,78	38,23	41,46	48,21	34,7	29,26
Фестивали	16,07	14,7	2,43	17,45	15,08	9,75
Конференции	15,47	23,53	15,77	16,04	26,46	31,73
Конкурсы	16,68	23,52	40,34	18,1	23,76	29,26

ля, либо как форму развлечения в виде КВН, праздничных шаржей, «капустников». Понижение участия студентов подгруппы Б в смотрах и конкурсах объясняется тем, что обе формы деятельности «до вуза» не требовали профессиональных навыков, а конкурсы относились к тематике общеобразовательных дисциплин. Отрадно отметить, что целевое направление научных работ студентов, особенно второй группы, связано с ориентацией на перспективный стиль профессиональной деятельности. Однако, если студенты первой группы видят свое будущее в артистической и музыкально-педагогической деятельности в основном в специальных музыкальных учреждениях, то студенты второй группы видят свое предназначение, в первую очередь, в музыкальном просвещении учащихся средних школ.

Из приведенного нами исследования можно сделать следующие выводы. На формирование художественной потребности студентов вузов с музыкальной специализацией большое влияние оказывают познавательные, ценностные ориентации и формы активной творческой деятельности. Эффективность различных форм воспитательной работы в студенческих группах зависит от четкого представления о духовном мире студентов, об уровне их ориентаций и требует индивидуального подхода. При всей детализации учебно-воспитательной работы в системе высшего специального музыкального образования необходимо развитие социальной сферы творчества и подготовки студента к атмосфере работы будущего специалиста.

¹ См.: Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью.— Правда, 1976, 21 октября; КПСС о культуре, просвещении и науке.—М., 1963.

² См.: Исследование художественных интересов школьников.— М., 1974, с. 66.

С. А. ЯЦКЕВИЧ

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ

Эксперимент как метод научного исследования впервые стал применяться в естествознании нового времени. Его возникновение обычно связывают с именем Г. Галилея, который своими опытами положил начало систематическому экспериментальному изучению явлений природы. Идеалистические воззрения на общественную жизнь, стихийный характер социальных процессов и непонимание их специфики долгое время делали невозможным применение экспериментального метода в социологии. Распространение материализма на область истории, практические потребности явились предпосылками использования эксперимента и в области общественных наук. Тем не менее в философской литературе еще встречаются мнения, что своего собственного экспериментирования социальные науки иметь не могут, или же представления о социальном эксперименте как о крайне ограниченном по своим эвристическим возможностям методе. В качестве аргумента против возможности социального экспериментирования нередко приводится известное высказывание К. Маркса о том, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракт-

ции»¹. Но К. Маркс говорит здесь не о невозможности социального эксперимента, а о специфическом характере средств познания, применяемых при изучении общественной жизни.

Конечно, экспериментирование такого же типа, какое имеет место в естествознании, в социальных науках неосуществимо. Социальный эксперимент всегда проводится непосредственно в процессе общественной практики. В нем невозможно изучение объекта в «чистом» виде, изолированно от окружающей действительности. Но это обстоятельство не должно служить поводом для отрицания применимости эксперимента в общественном знании. Ведь и в естественных науках, например, в экологии, многие объекты можно изучать экспериментально лишь в полевых условиях, что не лишает подобные исследования их экспериментального характера. Это говорит о том, что нельзя рассматривать эксперимент метафизически, как метод, неизменный в своих чертах, независимый от специфики изучаемого объекта. С изменением объекта исследования эксперимент также приобретает новые черты и особенности. В чем же они выражаются применительно к социальной сфере?

Исходное и определяющее отличие социального эксперимента от эксперимента в естествознании заключается в том, что в качестве объекта исследования здесь выступают не явления природы, а отдельные стороны общественных отношений. Следовательно, люди являются не только субъектами, но и объектом социального экспериментирования и, естественно, проведение любого социального эксперимента вызывает соответствующую их реакцию на новую форму общественной деятельности. Эта реакция может быть положительной или отрицательной. И если во втором случае трудно рассчитывать на успешное проведение эксперимента, то положительная реакция обеспечивает наилучшее решение поставленных задач. Поэтому важное значение приобретает не только разъяснение целей намечаемого исследования, проведение определенной подготовительной работы, но и исключение таких экспериментов, постановка которых могла бы негативно отразиться на положении его участников. По этой же причине, подводя итоги социальному эксперименту, следует оценивать их и по отношению к проверяемой гипотезе, и по воздействию эксперимента на общественную жизнь. Социальный эксперимент как бы «вплетен» в общественную практику людей. Поэтому в качестве условий его проведения выступают не только наличие разработанной методики, адекватной технической базы (как это имеет место в естествознании), но и уровень развития социальных связей. Зрелость общественных отношений обуславливает как саму возможность постановки эксперимента, так и возможность последующего внесения изменений в социальную действительность в соответствии с полученными результатами.

Как правило, предмет естественных наук (если не касаться мировоззренческих выводов из них) не затрагивает непосредственно классовых интересов. В общественном знании же сам предмет изучения — будь то экономика, политика, право и т. д. — тесно связан с классовыми интересами. Поэтому цель, которую преследует постановка того или иного социального эксперимента, выводы, к которым приходит исследователь, во многом зависят от его классовой позиции. Одной из существенных характеристик социального эксперимента является то, что здесь, в отличие от экспериментов в естествознании, измерение, математическое выражение данных применимы в гораздо меньшей степени. Один из пионеров социального экспериментирования, известный русский педагог и психолог А. Ф. Лазурский писал в этой связи, что невозможно, к сожалению, «изобрести весы для взвешивания волевых процессов»². Действительно, социальное экспериментирование дает нам знание не столько о количественных характеристиках исследуемого процесса, сколько о качественных. Сказанное не исключает, однако, использования количественных и статистических методов при проведении социальных экспериментов там, где это оправдано.

Для социального эксперимента характерно то, что он, будучи методом исследования, вместе с тем выполняет функцию совершенствования социальных систем. Недооценка этого момента нередко приводит к расхождению в вопросе определения рассматриваемой категории. Одни общественеды определяют эксперимент как форму практики. Назначение его они видят в проверке эффективности новых форм общественной деятельности и внедрении их в жизнь с целью совершенствования управления социальными процессами. Другие исследователи акцентируют внимание на характеристике социального эксперимента как метода научного познания. Свою

точку зрения они обосновывают тем, что социальный эксперимент направлен к выявлению таких свойств объектов, которые свидетельствуют о каких-либо закономерностях. С этим нельзя не согласиться, но этого недостаточно.

Как видно, в трактовке социального эксперимента имеются известные расхождения, обусловленные выделением одного из двух аспектов — либо управленческого, преобразовательного, либо — познавательного. Однако социальный эксперимент отнюдь не требует такого разграничения, напротив, как отмечают В. С. Степин и А. Н. Елсуков, он «одновременно принадлежит и к сфере науки и к сфере социального управления, помогая проектировать и внедрять в жизнь новые социальные формы»³. Поэтому более целесообразным представляется подход тех авторов, которые не ограничиваются каким-либо одним из отмеченных аспектов, а выделяют в определении социального эксперимента оба уровня: и познавательный, и управленческий. В числе определений этого рода можно отметить формулировку Р. В. Рывкиной в «Философской энциклопедии», где социальный эксперимент характеризуется как такой «метод научного познания и оптимизации социальных систем, который реализуется через наблюдение за их поведением в контролируемых и управляемых условиях»⁴. Но полностью согласиться с этим определением трудно, ибо под него можно подвести едва ли не любую практически-познавательную деятельность вообще, в том числе и не носящую экспериментального характера. Очевидно, что оно нуждается в уточнении, а именно, в указании на то, что социальный эксперимент — это всегда проверка выводов теории на ограниченном, локальном участке. Кроме того, в определении Р. В. Рывкиной социальное экспериментирование фактически отождествляется с такой формой познания, как наблюдение, а это не одно и то же. Представляется уместным предложить следующее определение: социальный эксперимент — это такой метод научного познания и совершенствования социальных систем, который реализуется посредством целенаправленного изменения условий их функционирования на некотором ограниченном участке для фиксации поведения системы в новых условиях и (при положительном итоге эксперимента) проведения последующих преобразований в более широких масштабах.

Признание социального эксперимента одновременно и формой познания общественных явлений, и методом оптимизации социальных систем позволяет выделить его гносеологическую и управленческую функции. Гносеологическая функция социального эксперимента вытекает из того, что он является одним из методов научного познания, способом, с помощью которого человек отражает мир. Как и любой эксперимент в науке, социальный эксперимент нацелен на проверку определенного предположения и по отношению к предшествующему знанию играет двоякую роль: критериальную (проверочную) и эвристическую (познавательную). Являясь элементом общественной практики, эксперимент выполняет непосредственно роль критерия истинности знания на уровне предметной теории и опосредованно — роль критерия истинности знания методологического характера. Однако, будучи одним из методов познания, социальный эксперимент имеет свою специфику. Она состоит в том, что познавательные задачи, стоящие перед ним, решаются с помощью реальных воздействий на социальную группу, приводящих к изменениям в ее состоянии. Таким образом, при проведении эксперимента в исследовательскую деятельность вторгаются некоторые действия, вытекающие из другой системы — из социально-преобразовательной деятельности. Этот момент нередко вызывает диаметрально противоположные оценки роли гносеологической функции в процессе социального экспериментирования.

«Познавательная функция для практики в широком смысле слова является вторичной, а для эксперимента — основной»⁵, — утверждает, например, З. М. Оруджев. «Познавательная функция эксперимента, однако, всегда является субсидиарной (вспомогательной)»⁶, — подчеркивает П. Гиндев. Вряд ли оправданы столь категоричные утверждения. Видимо, вопрос о примате той или иной функции можно решать лишь по отношению к конкретному типу эксперимента, поскольку в зависимости от его цели, характера исследуемого объекта на первый план может выдвинуться та или иная функция. Однако, если подходить к социальному эксперименту как методу, то здесь с односторонним ответом трудно согласиться. Все рассматриваемые функции выполняют важную роль и, взятые в

единстве, обуславливают качественное своеобразие социального эксперимента как такового. Поскольку любой социальный эксперимент осуществляется внесением изменений в состояние группы, то очевидно, что ему свойственна не только познавательная, но и управленческая функция. Под социальным управлением марксизм понимает сознательное воздействие на общественные отношения в самых различных сферах — экономике, обучении и др. Соответственно, управленческая функция социального эксперимента состоит в поиске конкретных путей и форм использования законов общества, в совершенствовании функционирования социальных систем.

XXV съезд КПСС потребовал «меры по улучшению руководства экономикой... рассматривать как важнейший резерв, использование которого поможет успешно выполнить десятый пятилетний план, дать эффект уже в ближайшем будущем»⁷. Это совершенствование осуществляется как путем внесения изменений в существующие, так и путем поиска, отбора и внедрения новых, наиболее оптимальных методов управления. Эксперимент и позволяет получить данные о целесообразности и эффективности нововведений в системе управления через предварительное локальное их апробирование. Научное руководство обществом в условиях социализма невозможно без предвидения основных тенденций и перспектив общественного развития. Поэтому управленческая функция социального экспериментирования тесно связана с прогнозирующей. Прогностический характер социального эксперимента выражается в том, что он позволяет выявить последствия того или иного социально-экономического мероприятия, дает возможность заглянуть в будущее путем конструирования различных форм социальной действительности. Своеобразие этой функции социального эксперимента состоит в том, что он может быть одновременно и завершающим этапом прогнозирования и отправным пунктом, началом его. Последнее связано с тем, что в ходе эксперимента нередко возникают новые гипотезы, которые требуют последующей экспериментальной проверки.

Социальное экспериментирование, будучи тесно связанным с классовыми интересами определенных социальных групп, выполняет идеологические функции. Это проявляется и в классовой позиции исследователя, от которого зависит отбор подлежащих контролю факторов, то или иное истолкование результатов, и в направленности самого эксперимента, поскольку, исследуя ту или иную сторону общественной жизни, он приобретает определенный идеологический характер. В статьях «Научная система выжимания пота», «Система Тейлора — порабощение человека машиной» и других В. И. Ленин дал критический анализ идеологической сущности экспериментов, проводимых буржуазными социологами, показал, что они «делаются **против** рабочего, ведя к еще большему подавлению и угнетению его...»⁸ Антигуманные цели таких экспериментов влекут и антигуманные методы их проведения. Примером может послужить секретный антигуманный эксперимент «Артишок», проводившийся в начале 1970-х годов в США с целью проверки возможности контролировать и изменять убеждения человека путем скрытого добавления ему в пищу наркотических препаратов. Указывая на хищнические цели социального экспериментирования при капитализме, В. И. Ленин подчеркивал, что лишь при социализме оно приобретает подлинно гуманный характер, ибо служит интересам рабочего класса, всех трудящихся. Для того, чтобы победить капитализм, — писал он, — у нас «должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них»⁹. Эти приемы, способы, средства, широко применяемые Коммунистической партией Советского Союза, государственными и исследовательскими учреждениями, становятся в условиях развитого социализма важным фактором научно-технического прогресса, совершенствования нашей социальной системы.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

² См.: Естественный эксперимент и его школьное применение. — Петроград, 1918, с. 17.

³ Степин В. С., Елсуков А. Н. Методы научного познания. — Минск, 1974, с. 116.

⁴ Рывкина Р. Эксперимент социальный. — Философская энциклопедия, т. 5. — М., 1970, с. 547.

⁵ Философия и современность. — М., 1976, с. 214.

⁶ Гиндев П. Философия и социальное познание. — М., 1977, с. 329.

⁷ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 61.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 370.

⁹ Там же, т. 39, с. 20.

С. Р. ГРЕБЕННИКОВ

КЛАССОВЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

В современных условиях, когда в нашей стране достижения научно-технического прогресса соединяются с преимуществами развитого социализма, проблема потребностей во всем многообразии ее аспектов становится особенно актуальной.

Необходимость классового подхода к процессу формирования духовных потребностей молодых рабочих в условиях зрелого социализма объясняется, во-первых, тем, что в жизнь вступают все новые поколения молодых рабочих, осваивающие ценности социализма. Молодежь «...по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы»¹, во-вторых, империализм ведет непрерывную подрывную деятельность против социалистических государств и пытается насадить, прежде всего среди молодежи, свой образ жизни, характеризующийся гипертрофированно развитым культом потребления вещей и эротических развлечений. «Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь—все пускается в ход»². В-третьих, в самих социалистических отношениях возникают новые явления и процессы, требующие осмысления и решения и, стало быть, расширения объема знаний, освоения научной картины мира и принципов коммунистической морали. Причем, общественные явления различаются по степени развитости, зрелости. Выделим пять основных уровней развитости: 1) растущие, набирающие силу явления и элементы коммунистического характера; 2) развитые социалистические явления; 3) социалистические явления, не ставшие еще зрелыми; 4) явления социалистические с некоторыми отклонениями (например, потребительского, обывательского, мещанского характера); 5) отрицательные, негативные явления и элементы, с которыми ведется решительная борьба³.

Следует также учитывать живучесть примитивных стереотипов художественного мышления, передающихся из поколения в поколение. Немалую роль здесь также играют и психологические особенности сознания, его относительная инертность. К духовной культуре, прежде всего, к искусству, и при социализме возможно коммерческое отношение, что в свою очередь порождает возможность распространения и закрепления дурного или неразвитого вкуса. Так, киноискусство не только транслирует информацию, но и вооружает зрителя средствами восприятия этой информации, создает свою аудиторию. Сложность структуры киногогероя интеллектуально и эмоционально усложняет человека в зале (и, наоборот, примитив на экране создает примитивного зрителя). В этом и сила киноискусства, и его ответственность.

Будучи членом общества, каждый молодой рабочий в силу своего места в системе общественного разделения труда и обусловленного этим социального положения наблюдает различные общественные явления и процессы лишь под определенным, ограниченным углом зрения, что предопределяет, в известной мере, характер его потребностей, взглядов. Изучая рабочую молодежь, следует учитывать существование социальной неоднородности внутри рабочего класса, которая проявляется в следующих положениях: во-первых, еще не преодолены до конца социальные различия между его отрядами, занятыми в основных отраслях общественного производства. Эти различия обусловлены тем, что еще не достигнуто равенство в использовании общенародных средств производства, что находит свое выражение в неравной оплате труда различных отраслей, а внутри их—отдельных предприятий; во-вторых, не преодолены еще социальные различия между квалифицированными слоями рабочего класса, существование которых обусловлено социально-экономической неоднородностью труда и также находит свое выражение в сфере распределения. Социальные различия находят свое отражение и в отношениях к источникам идеологического воздействия и в целом в идейно-воспитательной работе.

Изучение классового подхода к формированию духовных потребностей рабочей молодежи основывается на следующих методологических принципах: 1) определяющей роли общественных и прежде всего производственных отношений, обуславливающих место молодежи в системе материальной и духовной жизни общества, развитие ее потребностей, интересов, ценностных ориентаций и установок этой социально-демографической группы; 2) необходимости учета конкретно-исторических особенностей социальной обстановки, в которой осуществляется приобщение рабочей молодежи к жизни трудового коллектива; 3) диалектической взаимосвязи единичного особенного и общего в жизнедеятельности молодого человека.

Постоянная забота нашего государства о повышении социальной активности рабочей молодежи обусловлена двумя взаимосвязанными причинами. С одной стороны, значительным увеличением удельного веса молодежи в рядах рабочего класса, ориентацией ее на новейшие, развивающиеся отрасли хозяйства, требующие высокой общеобразовательной и специальной подготовки, а с другой — тем, что именно на рабочую молодежь возлагаются надежды в решении важнейших социальных задач.

Рабочая молодежь представляет собой социально-демографическую группу рабочего класса с присущими ей социально-психологическими особенностями такими, как бескорыстность, чистота, идеальность, и в то же время обладающую общими чертами сознания и поведения всех социальных групп социалистического общества. В процессе становления социальной зрелости рабочая молодежь усваивает трудовой и социально-политический опыт рабочего класса, его Коммунистической партии.

Применение классового подхода вносит ясность, четкость при раскрытии внутреннего механизма развития той или иной духовной потребности, дает возможности объяснить, почему предметные воплощения одной и той же духовной потребности могут быть резко противоположны. К примеру, потребность в творческой деятельности может реализовываться у молодых рабочих в различных проявлениях. Чаще всего — это активное участие в движении рационализаторов и изобретателей.

Рост участников движения рационализаторства и изобретательства подтверждает, что «по мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»⁴. В условиях зрелого социализма, по словам Л. И. Брежнева, «историческая встреча труда и культуры — состоялась»⁵. Занятие творческой деятельностью является в нашей стране делом огромного государственного, общественного значения.

Однако при проведении социологических исследований приходилось наблюдать факты, названные нами псевдотворчеством, граничащим со рвачеством, стяжательством, развитием узкопотребительской психологии. Следовательно, и в социалистическом обществе реализация потребности в творчестве (в данном случае занятие рационализаторством) может принимать различную направленность и цель в зависимости от внутренних убеждений личности. В таких случаях мы сталкиваемся с парадоксальным фактом: потребность в творчестве есть, условия для ее реализации также, и результат налицо, но его реализация имеет антиобщественную направленность, т. е. не для оптимизации производственного процесса и облегчения труда всех, а лишь для индивидуального использования. Для объяснения фактов псевдотворчества рассмотрим основные элементы классового подхода и их влияние на становление духовных потребностей в среде рабочей молодежи.

Основой классового подхода является синтез качественно разнородных взаимодополняющих друг друга элементов политической идеологии и классовой психологии. Идеология научно раскрывает теорию и практику классовых отношений в обществе. Классовая психология представляет собой совокупность таких социально-психологических элементов, как дисциплинированность, организованность, коллективизм, самоотверженность, патриотизм, интернационализм. Как подчеркивалось на XXV съезде КПСС, «...утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма было и остается одной из важнейших задач партии»⁶.

Классовый подход к проблеме развития духовных потребностей выступает в единстве трех основных его аспектов: гносеологического, аксио-

логического и практического. Так, в гносеологическом аспекте классовый подход проявляется во внутреннем свободном осознании молодым рабочим потребности иметь социалистически направленные духовные запросы, которые способствуют гармоническому развитию его личности; в аксиологическом аспекте — умение практически правильно, с марксистских позиций оценить идейно-политическую направленность той или иной потребности.

Классовый подход проявляется в конкретных поступках, в стремлении реализовать во всей жизнедеятельности принципы социалистического образа жизни, его систему духовных потребностей и классовую непримиримость к буржуазным псевдопотребностям, в умении противостоять вещному фетишизму, когда человек получает удовольствие не от того, что тот или иной предмет красивый или наилучшим образом отвечает своему предназначению, а от самого сознания того, что он им обладает¹. Природа возникновения духовной потребности может быть понята через анализ возникающего отношения между субъектом (в данном случае молодым рабочим) и объективным миром, результатом которого является особый вид внутренней напряженности, в основе которой лежат его личностные характеристики. Они обуславливаются прежде всего ценностными ориентациями, жизненными установками, интересами. И от того, насколько глубоко в них будут воплощены, развиты элементы классового подхода, прежде всего классовой психологии, будет зависеть и уровень развития духовной потребности и ее предметное воплощение.

Как показали социологические исследования на ряде промышленных предприятий, потребность в творческой деятельности у рабочих выражается в активном участии в движении рационализаторов и изобретателей. Как правило, эти рабочие отличаются высокой политической активностью и классовой зрелостью.

Становление и опредмечивание духовной потребности молодого рабочего зависит от ряда субъективных и объективных факторов. Личная культура молодого рабочего, представляющая собой совокупность его личных образцов поведения, методов деятельности, идей, мыслей — один из важных субъективных факторов. Подход с позиций рабочего класса выполняет системообразующую функцию, выступая в роли единственно правильного средства анализа, оценки, отбора и принятия тех или иных духовных ценностей в личную культуру. Эта функция создает возможность перехода от типа культуры, представляющего собой набор большого количества культурных образований, в строго иерархическую, упорядоченную систему, с единой точкой отсчета и направленностью. Такой тип культуры с необходимостью порождает и гармоническую систему духовных потребностей.

Таким образом, теоретический анализ роли классового подхода к развитию духовных потребностей молодых рабочих свидетельствует, что он выполняет две основные функции: указывает направление развития и предметное воплощение духовных потребностей; определяет: способствуют ли они гармоническому развитию личности или, наоборот, тормозят его; приводит в систему личную духовную культуру молодого рабочего и делает более целенаправленными и организованными его духовные потребности. В этой связи классовый подход имеет определяющее значение для формирования у молодых рабочих духовных потребностей социалистической направленности и воспитания у них лучших идейно-нравственных черт и качеств советского рабочего класса.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 226.

² О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. — Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. — М., 1979, с. 6.

³ См.: Семенов В. С. Диалектика развития социальной структуры советского общества. — М., 1977, с. 72.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 539—540.

⁵ Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1976, с. 78.

⁶ Там же, с. 75.

⁷ См.: Давидюк Г. П. Много ли человеку надо. — Беларусь, 1979, № 8, с. 10.

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Несмотря на некоторое различие точек зрения в определении понятия «советский характер», большинство авторов сходится на том, что это социально-политическая категория. Действительно, советский характер—это социально-политическая категория, которая основана на социалистических общественных отношениях и социалистическом образе жизни. Это значит, на новых формах жизнедеятельности членов общества и выражает проявление внутренней потребности советских людей в конкретных делах и поступках. Он—высшее достижение в воспитании нового человека в условиях зрелого социализма, формирования его духовных качеств.

Советский характер имеет отличительные черты или особенности. Прежде всего—это высокая идейная убежденность советских людей. Она обусловлена верностью и глубокой научностью марксистско-ленинского учения, жизнеутверждающей силой политики Коммунистической партии и Советского государства, все более полным претворением в жизнь идеалов человека. В статье 6 Конституции СССР записано, что партия существует для народа и служит ему. Она не только торжественно объявляет: «Все во имя человека, все для блага человека!»¹, но поставила и конкретно решает главную задачу—максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей народа. За годы Советской власти в нашей стране произошли коренные изменения в общественном сознании людей, основанном на марксистско-ленинской идеологии, социалистических общественных отношениях. Знания революционной теории превращаются в личные убеждения, побудительные мотивы, которые определяют действия и поступки личности. «Сила нашего строя,—говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС,—в сознательности масс... Коммунистическая идейность—это сплав знаний, убеждения и практического действия»².

Существенной чертой советского характера является высокая социальная активность. В ее формировании у советских людей важную роль играют не только идейная убежденность, свободный, творческий труд, право на выбор профессии, но и широкий демократизм нашего строя. Развитое социалистическое общество наполнило понятие «демократия» реальным содержанием, т. е. тем, что буквально означает это слово—народовластие. Социалистическая демократия—это власть народа, власть в интересах народа. И осуществляется она самими трудящимися. В соответствии с новым Основным Законом нашей страны активное участие в управлении делами государства широкие народные массы осуществляют через Советы народных депутатов, общественные организации, трудовые коллективы и т. д. Например, только в Советах различных ступеней в нашей стране представлено свыше 2,2 млн. депутатов, из них более половины—рабочие и колхозники. Большую помощь Советам оказывают активисты-общественники. У местных Советов народных депутатов Минска насчитывается более 200 тыс. добровольных помощников. При высокой активности всего населения проходят у нас выборы в Советы. В нашей стране всякий раз в них принимают участие свыше 99,5% избирателей, в то время как в США этот показатель составляет немногим более 53%. Причем в капиталистических странах он постоянно уменьшается.

За годы советского строительства в нашей стране в характере советских людей сформировалась и закалилась такая черта, как советский патриотизм. Патриотизм советских людей проявляется во всем: в труде на пользу Отечества, защите своей Родины, борьбе против буржуазной идеологии, антиподов коммунистической морали. Высшим проявлением патриотизма является подвиг как специфический способ проявления социальной активности. Подвиг, героический порыв Л. И. Брежнев в своей работе «Целина» называет героизмом момента³. Такой порыв часто становится родником массового патриотического движения. Героизм момента—это и способность во имя великой цели пойти на крайний шаг—самопожертвование. Героизм советских людей проявляется в самых различных сферах действительности. Наиболее ярко и зримо героическое начало находит свое выражение в ратном труде, который по своему характеру требует исключительной мужественности. Пример тому—массовый героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны. Наиболее распрост-

раненным видом героизма нашей мирной жизни является героизм трудовой. За годы Советской власти он стал массовым явлением, нормой советского образа жизни. В его основе глубоко сознательное отношение к общественно-полезной деятельности. Не погоня за материальным вознаграждением движет здесь человеком, а его внутренняя потребность максимально полно творить на пользу общества. Высот же трудового героизма человек, коллектив достигают тогда, когда духовные и материальные мотивы, умноженные на профессиональное мастерство, имеют устойчивый характер и позволяют людям раскрывать свои творческие способности.

Направленность к высоким общественным целям, идейная убежденность неразрывно связаны у советских людей с ответственным отношением к порученному делу, своим служебным обязанностям, с творческим отношением к труду. Социализм коренным образом изменил содержание и характер труда, впервые объявил и на практике реализовал принцип его всеобщности.

В социалистическом обществе типичными для отношения человека к труду являются высокая творческая активность, сознательная дисциплина и добросовестность, все большее превращение труда в первую жизненную потребность. Это, в первую очередь, характерно для участников социалистического соревнования и особенно соревнования за коммунистическое отношение к труду, в котором участвует свыше 100 млн. трудящихся страны, в патристическом движении рационализаторов и изобретателей, армия которых за последние годы превысила 6 млн. человек.

Советский патриотизм в характере наших людей неотделим от социалистического интернационализма. Во имя освобождения от ярма капитализма всех трудящихся на земле, во имя победы справедливости в мире советские люди готовы на самопожертвование. В последнее время интернационализм советского народа ярко проявился в бескорыстной, братской помощи Вьетнаму и Анголе, Афганистану и другим странам в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс.

Советский человек не представляет себя вне коллектива. Он в мыслях и поступках своих — коллективист. Чувство коллективизма и товарищества — неотъемлемая черта его характера, рожденная в общественном труде на пользу Родины, в общих делах и заботах. Это черта советского характера, порожденная социалистической общественной собственностью, производственными и общественными отношениями нового типа, выражает товарищескую взаимопомощь, глубокую заинтересованность человека в делах своего трудового коллектива, родного города, деревни, района, области, страны в целом, органичную связь личных интересов и потребностей с общественными.

Понятие «советский характер» очень емкое и многоплановое. Оно вобрало в себя все лучшее в человеке социалистического общества.

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — М., 1977, с. 8.

² Материалы XXV съезда КПСС. — М., 1977, с. 71, 76.

³ См.: Брежнев Л. И. Целина. — М., 1979, с. 39.

ИВО ПУИМАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Строительство развитого социалистического общества — это сложный процесс, требующий, с одной стороны, глубокого познания всей жизни общества и, с другой, постоянного совершенствования управления этой деятельностью. Социалистическое общественное управление всесторонне разрабатывает методы объединения усилий всего народа в борьбе за достижение поставленных целей. Оно требует непрерывного развития инициативы каждого члена общества и создания простора для наиболее полного проявления всех возможностей научно-технической революции; все большее значение приобретает исследование общественного мнения, представляющего собой специфическую форму «оперативного сознания». Одновременно это и определенный вид «общественной обратной связи», воздействующий на эффективность идейно-политического руководства, его формы и методы. Исходя из этих потребностей, Центральный Комитет Компартии и правительство Чехословакии приняли решение о создании

Кабинета, преобразованного позже в Институт, исследования общественно-го мнения (Устав про вызкум вержейного минени—далее УВВМ).

Основное назначение института заключается в исследовании—в соответствии с потребностями центральных партийных и государственных органов—состояния и тенденций развития «оперативного общественного сознания». В первую очередь, речь идет о том, чтобы путем отдельных обследований изучить отношение различных решений партийных и государственных органов в сознании, взглядах и мнениях не только всего общества, но и отдельных социальных групп. Изучается и степень принятия, освоения или отвержения этих решений или мероприятий.

В исследованиях института изучается, кроме прочего, следующее: а) существует или нет интеракция между гражданами и управлением исследуемой области жизни общества, формы проявления этой интеракции в отдельных социальных группах; б) взгляды и мнения граждан и отдельных социальных групп на исследуемую сферу общественной жизни; в) представления граждан об изучаемой социальной действительности—дифференцированно в зависимости от классовой и социальной принадлежности группы; г) эмоциональное и ценностно-ориентационное воздействие изучаемой области общественной жизни и руководящих актов партийных и государственных органов на структуру взглядов и мнений, а опосредствованно—и на формирование позиций, стереотипов и т. д. отдельных социальных групп и классов социалистического общества.

Развитие исследовательской работы УВВМ и рост потребностей в информации о «состоянии общественного сознания» в определенных социальных сферах для повышения эффективности управления развитием социалистического общества закономерно вызвали возрастание требований: к концепционности, плановмерности и систематичности в содержании исследовательской работы УВВМ; к качеству методологии и методики исследований общественного мнения в условиях социализма; к выработке основной типологии исследований УВВМ, называемых в рабочем порядке «стандартными», «оперативными» (быстрыми) и «локальными» (территориальными).

Институт организационно входит в состав Федерального статистического управления. Содержание и проблематику исследований определяют органы ЦН КПЧ. Это позволяет оперативно и непосредственно ориентировать исследовательскую деятельность на потребности партийного и государственного управления. Для проведения обследований, оценки и обработки результатов исследований используются не только статистические данные по народонаселению ЧССР, но также и вычислительная техника государственной статистики. В итоге обеспечивается рациональность и эффективность всего исследовательского процесса.

Основной формой исследования общественного мнения, используемой УВВМ, является «стандартное». Речь идет о классическом исследовании общественного мнения, основанном на выборке по квоте на всей территории ЧССР респондентов, которые опрашиваются внештатными сотрудниками института—«опрашивающими». Эти сотрудники заносят ответы в вопросники. Количество опрошенных составляет от двух до трех тысяч, а число опрашивающих от двухсот до четырехсот. Средняя продолжительность исследования—от начала работы до заключительного отчета—девять месяцев.

«Оперативное» (быстрое) исследование исходит из моментальной потребности центральных партийных и государственных органов. Оно имеет крайне узкое тематическое направление. Основной упор делается на быстрое получение сведений о взглядах граждан по актуальному вопросу. Метод сбора данных такой же, как и при стандартном исследовании. Как правило, количество опрошенных не превышает 800 человек, причем каждый опрашивающий проводит не более двух—трех опросов. Результаты немедленно поступают в УВВМ. Время от момента постановки задания и до момента сдачи исследовательского отчета не превышает 10 дней.

«Локальное» исследование чаще всего касается темы, по которой УВВМ уже ранее проводил одно из стандартных исследований. По сути дела, речь идет о социологическом зондаже на определенном предприятии, в районе или на иной избранной «территории». Зондаж обычно проводят сами работники института и лишь в порядке исключения приглашаются внештатные сотрудники.

Этот тип исследований УВВМ широко использует для того, чтобы детально рассматривать исследуемый вопрос, сопоставлять макро- и микро-

структуру «оперативного общественного сознания» в определенном месте и времени; проверять пригодность разных методических приемов для остальных типов исследований, проводимых институтом; помогать исследовательским работникам и другим специалистам накапливать непосредственно в ходе исследования опыт «опрашивающего» и лично проверять реальность и реализуемость своих предложений, типов вопросов, проектов шкалы и т. п.

Для разработки и обсуждения проектов исследований и заключительных отчетов УВВМ нередко приглашает крупных специалистов различных отраслей. Сотрудничество с внештатными специалистами как оппонентами проектов и заключительных отчетов по исследованиям является одним из средств повышения качества исследований. Одновременно это и способ информирования других специальных организаций и учреждений о результатах этих исследований, которые могут использоваться ими в своей сфере.

В настоящее время, поскольку институт уже накопил сведения по ряду исследований, а в некоторых из них даже проводил повторные обследования, возникает реальная возможность методологической оценки полученных сведений. В связи с этим возрастает роль и значение методологического отделения. В качестве ключевых задач, которыми мы хотим в дальнейшем заниматься, выдвигаются следующие:

а) методология и методика работы с опрашивающими и выявление влияния опрашивающего на «отклонение» результатов;

б) уточнение метода выборки по квоте и возможностей статистической оценки влияний при этом типе выбора опрашиваемых, отражающихся на репрезентативности результатов исследований;

в) сосредоточение, систематизация и классификация полученных сведений, приемов и средств исследования общественного мнения для постепенного выявления «существенной» (устойчивой) структуры сознания социальных групп и классов на данном этапе развития социалистического общества.

УВВМ уже проводил исследования следующих тем: положение женщины в социалистическом обществе, проблемы эффективности и качества труда, мировоззренческая ориентация граждан ЧССР, проблемы религиозности и атеизма, подготовка молодежи к рабочим профессиям, источники политической информированности граждан, взгляды на экономическое сотрудничество и интеграцию социалистических стран, взгляды на условия жизни и труда сельскохозяйственного населения ЧССР.

Важным моментом в системе работы института является использование внештатных экспертов — опрашивающих. Опрашивающий — это добровольный внештатный сотрудник института, проводящий на базе взаимного договора стандартизированные опросы граждан. Опросы граждан проводятся в соответствии с «заданием опроса», содержащим лимиты по квотам и инструкции по одному вопроснику. Практика показывает, что наилучших результатов опрашивающий добывается тогда, когда он проводит от четырех до шести опросов по одной теме и не более чем по трем — пяти темам в год. Важное значение имеет продолжительность одного опроса, которая не должна превышать 45 мин., а для этого в вопроснике не должно быть более 40 вопросов. Опрашивающий обычно получает от института следующие показатели квоты: возрастные группы, социально-классовая и профессиональная характеристика респондентов. На результатах обследования сказывается и административно-территориальное размещение опрашивающих. Они не должны опрашивать граждан, проживающих за пределами местожительства опрашивающего, которые только проезжают через данный населенный пункт или только в нем работают. Опросы проводятся в основном на дому опрашиваемых и, лишь в порядке исключения, на работе.

Выполнив задание (все предписанные опросы граждан), опрашивающий высылает в институт вопросники с ответами и данными по идентификации опрошенных. Фамилии граждан не указываются. Одновременно высылается «Отчет о ходе опроса», в котором дается более подробное описание, например, реакции граждан на сам опрос, его тему, на отдельные вопросы. Опрашивающий также обязан записать замечания и вопросы, высказанные опрашиваемыми не по теме. Кроме того, он должен описать «атмосферу», в которой проходил опрос отдельных лиц, количество и причины отказов отвечать на вопросы и социальную принадлежность отказавшихся.

Серьезное значение имеет регулярное ознакомление опрашиваемых с оценкой их работы и ошибками, а также сохранение постоянного контакта с ними и вне исследовательских заданий. Обмен опытом работы и повышение квалификации, ознакомление с результатами работы УВВМ и общественным использованием результатов исследований происходят на областных активах опрашиваемых, которые проводятся каждой областью раз в полтора года. Для информирования опрашиваемых и оперативных ответов на их вопросы используется «Вестник УВВМ». Итоги исследований показывают, что систематическая работа с опрашиваемыми положительно влияет на качество первичных данных и на общий результат работы УВВМ. Так, отклонение состава граждан, выбранных для опроса по критериям квоты, не превысило ± 5 , а в среднем, за длительный период времени, оно колеблется в диапазоне $\pm 2\%$. Из числа разосланных заданий возвращается выполненных не менее 87%.

Перспективы дальнейшего развития исследований общественного мнения не только в ЧССР, но и в других социалистических странах, настойчиво требуют организации сотрудничества специалистов социалистических стран, совместной разработки марксистской методики и методологии исследований и проведения некоторых других специальных работ. Поэтому работники УВВМ изучают опыт исследования общественного мнения прежде всего в СССР, Венгрии и ГДР. Для развития сотрудничества у нас имеются все предпосылки, поскольку все социалистические страны в настоящее время достигли приблизительно одинакового уровня развития общества и исследование общественного мнения основывается очень часто на тождественных планах, темах и целях.

Навуковы камунізм

А. С. ФЕДЕНКО, И. М. МОРОЗОВ

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В КОМУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ

Научно-технический прогресс и развитие социалистической демократии настоятельно диктуют необходимость повышения эффективности коммунистического воспитания студентов. Сегодняшние студенты — это завтрашние организаторы науки и производства, воспитатели и наставники трудящихся. Современные специалисты должны проявлять: компетентность в научных, производственных и социальных вопросах; самостоятельность и масштабность мышления; быстроту, точность и смелость в принятии решений; дисциплинированность; корректность и тактичность в общении; способность сочетать специальные научные знания и коммунистическую убежденность с практикой коммунистического строительства.

Повышение эффективности коммунистического воспитания диктуется и современной идеологической борьбой, которая, как отмечается в материалах XXV съезда КПСС, со стороны наших идеологических противников становится все более изощренной. Буржуазная пропаганда стремится развивать в человеке физиологические инстинкты и социальные потребности, которые соответствуют принципам деидеологизации и индивидуализма. Это требует от граждан социалистического общества четкой политической ориентации, основанной на непоколебимой убежденности в торжестве коммунистических идеалов.

Проблема коммунистического воспитания студенчества многопланова. В ней можно выделить, во-первых, вопросы воспитательной работы в учебное и внеучебное время, во-вторых, основные направления коммунистического воспитания: формирование научного марксистско-ленинского мировоззрения, воспитание коммунистического отношения к труду и нравственное воспитание. Рассмотреть проблему во всех ее аспектах в пределах статьи невозможно. Поэтому авторы поставили перед собой задачу осветить роль преподавателя вуза в коммунистическом воспитании студентов в процессе учебных занятий.

Преподаватель — центральная фигура вуза. По роду своей деятельности он находится почти в непрерывном контакте со студентами, располагая наибольшими возможностями в формировании личности студента. Воспитательная деятельность преподавателя имеет место всегда, в любом акте общения со студентами, даже тогда, когда со стороны преподавателя нет специального воспитательного намерения. Будущему специалисту импонирует в преподавателе все: его идейная убежденность, партийные принципиальность и целеустремленность, социальная активность, мотивы педагогической деятельности, культура речи и мышления, знание предмета и эрудиция, отношение к дискуссионным и «острым» вопросам, нравственный облик и др. Конечно, решающее влияние на формирование личности студента оказывает социальная атмосфера, которая окружает его в семье, группе, вузе. Эта атмосфера является объективным фактором формирования личности студента. Однако, когда объективный фактор коммунистического воспитания налицо, деятельность преподавателя, направленная на формирование у студентов коммунистических взглядов, убеждений, моральных, эстетических и других качеств, приобретает решающее значе-

ние, являясь субъективным фактором воспитания. Поэтому и к высшей школе можно применить ленинское положение о том, что идейно-воспитательная работа в значительной мере определяется составом лекторов¹. Эта ленинская мысль проводится и в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «Успех политической и экономической учебно-всецело зависит от теоретического и методического уровня пропагандистских кадров»².

Педагогическая практика, прикладные социальные исследования показывают, что наибольшего успеха в деле коммунистического воспитания студенчества достигают те преподаватели, которые обладают глубокими знаниями и активно стремятся передать их. Вместе с тем бесстрастное чтение лекций, безразличное отношение преподавателя к аудитории, небрежность в оценке труда создают предпосылки для пассивного отношения студентов к предмету. Данное обстоятельство накладывает повышенную ответственность на учебно-методическую деятельность преподавателей, в особенности преподавателей общественных наук. В них студенты видят представителей партии, призванных разъяснять им ее теоретические установки и практические действия. Здесь особенно вредно негативное отношение к преподавателю, ибо оно нередко переносится на отношение к предмету.

Методика требует от преподавателя общественных наук обращения не только к разуму студента, но и к его эмоциям и чувствам. Путь к убежденности человека лежит через его эмоциональность. Знания превращаются в убеждения, когда они не только «продуманы», но и «пережиты», «прочувствованы», стали неотъемлемой чертой духовного мира человека. Определенное значение в преподавании общественных наук имеют эмоциональность преподавателя, его убежденность, которые передаются и студенту.

Эффективность коммунистического воспитания в значительной мере зависит от способности преподавателя завоевать доверие студентов, расположить их к себе. Каких-то специальных методов для достижения этого не существует, успех зависит от индивидуальных качеств личности преподавателя, главнейшими из которых являются уважение студентов и доверие к ним. Доброжелательное, спокойное отношение к людям порождено сущностью советской демократии, развитием социалистических общественных отношений. Такая мысль красной нитью проходит через произведения Л. И. Брежнева «Малая Земля», «Возрождение», «Целина». Вместе с тем, указывает Л. И. Брежнев, уважение к человеку должно сочетаться с требованием к нему, доверие — с контролем, предоставление больших прав — с повышением ответственности и дисциплины. Это требование относится и к студентам. Педагогическая практика показывает, что заигрывание, стремление завоевать авторитет снижением требовательности осуждается большинством студентов. Наибольшим авторитетом пользуются преподаватели требовательные, если, конечно, их требовательность сочетается с доверием, уважением, принципиальностью, честностью, справедливостью.

Педагогическая практика показывает также, что преподаватель при общении со студентом должен не приспосабливаться к оценочному и мировоззренческому уровню последнего, а поднимать его до своего уровня миропонимания и оценок. И в данном случае нужны не нравоучения. Увлечение назиданиями приводит к возникновению определенного духовного барьера между преподавателем и студентом. Если же он чувствует товарищеское, дружеское отношение преподавателя, то проникается доверием и уважением к нему. Разумеется, панибратство между преподавателем и студентом недопустимо, но доверительные, товарищеские отношения, основанные на взаимном уважении, необходимы. Они создают атмосферу интеллектуальной близости и доверия, которые, в свою очередь, создают благоприятные возможности для формирования важных черт личности будущего специалиста: социальной зрелости и интеллектуальной самостоятельности.

Социальная зрелость у нас определяется мерой ответственности человека перед обществом. Ответственность неразрывно связана с дисциплинированностью, а последняя проявляется прежде всего в пунктуальности. Преподаватель своими личностными качествами, действиями может оказать значительное влияние на осознание студентом повышенной ответственности перед коллективом и обществом. Дисциплинированность и ответ-

ственность ученика воспитываются дисциплинированностью и ответственностью учителя. Принципиально важно, например, чтобы преподаватель начинал и заканчивал лекционные и семинарские занятия точно по звонку, чтобы строго в установленное время начинались и заканчивались консультации, зачеты, экзамены.

Личность преподавателя оказывает большое влияние на формирование у студентов самостоятельности мышления. Самостоятельность мышления — неперемное условие для превращения знаний человека в его убеждения, а также необходимая предпосылка достижения оригинальных результатов в научно-исследовательской работе. Ускоренное развитие нашей науки во многом определяется постановкой научно-исследовательской работы в вузах и масштабами привлечения к этой работе студентов. В связи с научно-техническим прогрессом возрастает зависимость развития экономики государства от его интеллектуально-творческих ресурсов. Сейчас, как никогда раньше, экономика зависит, во-первых, от эффективности научных исследований, во-вторых, от темпов внедрения новых научных открытий в производство. В связи с этим актуальность формирования у студентов социальной зрелости и самостоятельности мышления очевидны.

На формирование самостоятельности и активности мышления оказывают влияние самые разнообразные факторы: содержание лекций (в частности, в какой мере затрагиваются в них дискуссионные проблемы), форма лекций (ориентирует студента на простое запоминание, пассивное восприятие материала, или стимулирует самостоятельность мышления, направлена на творческое восприятие содержания). Педагогическая деятельность преподавателя должна быть организована таким образом, чтобы у студентов возникло желание выйти за рамки предлагаемых на лекционных и практических занятиях программных вопросов. Здесь уже проявляется их стремление к самостоятельному интеллектуальному творчеству, к научно-исследовательской работе.

Наибольшими возможностями в деле коммунистического воспитания преподаватель располагает на семинарских и практических занятиях. Эти занятия позволяют ему установить со студентами тесный контакт, получить представление о их жизненных установках, насущных проблемах, психическом состоянии. Разумеется, что достижение этого во многом определяется особенностями личности преподавателя, его педагогическим мастерством. От преподавателя, например, в решающей мере зависит создание на занятии атмосферы здорового соперничества. Соревнование является мощным средством повышения эффективности любого труда, в том числе и студенческого. Стремление превзойти товарища по объему и глубине знаний благотворно сказывается на успеваемости, способствует росту и социальной активности, и интеллектуальной самостоятельности молодежи. Эффективной формой определения глубины знаний, позволяющей проводить также индивидуальную воспитательную работу, являются зачеты и экзамены. Думается, что правильно поступают те преподаватели, которые согласовывают со студентами экзаменационную оценку. В этом проявляются не только уважение к личности учащегося, но и практическая реализация принципов социалистической демократии. Конечно, нерадивый должен быть наказан, но основная масса студенческой молодежи заслуживает к себе доверительного отношения, которое необходимо сочетать с требовательностью, с побуждением к глубокому овладению знаниями. Чрезвычайно необходимы на зачетах и экзаменах доброжелательность преподавателя, его хорошее настроение, умение управлять собой.

Коммунистическое воспитание студенчества в процессе учебных занятий является важнейшей задачей преподавателей общественных наук. Это и понятно. Ведь именно они помогают будущим специалистам вырабатывать марксистско-ленинское мировоззрение, партийный подход к решению актуальных проблем общественного развития, непримиримость к буржуазной и ревизионистской идеологии. Для преподавателей общественных наук коммунистическое воспитание студенчества — их профессиональный долг, их труд. В учебных занятиях по общественным наукам познавательный и воспитательный аспекты находятся в органическом единстве. Только на основе усвоения марксистско-ленинского учения можно формировать коммунистическую убежденность и партийную принципиальность, умение оценивать факты с марксистско-ленинских позиций.

Воспитательный аспект включает в себя учебная деятельность преподавателей и всех других наук. Каждый преподаватель на учебных заня-

тиях решает со студентами задачи познавательные и воспитательные. Поэтому воспитательная роль личности преподавателя во всем многообразии ее идейно-политических, деловых, моральных и психологических качеств чрезвычайно велика.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 194.

² Правда, 1979, 6 мая.

В. В. ГОЙТАН

О ПРОБЛЕМАХ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Политическое образование не является самоцелью. Его назначение — активно способствовать формированию научного диалектико-материалистического мировоззрения, вооружать слушателей знанием законов развития природы и общества, закономерностей классовой борьбы, строительства коммунизма и всемерно содействовать превращению трудящихся в сознательных и активных строителей новой жизни. А это проявляется у слушателей прежде всего в сфере производственной и общественно-политической деятельности. Именно этой цели наряду со всей системой коммунистического воспитания служит как ее составная часть система политического образования. «Знание революционной теории, политики партии, — отмечается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», — должно превращаться у советских людей в убеждение, активную жизненную позицию стойкого борца за коммунизм, против любых проявлений чуждой идеологии, в руководство к действию для решения актуальных проблем развития социализма»¹.

В нашей стране сложилась стройная система марксистско-ленинского образования. Только в системе партийной учебы, отмечалось на XXV съезде КПСС, обучается около 20 млн. человек. Широкое распространение получили также комсомольское политпросвещение, экономическое образование трудящихся, школы коммунистического труда, народные университеты. Массовое изучение марксизма-ленинизма стало характерной особенностью и для нашей республики. В городах и селах Белоруссии всеми формами политической и экономической учебы охвачено свыше 2 млн. человек, в том числе в звеньях политического образования около 800 тыс. Примечательно, что в систему политического образования все больше вовлекается беспартийный актив. Ныне он составляет почти 50% всех слушателей².

Одна из главных человеческих потребностей — потребность в познании. Она развивается в производственной и общественной деятельности. Важное место в этой сфере занимает интерес к общественно-политическим знаниям, который формируется в результате развития личности взрослого человека как активного участника общественной жизни.

Развитие научно-технического прогресса в промышленности и сельском хозяйстве, внедрение новой, более совершенной системы управления и хозяйствования, расширение социалистической демократии и т. д. — вот та почва, на которой непрерывно произрастают подчас незаметные социальные изменения. По мере их накопления совершаются диалектические «скачки», дающие начало новому качеству развивающихся явлений и одновременно порождающие значительные социальные последствия во всех сферах общественной жизни. Одним из таких последствий является актуальная потребность в овладении новой культурой, в научных знаниях, т. е. в духовных ценностях. Именно это обстоятельство является важным фактором развития познавательной активности слушателей.

Не следует, однако, отождествлять сумму полученных на занятиях знаний с немедленными практическими результатами деятельности слушателей, что, несомненно, явилось бы упрощенческим подходом к самой сути политического образования. Вместе с тем влияние учебы на рост трудовой активности слушателей несомненно, хотя проявляется это опосредованно, т. е. через познавательную активность. Политические знания углубляют и расширяют кругозор человека, неизбежно вызывают потребность в реализации их на практике.

Например, в партийных организациях Белоруссии широкую поддержку получило начатое москвичами движение «Пропагандист — пятилетке

эффективности и качества». Пропагандисты Гродненской области только за два года оказали практическую помощь труженикам промышленных предприятий, колхозов и совхозов в разработке и экономическом обосновании 12 тыс. коллективных и индивидуальных встречных планов, 45 тыс. лицевых счетов экономии и бережливости. Многие слушатели школ и семинаров системы политического образования зарекомендовали себя активными рационализаторами.

Заметных успехов в дальнейшем укреплении связи политических и экономических знаний с практикой и повседневными задачами коммунистического строительства, ориентации слушателей на повышение эффективности производства и качества работы, более полное использование резервов социалистической экономики добились партийные организации Витебщины. При активной помощи пропагандистов было разработано и экономически обосновано свыше 30 тыс. встречных планов, 32 тыс. личных творческих планов и планов повышения производительности труда рабочих, 7385 личных творческих планов инженерно-технических работников, свыше 80 тыс. индивидуальных социалистических обязательств, 33450 личных счетов экономии. Слушатели системы партийной учебы и экономического образования внесли 12475 рационализаторских предложений с экономическим эффектом свыше 10 млн. рублей³.

Усвоение определенной суммы теоретических истин еще не является гарантией того, что знания превращаются в убеждения. Успешно строить работу по воспитанию коммунистического сознания, указывал Ленин, можно лишь в неразрывном единстве с общественно-полезной деятельностью людей, с их трудом на благо общества. Только при этом условии коммунизм из готовых, заученных формул и рецептов превращается в то живое, что объединяет нашу непосредственную работу.

Своего рода стратегией и тактикой для партийных пропагандистов является формирование у слушателей идейной убежденности — основы активной жизненной позиции. Постоянное побуждение слушателей думать, сопоставлять, анализировать процессы и явления окружающей действительности, видеть в теории не сумму абстрактных истин, а руководство к действию и развивает у них трудовую активность, желание работать еще лучше.

Выросшая из практики коммунистического строительства и призванная идеологически обеспечивать ее потребности, политическая учеба имеет прямой выход в практическую жизнь слушателей, где происходит реализация политического опыта, проверка и углубление знаний. Велико ее влияние на рост общественно-политической активности слушателей. Это проявляется прежде всего в их участии в различных формах массово-политической и пропагандистской работы, в деятельности общественных организаций, в проведении политических мероприятий.

Марксистско-ленинское образование наша партия всегда рассматривала и рассматривает как важное условие подготовки идеологических кадров, развития у слушателей и, прежде всего, у руководящих работников, знаний и внутренней потребности активно участвовать в идейно-воспитательной работе. Успешное решение этой задачи во многом зависит от обеспечения целевой определенности в учебе. Как отмечал заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПБ С. Е. Павлов в статье «Учитья ленинизму, повышать деловитость в работе», «надо не после окончания политической учебы, а еще во время комплектования состава школ и университетов марксизма-ленинизма, теоретических семинаров обоснованно, в беседах с каждым слушателем установить, какую общественно-политическую работу и в каком качестве — пропагандиста, политинформатора, наставника молодежи, агитатора, организатора культурно-просветработы — он хочет и будет выполнять в процессе политической учебы и после ее окончания. Это значит, что в организацию и содержание политических занятий необходимо ввести целевую определенность»⁴. По убеждению автора статьи, все это поможет избавиться от бессрочности учебы ряда слушателей в одних и тех же школах и семинарах, повысить ее эффективность, ибо вводится сильно действующий фактор — необходимость задачи полученных знаний.

Непрерывный всеохватывающий рост духовных потребностей советских людей — характерная черта нашего образа жизни. Направляя воспитательную работу на удовлетворение духовных запросов народа, формирование у советских людей разумных потребностей, партия проявляет постоянную

заботу о высоких морально-этических качествах коммунистов, комсомольцев, всех трудящихся. Вопросы нравственного воспитания занимают значительное место и в системе марксистско-ленинского образования.

Духовно возвышать трудящихся, помогать им изучать теорию и политику партии в их органическом единстве, в тесной связи с практикой коммунистического строительства, международной деятельности КПСС, идеологической борьбы, превращать приобретенные знания в активную жизненную позицию людей, руководство к действию — в этом основное назначение партийной пропаганды. «Чем дальше мы движемся по пути коммунистического строительства, — отметил товарищ Л. И. Брежнев в речи при вручении ему Ленинской премии, — чем сильнее становится наша экономика и обеспеченнее жизнь людей, тем большее значение приобретают задачи общественно-политического, культурного, морального, эстетического воспитания людей. Разрыв в материальном и духовном развитии допускать нельзя, это грозило бы многими бедами»⁵.

Эффективность политической учебы нельзя выразить в виде какого-либо одного итогового показателя, так как политическое образование и воспитание направлены на формирование не одного какого-либо качества личности, а преследует многие цели. Их осуществление служит общему делу нашей партии — формированию всесторонней и гармонически развитой личности с коммунистическим мировоззрением. Ведущими критериями эффективности партийной пропаганды являются трудовая, общественно-политическая, познавательная активность слушателей, высокая нравственность, соответствие поступков человека требованиям нашей морали, твердая мировоззренческая активная позиция.

¹ О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 20 апреля 1979 года. — М., 1979, с. 9.

² Политическое и экономическое образование трудящихся: опыт, пути совершенствования. — Минск, 1979, с. 15.

³ Звезда, 1978, 21 верасня.

⁴ Коммунист Белоруссии, 1976, № 8, с. 17.

⁵ Правда, 1980, 1 апреля.

В. А. КУРГАНОВ

РОЛЬ БОЛГАРСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В ПОВЫШЕНИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

Проблемы повышения народного благосостояния являются программной задачей Болгарской Коммунистической партии. Уже на V съезде, где была принята программа построения основ социализма в Болгарии, повышение материального и культурного уровня рабочих, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции было выдвинуто в качестве одного из главных направлений деятельности партии.

Болгария приступила к строительству социализма, будучи страной крайне отсталой. Достаточно сказать, что доля промышленности вместе с ремеслом в национальном доходе составляла до революции примерно 15%. Поэтому подъем благосостояния трудящихся был возможен только на основе укрепления материально-технической базы социализма. Всестороннее сотрудничество с братскими социалистическими странами позволило Болгарии рационально использовать для индустриализации страны и социалистического преобразования сельского хозяйства как внутренние источники и средства, так и помощь и кредиты социалистических стран. В стране быстро росли возможности для повышения материального и культурного уровня народа.

К началу 70-х годов Болгария достигла значительных успехов. Совокупный общественный продукт в 1970 году возрос по сравнению с 1939 в 9,8 раза, национальный доход — в 5,9 раза, производительность труда по сравнению с 1948 годом — в 4,3 раза, продукция сельского хозяйства — в 2,1 раза¹. При этом достигались высокие среднегодовые темпы роста общественного производства. В промышленности за 1961—1965 годы они составляли 11,7, за 1965—1970—10,9%. Это выше, чем в других европейских социалистических странах. В ГДР они были соответственно 5,8 и 6,5%, в ВНР—7,5 и 6,2, в ПНР—8,4 и 8,3, в СССР—8,6 и 8,5%².

Х съезд БКП (1971) разработал Комплексную программу роста благосостояния трудящихся. Дальнейшее развитие и конкретизацию Комплексная программа получила на декабрьском (1972) Пленуме ЦК БКП и в Тезисах ЦК БКП в связи с подготовкой к XI съезду. БКП исходила из того, что если раньше успехи в этой области оценивались в сравнении с прошлым или с соседними отсталыми странами, то в настоящее время, исходя из существующих объективных условий и требований зрелого социализма, нужен уже иной критерий. Таким критерием должны быть научно обоснованные нормы питания, рациональные нормы удовлетворения потребностей в жилье, одежде, обуви, культуре и др. Далее. Если на предыдущих этапах речь шла об удовлетворении в основном материальных потребностей, то в настоящее время ставится задача комплексного подхода к проблеме жизненного уровня, т. е. удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей народа. Комплексный подход к проблемам благосостояния учитывает и обратное воздействие жизненного уровня на рост общественного производства. БКП рассматривает жизненный уровень не только как социальную проблему, но прежде всего как обособленную сферу общественного производства, которая не только получает от других сфер, но и со своей стороны дает им соответствующие ресурсы и обеспечивает условия для их развития.

Каковы же тенденции и направления в изменении жизненного уровня в Народной Республике Болгарии? Одним из важнейших, наиболее общих показателей жизненного уровня народа являются его реальные доходы. Доходы населения формируются, как известно, в зависимости от динамики национального дохода и его распределения и перераспределения. Анализ этих процессов позволяет выявить следующие их черты. Во-первых, высокие темпы роста национального дохода. Велик и абсолютный прирост: в 1978 году по сравнению с 1939 национальный доход вырос в 10,3 раза. По этому показателю НРБ находится на одном из первых мест в мире. Во-вторых, основной прирост национального дохода, а в 1978 году весь прирост, обеспечивается за счет повышения производительности труда. В-третьих, Болгария относится к странам с наиболее высоким процентом фонда накопления (в 1977 году—26, ГДР—22,7, ЧССР—24,5, СССР—26,4%). Тем не менее, в результате быстрого роста национального дохода обеспечивается высокими темпами и рост реальных доходов трудящихся.

На декабрьском (1972) Пленуме ЦК БКП был поставлен вопрос о создании новой концепции минимального размера доходов трудящихся. Пленум решил планировать не средние темпы роста доходов занятых лиц, а определять размер, темпы роста, структуру расходов населения с точки зрения все более полного удовлетворения жизненных потребностей различных слоев населения. Одновременно с этим БКП осуществляет совершенствование системы организации заработной платы. Сущность новой организации состоит в большей связи роста заработной платы с повышением производительности труда. При прежней организации характерным для формирования заработной платы было деление ее на две части—постоянную и переменную (дополнительную). Такое деление со временем выработало у трудящихся особое отношение к этим частям. Многие начали считать, что постоянная (штатная и тарифная) заработная плата гарантирована независимо от результатов труда. Вследствие этого она перестала играть стимулирующую роль. Стимулы виделись только в премиях, вознаграждениях за перевыполнение плана, т. е. только в переменной (дополнительной) части заработной платы. Новый способ формирования трудового вознаграждения устраняет деление номинальной оплаты на постоянную и переменную. Отныне вся номинальная заработная плата будет являться переменной и зависеть целиком от результатов труда. В 1977—1978 годах на новую систему организации заработной платы перешли первые 12 предприятий. Свидетельством заботы партии о росте благосостояния трудящихся явилось решение о значительном увеличении заработной платы и других доходов населения и приведении розничных цен в соответствие с объективными условиями развития экономики страны, принятое ноябрьским (1979) Пленумом ЦК БКП.

Особое значение для формирования доходов трудящихся имеют общественные фонды потребления. Здесь также наблюдается быстрый рост. По сравнению с 1952 годом общественные фонды потребления в 1976 возросли в 12 раз, а по сравнению с 1970 годом—почти в 5 раз³. Важ-

ное место в использовании общественных фондов потребления занимает вопрос о расходах на подрастающее поколение. БКП считает, что общество должно взять на себя все расходы по содержанию, обучению и воспитанию подрастающего поколения. Особую важность это приобретает в связи с проблемой увеличения рождаемости. Для стимуляции этих процессов введена эффективная система. Государство постоянно увеличивает месячные надбавки на детей, что вместе с другими мерами стимулирует рост рождаемости.

Одним из важнейших показателей роста благосостояния народа является уровень потребления товаров и услуг, степень удовлетворения материальных и духовных потребностей. Все потребление на душу населения в Болгарии возросло по сравнению с 1952 годом почти в 5 раз. Совершенствуется и его структура. С одной стороны, уменьшается потребление продуктов растительного происхождения и увеличивается потребление мяса, молока, яиц. С другой стороны, в общем объеме потребления увеличивается доля непродовольственных товаров, в том числе предметов длительного пользования.

Пристальное внимание, как фактору повышения жизненного уровня трудящихся, БКП уделяет развитию комплексного общественного обслуживания населения. В настоящее время создается единая система такого обслуживания, которая должна охватить торговое, коммунально-бытовое обслуживание, транспортные услуги, здравоохранение, физическую культуру, образование, административное обслуживание в пределах территориальных единиц. Совершенствование общественного обслуживания, помимо удовлетворения потребностей в услугах, предполагает решение ряда жизненно важных проблем развитого социализма, таких, как жилищная проблема, увеличение свободного времени и т. д. В настоящее время в НРБ осуществляются крупные меры по сокращению рабочего времени трудящихся. Рабочая неделя почти во всех отраслях народного хозяйства составляет 42,5 часа при двух выходных днях.

Для повышения благосостояния народа принципиальное значение имеет решение жилищного вопроса. За послевоенный период в стране обновлено более 60 % общего жилого фонда, построены миллионы новых квартир. На душу населения в Болгарии приходится 13,3 кв. м. И все же пока жилищный вопрос остается весьма острым. В качестве стратегической задачи в области жилищной проблемы БКП считает возможным к 1990 году предоставить каждой семье отдельную квартиру, а каждому члену семьи — отдельную комнату.

Совершенствуется в Болгарии и территориальное устройство страны. В ходе его создаются новые системы поселений. К недостаткам прежнего территориального устройства относилось отсутствие единой для всей страны программы, недостаточная комплексность в развитии объектов труда, жилья, общественного питания и технической инфраструктуры. Наряду с другими факторами это вело к усилению миграционных процессов. Новые системы поселений принципиально отличаются как от отдельного города, так и от группы населенных мест, объединенных административно. Они представляют собой единый социальный организм, в котором населенные пункты объединены общностью производственной деятельности, общим обслуживанием, единым транспортом. На очередь дня поставлено создание комплексов общественного обслуживания, охватывающих культуру, искусство, просвещение, спорт, отдых и т. д. В систему мероприятий по повышению жизненного уровня народа, осуществляемых БКП, входит и развитие здравоохранения.

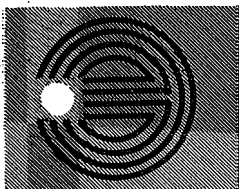
На XI съезде БКП отмечалось, что борьба за повышение материального благосостояния народа — не самоцель, не «потребительский» подход, не «обуржуазивание». Партия рассматривает ее как «условие для обеспечения здоровья и долголетия народа, разностороннего физического и духовного развития личности»⁴. Строительство развитого социалистического общества, которое осуществляется в Болгарии, невозможно без разносторонне развитой личности. В связи с этим все больше внимания уделяется развитию и удовлетворению духовных потребностей трудящихся — составной части жизненного уровня народа.

¹ См.: Статистический годошник на НРБ, 1977.— София, 1977, с. 15—16.

² См.: Статистический ежегодник стран — членов СЭВ 1978.— М., 1978, с. 17.

³ См.: Статистический годошник на НРБ, 1977, с. 21.

⁴ XI съезд БКП.— М., 1977, с. 48.

М. Ф. БОЛБАС

ОБ УРОВНЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ БЕЛОРУССИИ *

В сборниках ЦСУ БССР и других публикациях и теперь встречаются ошибочные выводы о том, что Белоруссия до революции была «одной из отсталых окраин царской России», что в 1913 году производство промышленной «продукции на душу населения в Белоруссии было почти в 5 раз ниже, чем в среднем по всей России»¹. Это позаимствовано из данных С. Н. Малинина, который учитывал только те крупные предприятия, сведения о которых прислали владельцы для списка Кандаурова², опустив тысячи характерных для Белоруссии мелких предприятий. Такие выводы невольно помогают клеветникам из эмигрантских и реакционных кругов Запада говорить о том, что в Белоруссии почти не было промышленности и пролетариата и других предпосылок для социалистической революции, что ее здесь искусственно, с помощью Красной Армии навязал русский большевизм³.

Фактически же положение Белоруссии между Западной Европой и Россией способствовало социально-экономическому развитию нашего края. Здесь в хозяйственных и военных целях еще в XVIII—XIX веках проложены каналы, шоссейные и железнодорожные пути. Так, уже в 1900 году на реках Белоруссии плавало 750 паровых судов. Во второй половине XIX века были проложены Петербургско-Киевское, Московско-Варшавское, Смоленско-Витебское, Киевско-Брестское и Московско-Рижское шоссе длиной в 3 тыс. км. С 1862 по 1871 год были построены железные дороги Петербург—Варшава, Витебск—Жлобин, Москва—Брест. В 1880 году открылось движение по Полесским железным дорогам. В 1913 году общая протяженность железных дорог Белоруссии составила 3888 км—более половины ныне действующих. Густота сети шоссейных и железных дорог в дореволюционной Белоруссии была в два раза выше, чем в европейской России. Относительно развитыми в нашем крае были и другие виды транспорта и связи. Так, в 1898 году Витебск стал третьим городом в России (после Петербурга и Киева), где был пущен электрический трамвай⁴.

Аграрная реформа 1861 года положила начало перерастанию крепостного сельского хозяйства Белоруссии в капиталистическое. Несмотря на сохранившиеся (особенно в восточных губерниях) феодальные пережитки, развитие капитализма в сельском хозяйстве ускорялось с каждым годом, особенно после аграрного кризиса 1880 года. В. И. Ленин в конце XIX века относил Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии (как Московскую, Петербургскую и Киевскую) к районам с преобладанием «капиталистической системы» хозяйства, а Витебскую и Могилевскую—с преобладанием «смешанной системы» землевладения⁵. А в целом западные губернии, т. е. в основном Белоруссию, он относил к «...важнейшему району землевладельческого капитализма в России»⁶.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве и столыпинская аграрная реформа ускорили дифференциацию крестьян. В 1913 году бедняки составляли примерно 70% крестьян, середняки—19—20 и кулаки—10—

* Статья печатается в порядке обсуждения.

11%. Около 15% крестьянских дворов не имели земли, 29—лошадей. О капиталистической эволюции пореформенного сельского хозяйства Белоруссии говорит и то, что здесь в 1900 году 60% промышленной продукции составляла пищевая и легкая, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье⁷.

Одной из старейших и развитых отраслей промышленности Белоруссии была суконная. С середины XIX века стали развиваться машиностроение, черная металлургия. Появились проволочно-гвоздильные и машиностроительные заводы, выпускавшие паровые и сельскохозяйственные машины, оборудование для мельниц и винокурен, лесопильные рамы. В Альбертине (ныне Слоним) было налажено производство электроламп. На железнодорожных узлах (в Витебске, Минске, Гомеле, Пинске и др.) действовали крупные (по 1300—1500 рабочих) ремонтные мастерские⁸.

Одной из старейших и развитых была стекольная промышленность. Быстро развивалась и деревообрабатывающая промышленность. За 13 лет XX века количество рабочих ценовой деревообрабатывающей промышленности увеличилось в два раза, объем производства—в пять раз. В 1913 году в Белоруссии выпускалось 10% российского производства картона, 20 бумажной массы, 24 обойной и 62% почтовой бумаги⁹.

Большинство предприятий Белоруссии действовали в имениях и селах, где было сырье и рабочая сила. В. И. Ленин указывал, что такое развитие промышленности вне города имело прогрессивное значение—давало огромный толчок общественному разделению труда, привлекая деревенское население на фабрики и заводы. Механическая вооруженность труда на фабриках и заводах Белоруссии за 13 лет XX века удвоилась. На одного рабочего Белоруссии приходилось в 1900 году 0,39 л. с., в 1913—0,82, по России соответственно—0,42 и 0,92¹⁰.

Темпы промышленного развития Белоруссии во второй половине XIX века были примерно такими же, как и в целом по России, но с 1900 по 1913 год они превосходили среднероссийские темпы по приросту предприятий на 56 и приросту количества рабочих—на 40%.¹¹

Объем производства промышленной продукции в Белоруссии за 40 пореформенных лет вырос в 6,8 раза (по России—в 7 с лишним раз), в то время как в Германии—менее чем в 5 раз, Англии—в 2 и Франции—в 1,5 раза¹². Самыми крупными предприятиями накануне первой мировой войны были Витебская льнопрядильная фабрика «Двина» (на ней в 1913 году работало 1807 человек), Гродненская табачная фабрика (1400), Главные мастерские Либаво-Роменских железных дорог в Гомеле (1300) и Полесских железных дорог в Пинске (1200), бумажная фабрика в Добруше (1276), стекольный завод «Неман» (1049). Еще на шести предприятиях Белоруссии тогда работало по 500—1000 человек. В начале XX века стали быстро развиваться акционерные общества, особенно в спичечной, стекольной, бумажной, лесопильно-фанерной и металлообрабатывающей промышленности. В 1914 году их было 34 (Витебский электротрамвай, Шкловская бумажная фабрика, Выдрицкий химзавод, спичечные фабрики в Пинске и Мозыре и др.)¹³.

Однако в целом дореволюционные промышленные предприятия Белоруссии были мельче российских. В 1900 году на одном предприятии Белоруссии (без домашних и ремесленных) было занято в среднем по 12 рабочих (в том числе 38—на мануфактурах и 30—на фабриках) при 62 по России¹⁴. Так, в 1913 году в ценовой промышленности на одном предприятии Белоруссии было занято в среднем 43 рабочих при 140 по России. Промышленной продукции на одном предприятии Белоруссии в 1900 году производилось в среднем на 73480 руб. (в том числе на мануфактуре—30970 и на фабрике—63380 руб.) при 62,2 тыс. руб. по всей России¹⁵. В 1913 году каждое ценовое предприятие Белоруссии производило продукции в среднем на 69 тыс. руб.¹⁶

Обобщающим показателем уровня промышленного развития является суммарное производство продукции на одного жителя. По данным М. Г. Матусевича, в 1913 году на душу населения в Белоруссии было произведено промышленной продукции на 66,1 руб., при 113,1 по России (в ценах 1926—1927 годов), т. е. меньше среднероссийского уровня на 41%¹⁷. Но эти данные занижены—не учтены лесозаготовки, а также продукция части мелкой промышленности¹⁸. Поэтому мы считаем, что накануне первой мировой войны экономика, в том числе и промышленность Белоруссии, была примерно на таком же уровне, как и в большин-

стве губерний России, за исключением Петербургского, Московского, Уральского, Донецкого, Бакинского промышленных центров¹⁹.

В резолюции X съезда РКП(б) (1921) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» отмечалось, что до Октябрьской революции Украина и Белоруссия прошли период промышленного капитализма, в то время как туркестанцы, горцы и другие не успели его пройти, не имели своего пролетариата²⁰.

Правда, в Белоруссии, как и в России, были отсталые районы, особенно Полесье. К началу первой мировой войны в Белоруссии на 6,9 млн. жителей, а без членов семьи на 1,3 млн. трудоспособного населения, приходилось более 500 тыс. рабочих. Из них примерно половина — 260 тыс. чел. — было занято в промышленности (в том числе 55 тыс. — в крупной), 80 — на бытовых работах, 70 — в строительстве и 66 тыс. чел. — на железнодорожном и водном транспорте, остальные — на лесозаготовках и в сельском хозяйстве²¹.

С ростом численности, сознательности и усилением революционной борьбы пролетариата был связан созыв в Минск I съезда РСДРП. «Блестящее начало, — писал о нем В. И. Ленин, — которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской социал-демократической рабочей партии» (весной 1898 года)²². Съезд стал началом славного революционного пути Коммунистической партии Советского Союза.

¹ Народное хозяйство Белорусской ССР. — Минск, 1977, с. 6.

² См.: Малинин С. Н. Развитие промышленности БССР. — Минск, 1948, с. 14; Кандауров Д. П. Справочник фабрично-заводских предприятий. — СПб., 1914.

³ См.: Надсек. Большевизм на путях установления контроля над Белоруссией. — Мюнхен, 1957.

⁴ См.: Болбас М. Ф. Промышленность Белоруссии 1860—1900 гг. — Минск, 1978, с. 14 и др.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 188.

⁶ Там же, с. 256.

⁷ См.: Экономика Белоруссии в эпоху империализма. — Минск, 1963, с. 17.

⁸ Там же, с. 39.

⁹ Там же, с. 47—65.

¹⁰ См.: Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 151.

¹¹ См.: Победа советской власти в Белоруссии. — Минск, 1967, с. 16.

¹² См.: Болбас М. Ф. Указ. работа, с. 196—197.

¹³ См.: Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 357.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: Экономика Белоруссии в эпоху империализма, с. 413.

¹⁷ Там же, с. 413.

¹⁸ См.: Некоторые вопросы экономического развития Белоруссии. — Минск, 1969, с. 29.

¹⁹ См.: Вопросы истории, 1965, № 9, с. 125; История СССР, № 1, с. 38; Абезгауз З. Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX века. — Минск, 1977, с. 41.

²⁰ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1970, с. 252.

²¹ См.: Абезгауз З. Е. Указ. работа, с. 65—68.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 187.

В. Г. ТИХИНЯ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Установление объективной истины — основная задача и цель советского судопроизводства. При рассмотрении и разрешении гражданских дел суд не может руководствоваться предположениями и догадками о фактических обстоятельствах, относящихся к спорному правоотношению. Согласно ст. 16 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, суд обязан принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон.

Познание в суде, которое является разновидностью процесса человеческого познания вообще, возможно в силу того, что все явления в природе и обществе находятся во всеобщей связи и взаимозависимости, они обладают свойством реагирования на внешние воздействия. «Логично предположить, — писал В. И. Ленин, — что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»¹. Суд располагает возможностями установления объективной истины по делу: на основе знания одних фактов, воспринимаемых непосредственно, получать сведения о других фактах, непосредственное познание которых уже невозможно или затруднительно. Познание судом неизвестных фактов посредством известных, находящихся с первыми в объективной связи, осуществляется с помощью доказательств. Доказательствами по гражданскому делу, как их определяет ст. 29 ГПК БССР, являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются следующими средствами: объяснениями сторон и третьих лиц, показаниями свидетелей, письменными доказательствами, вещественными доказательствами и заключениями экспертов.

Судебные доказательства в гражданском процессе характеризуются рядом существенных признаков: **во-первых** — это фактические данные, которые находятся в связи с искомыми фактами. Термин «фактические данные», употребляемый в законе, нуждается в конкретизации, поскольку некоторые ученые-процессуалисты считают, что под этим термином следует понимать достоверные объективно существующие факты². В русском литературном языке слово «данные» означает «сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения»³. Следовательно, фактические данные есть сведения о фактах, это информация о тех обстоятельствах, которые суду необходимо установить по делу.

«...Чувственное представление не есть существующая вне нас действительность, а только образ этой действительности»⁴. Суд первой инстанции при рассмотрении дела обязан **непосредственно** исследовать доказательства (ст. 139 ГПК БССР). В данном случае имеется в виду, что суд может непосредственно воспринять сведения о фактах, а не сами факты, имевшие место в прошлом.

Таким образом, судебные доказательства это не факты, а сведения

о фактах. Эти сведения содержатся в объяснениях сторон и третьих лиц, показаниях свидетелей, документах и т. д. На основе сведений о фактах суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. Не имеют доказательственного значения те фактические данные, которые не содержат информацию о фактах, относящихся к делу.

Во-вторых, судебные доказательства—это фактические данные, полученные судом с соблюдением определенной процессуальной формы. Закон устанавливает порядок сбора, исследования и оценки доказательств по гражданским делам, что является гарантией истинности полученных сведений. Фактические данные, полученные судом не в результате предусмотренных законом процессуальных действий, а иным (непроцессуальным) путем, не являются доказательствами и поэтому не могут быть положены в основу судебного решения. Например, не имеют доказательственного значения показания свидетелей, которые не допрашивались судом, рассматривающим дело, а ранее данные ими показания не оглашались в судебном заседании.

Истина достигается только правильным построением процесса доказывания. «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»⁵. Нарушение установленного законом порядка получения и использования судебных доказательств может привести к вынесению судом неправоудного решения.

В-третьих, судебные доказательства—это фактические данные, которые получены судом на основе предусмотренных законом средств доказывания. Согласно ст. 17 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 29 ГПК БССР), средствами доказывания по гражданским делам являются: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные, вещественные доказательства и заключения экспертов. Эти средства доказывания помогают суду собрать сведения о фактах. Фактические данные, взятые из других источников, не являются судебными доказательствами. Так, при рассмотрении гражданских дел не могут быть использованы в качестве судебных доказательств фактические данные, содержащиеся в анонимных письмах.

Фактические данные и средства доказывания тесно связаны между собой, это два необходимых элемента судебного доказательства. Взятые в отрыве друг от друга, они не образуют судебного доказательства. Например, показания свидетеля (средство доказывания), не содержащие сведений о фактах, относящихся к делу, не рассматриваются как судебное доказательство. С другой стороны, как уже отмечалось, не могут быть использованы в качестве судебного доказательства сведения о фактах, для получения которых использовались непредусмотренные законом средства доказывания.

Резюмируя изложенное, можно дать следующее определение понятия судебных доказательств в гражданском процессе. **Судебные доказательства**—это полученные из предусмотренных законом средств доказывания любые фактические данные, на основе которых суд с соблюдением определенной процессуальной формы устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Доказывание в гражданском судопроизводстве—это процессуальная деятельность по установлению фактов, имеющих значение для дела. Характер этой деятельности определяется нормами гражданского процессуального закона, который подробно регламентирует весь ход процесса доказывания. В Основах гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик перечислены лица, на которых лежит обязанность доказывания и представления доказательств (ст. 18), сформулированы общие принципы оценки судом доказательств (ст. 19). В ГПК союзных республик эти положения дифференцированы, получили свое дальнейшее развитие (ст. 29—53, 159—176 ГПК БССР).

Процесс доказывания в гражданском судопроизводстве складывается из ряда элементов, органически связанных между собой. **Первый элемент—собрание доказательств.**

Собрание доказательств—комплексное понятие. Оно включает в себя процессуальные действия по выявлению, истребованию и представлению доказательств. В соответствии с принципом состязательности собирать доказательства обязаны стороны и другие лица, участвующие в деле. В необходимых случаях доказательства собирает суд по своей инициативе

(ст. 30 ГПК БССР). Второй элемент — исследование доказательств. Все доказательства, собранные по делу, должны быть исследованы в судебном заседании как судом, так и лицами, участвующими в деле. Исследовать доказательства по делу — это значит заслушать объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, заключения экспертов, ознакомиться с письменными и вещественными доказательствами. Третий элемент — оценка доказательств. Будучи неотъемлемой составной частью всего процесса доказывания, оценка касается всех без исключения доказательств. Оценить доказательство — это значит прежде всего определить его достоверность, т. е. установить: соответствует ли содержание этого доказательства действительности, правильно ли оно отражает обстоятельства, имеющие значение для дела.

Устанавливая в каждом отдельном случае достоверность того или иного доказательства по делу, суд должен познать и оценить его наиболее существенные признаки, проверить доброкачественность источника, из которого получены фактические данные. Достоверность доказательств определяется также путем анализа и сравнения их с другими доказательствами, собранными по делу. Если фактические данные, полученные из предусмотренного законом средства доказывания, внутренне противоречивы, не согласуются с остальными доказательствами, они не могут считаться доброкачественными, пока существенные противоречия не будут устранены. Придя к выводу о достоверности того или иного доказательства, суд должен решить, какую роль играет это доказательство в установлении истины, определить его ценность в системе имеющихся в деле доказательств. По действующему законодательству никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы. Суд оценивает собранные доказательства на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения в судебном заседании всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

В сферу доказывания в гражданском судопроизводстве, как правило, вовлекается большой круг участников процесса. Важно поэтому определить, кто из них является субъектом доказывания. Анализ норм гражданского процессуального законодательства приводит нас к выводу, что субъектами доказывания в гражданском судопроизводстве выступают стороны (заявители), третьи лица, их представители, прокурор, органы государственного управления, социалистические организации и граждане, обратившиеся в суд за защитой прав и интересов других лиц.

Специфической чертой судебного доказывания в советском гражданском процессе является то, что не только лица, участвующие в деле, обязаны представлять доказательства в подтверждение своих требований и возражений, но и суд, с целью выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон, имеет право собирать доказательства. Активная роль советского суда в процессе собирания доказательств закреплена в законе. Согласно ст. 30 ГПК БССР, в тех случаях, когда стороны и другие лица, участвующие в деле, не имеют возможности представить дополнительные доказательства, суд собирает доказательства по своей инициативе. «Советский суд, — обоснованно отмечает С. В. Курылев, — устанавливает не победителя в споре, а истину»⁶. Поэтому невыполнение одной из сторон обязанности по доказыванию автоматически влечет за собой вынесение решения не в ее пользу. В советском гражданском процессе неблагоприятное для стороны решение суда может вынести только в тех случаях, когда (несмотря на все принятые меры) сложилась объективная невозможность получения необходимых доказательств для установления истины.

Судебное доказывание в гражданском процессе имеет свой предмет. Как правовая категория предмет доказывания определен ст. 17 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Им являются обстоятельства, обосновывающие требования и возражения сторон, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Под «обстоятельствами» в процессуальном законе понимаются юридические факты, т. е. факты, с наличием или отсутствием которых связываются определенные правовые последствия. Отсюда можно сделать вывод, что предмет доказывания — это совокупность юридических фактов, относящихся к делу, установление которых с помощью доказательств необходимо для того, чтобы данное дело могло быть правильно разрешено. Предмет доказывания по гражданскому делу состоит прежде всего из

юридических фактов материально-правового характера, которыми обосновываются требования и возражения сторон. Истец указывает юридические факты основания иска. Согласно ст. 124 ГПК БССР, в исковом заявлении должны быть указаны «обстоятельства, которыми заявитель обосновывает свои требования». Ответчик, возражая против иска, указывает юридические факты, которыми обосновываются его возражения. В предмет доказывания входят также юридические факты, имеющие процессуально-правовое значение (например, юридические факты, подтверждающие право истца на предъявление иска). Стороны могут неправильно (например, в силу юридической неосведомленности) определить основание своих требований или возражений, а следовательно, и предмет доказывания. В этом случае юридические факты, не указанные сторонами, включаются в предмет доказывания по инициативе суда⁷.

Состав юридических фактов, входящих в предмет доказывания, по каждому гражданскому делу различен. Суд определяет предмет доказывания, исходя из содержания заявленных требований и возражений сторон, руководствуясь при этом нормами материального и процессуального права, которые должны быть применены в данном случае. Предмет доказывания не является чем-то застывшим, раз навсегда определенным. В ходе рассмотрения дела он может быть изменен: одни юридические факты в установленном законом порядке могут быть включены в предмет доказывания, другие — исключены из него. Правильное определение предмета доказывания имеет большое практическое значение. Если необходимые для разрешения дела юридические факты не будут включены в предмет доказывания, то это приведет к вынесению судом необоснованного решения. С другой стороны, включение в предмет доказывания юридических фактов, не относящихся к делу, ведет к загромождению процесса ненужными материалами, напрасной трате времени, сил и средств суда и лиц, участвующих в деле.

Не все юридические факты, имеющие значение для правильного разрешения дела, входят в предмет доказывания. Согласно ст. 31 ГПК БССР, не подлежат доказыванию и не входят в предмет доказывания общеизвестные факты, а также факты, установленные вступившим в законную силу решением или приговором суда (преюдициально установленные факты). Общеизвестные факты знакомы достаточно широкому кругу лиц, в том числе и судьям, рассматривающим дело, сторонам и другим участникам процесса. Юридические факты могут иметь различный масштаб общеизвестности. Существуют факты всемирно известные; факты, известные на всей территории нашей страны; факты, известные только на территории области, района, отдельного населенного пункта (например, факты наводнения, засухи или какого-либо другого стихийного бедствия в данной местности). Все общеизвестные факты не подлежат доказыванию. Однако, если общеизвестность факта носит ограниченный характер, то суд в своем решении должен указать, что этот факт в данной местности является общеизвестным и потому не был включен в предмет доказывания. Такая запись в судебном решении необходима, потому что вышестоящему суду, проверяющему данное дело в кассационном или надзорном порядке, этот факт может быть и неизвестен, в связи с этим ему не будут ясны основания признания истинности факта без доказывания.

Преюдициально установленные факты — это факты, признанные истинными вступившим в законную силу решением (приговором) суда по другому делу. В соответствии с ч. II ст. 31 ГПК БССР факты, установленные вступившим в законную силу решением суда по одному гражданскому делу, не доказываются вновь при разбирательстве других гражданских дел, в которых участвуют те же лица или их правопреемники. Эти факты признаются истинными. Их новое исследование в другом процессе должно привести к тем же результатам. В связи с этим закон запрещает сторонам и другим лицам, участвовавшим в одном деле, а также их правопреемникам оспаривать в другом процессе факты, установленные вступившим в законную силу решением суда. Для лиц, не участвовавших в процессе, факты, установленные вступившим в законную силу решением суда, не имеют преюдициального значения. Следовательно, они могут опровергать любые юридические факты, установленные судом по ранее рассмотренному делу.

В судебной практике преюдициальная связь решений по гражданским делам чаще всего имеет место при рассмотрении регрессных исков. Так,

при предъявлении регрессного иска владельцем источника повышенной опасности к непосредственному причинителю вреда доказыванию не подлежит факт причинения вреда потерпевшему, поскольку данный факт был уже раньше установлен вступившим в законную силу решением суда по другому делу. Таким образом, в силу преюдиции суд, решающий регрессный иск, признает доказанным факт причинения вреда потерпевшему. Преюдициальная связь может существовать между гражданскими и уголовными делами. Согласно ч. III ст. 31 ГПК БССР, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу имеет обязательное значение для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лиц, в отношении которых вынесен приговор суда. Он обязателен только по вопросам: имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Например, для суда, рассматривающего гражданское дело о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, приговор по уголовному делу обязателен только по двум фактам: причинение ущерба и виновность осужденного. Все другие факты (в частности, размер ущерба, имущественное положение ответчика и т. д.), признанные приговором суда, преюдициального значения по гражданскому делу не имеют и, следовательно, должны доказываться⁸. Суд не вправе перепроверять юридические факты, установленные вступившим в законную силу решением или приговором. Если у суда возникнут сомнения в правильности преюдициально установленного факта, он может поставить вопрос о пересмотре, в порядке надзора, предыдущего решения или приговора.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 91.

² См.: Курылев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. — Минск, 1969, с. 139; Гражданский процесс. — М., 1972, с. 168.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М., 1972, с. 139.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 114.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7—8.

⁶ Курылев С. В. Указ. работа, с. 126.

⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1978, № 4, с. 27—29.

⁸ См.: Архив народного суда Ленинского района г. Минска за 1978 г. Дело № 2—1190.

В. В. ТИМОЩЕНКО

О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ — ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ

Злостное уклонение родителей от уплаты алиментов или от содержания детей (ст. 120 УК БССР) является одним из самых распространенных преступлений против личности¹. Немаловажное значение в пресечении злостного уклонения от уплаты алиментов имеет одинаковое понимание и толкование уголовного закона юристами-практиками и теоретиками. Нужна всесторонняя разработка уголовно-правовых проблем борьбы с этим преступлением. Одной из них является определение субъекта данного преступления. Однако в уголовно-правовой литературе нет единства мнений по этому вопросу. Так, Н. И. Загородников, А. Н. Игнатов и А. В. Кузнецов считают, что субъектом злостного уклонения от уплаты алиментов на содержание детей могут быть родители и приравненные к ним лица: отчим, мачеха, усыновители². Н. Д. Дурманов и И. И. Горелик сужают круг лиц, являющихся субъектами рассматриваемого преступления, до родителей и усыновителей³. Пленум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 19 марта 1969 года «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР» разъяснил судам, что ответственность по ст. 122 УК РСФСР (ст. 120 УК БССР) могут нести только родители, т. е. лица, записанные отцом или матерью ребенка в книге записей рождений, в том числе и те, отцовство которых установлено по совместному заявлению родителей или в судебном порядке (ст. 52 и 53 КоБС БССР)⁴.

Такая точка зрения соответствует ст. 120 УК БССР, определяющей состав преступления как «злостное уклонение родителей от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей или от содержания состоящих на их иждивении совершеннолетних, но нетрудоспо-

собных детей». Закон в данном случае к категории родителей относит не только лиц, являющихся кровными родителями ребенка, но и лиц, имеющих родительские права усыновителей, поскольку в соответствии со ст. 125 КоБС БССР «усыновленные и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным и их потомству приравниваются в личных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению».

Следовательно, согласно уголовному и семейному законодательству, субъектом злостного уклонения от уплаты алиментов или от содержания детей являются родители в социальном смысле (а не только в физиологическом), т. е. кровные родители и усыновители. Никто, кроме этих лиц, не может быть субъектом рассматриваемого преступления. Поэтому отчим и мачеха, если ребенок ими не усыновлен в порядке, предусмотренном семейным законодательством, не могут подлежать уголовной ответственности по ст. 120 УК БССР. Усыновители же могут быть субъектами рассматриваемого преступления независимо от того, записаны они в книгах записей рождения в качестве родителей усыновленных или нет, поскольку при усыновлении такая запись не обязательна (с. 122 КоБС БССР).

Некоторые авторы (А. А. Пионтковский, М. Д. Шаргородский, П. П. Осипов) не упоминают усыновителей в качестве субъектов рассматриваемого преступления⁵. Решая вопрос о субъекте злостного уклонения от уплаты алиментов, упомянутые авторы исходили только из уголовного закона, не учитывая семейное законодательство.

Субъектами преступления, предусмотренного ст. 120 УК БССР, могут быть и родители, лишенные родительских прав, поскольку «лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанностей по содержанию детей» (ч. 2 ст. 72 КоБС БССР).

Законодательство о браке и семье Белорусской ССР, как и семейное законодательство других союзных республик, устанавливает при определенных условиях алиментные обязанности не только родителей, но и других членов семьи. Так, ст. 95 КоБС БССР предусматривает обязанность отчима и мачехи содержать пасынков и падчериц, ст. 97 КоБС БССР — обязанность братьев и сестер содержать своих несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних братьев и сестер, ст. 98 КоБС БССР устанавливает обязанности деда и бабушки по содержанию внуков. Суду предоставлено право взыскивать со всех упомянутых лиц алименты на содержание тех, в отношении которых они обязанности не выполнили. Однако при злостном уклонении указанных лиц от уплаты алиментов они не могут быть привлечены к ответственности по ст. 120 УК БССР. Эти лица не являются родителями несовершеннолетних или нетрудоспособных совершеннолетних детей, на содержание которых с них взысканы алименты.

В отличие от усыновителей, по отношению к внукам, братьям или сестрам, пасынкам или падчерицам, они в личных и имущественных правах и обязанностях не приравнены законом к родителям.

Таким образом, субъектом рассматриваемого преступления могут быть только кровные родители или усыновители. Однако в судебной практике еще встречаются случаи ошибочного привлечения к уголовной ответственности лиц, не являющихся родителями или усыновителями детей, на содержание которых с них взысканы алименты. Так, в марте 1978 года народным судом Ветковского района Гомельской области был осужден по ст. 120 УК БССР к двум годам лишения свободы гражданин Ф., который не являлся ни отцом, ни усыновителем ребенка, на содержание которого с него были взысканы алименты. Гомельский областной суд правильно прекратил дело за отсутствием в действиях Ф. состава преступления⁶. Подобные ошибки в судебной практике не единичны.

Говоря о том, что субъектами злостного уклонения от уплаты алиментов являются родители в социальном смысле, мы, однако, не исключаем ответственности по ст. 120 УК БССР и лиц, которые не являются родителями, поскольку на практике возможно их участие в рассматриваемом преступлении не в качестве исполнителя, а в качестве подстрекателя или пособника. В теории советского уголовного права общепризнано, что лица, не обладающие признаками специального субъекта преступления, могут быть его соучастниками. Ничем иным как пособничеством надо признавать деятельность, которая состоит, например, в том, что

некий гражданин, по просьбе уклоняющегося от уплаты назначенных судом алиментов, сообщает родственникам последнего ложные сведения о его смерти. Такая деятельность, способствующая уклонению от уплаты алиментов, должна квалифицироваться по ст. 17 (ч. 6) и 120 УК БССР. Ответственность пособника, разумеется, исключается, если он не знал о факте судебного взыскания с виновного алиментов.

Нам представляется возможным дать следующее уголовно-правовое определение субъекта злостного уклонения от уплаты алиментов (ст. 120 УК БССР): это вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста, являющееся кровным родителем (отцом или матерью) или усыновителем несовершеннолетнего или совершеннолетнего нетрудоспособного лица, в пользу которого решением суда взысканы алименты.

¹ См.: Уголовное право БССР. Часть Особенная.— Минск, 1978, с. 145.

² См.: Загородников Н. И., Игнатов А. Н. Преступления против личности.— М., 1962, с. 44; Уголовное право. Часть Особенная.— М., 1968, с. 219.

³ См.: Советское уголовное право. Особенная часть.— М., 1975, с. 174; Уголовное право БССР. Часть Особенная, с. 133.

⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1977.— М., 1978, с. 219.

⁵ См.: Курс советского уголовного права. В шести томах. Часть Особенная, т. V—М., 1971, с. 137—138; Курс советского уголовного права. Часть Особенная, т. 3.— Л., 1973, с. 602—603.

⁶ См.: Архив Ветковского районного народного суда Гомельской области за 1978 г.

В. М. ХОМИЧ

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОНА АВТОМОТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И САМОУПРАВСТВА

Изучение судебно-следственной практики свидетельствует об определенных трудностях в разграничении угона автотранспортных средств и сходных действий, связанных с самовольным использованием государственных транспортных средств, которые должны оцениваться как самоуправство, влекущее дисциплинарную ответственность либо, при причинении существенного вреда, — уголовную по ст. 196 УК БССР. К сожалению, этот вопрос не всегда органами следствия и суда разрешается в соответствии с требованиями уголовного закона: сугубо самоуправные действия квалифицируются как угон автотранспорта либо, наоборот, уголовно наказуемый угон неосновательно расценивается как самоуправство.

Ошибки такого рода обусловлены сходством рассматриваемых составов преступлений по ряду объективных признаков, без всесторонней характеристики и оценки которых весьма затруднительно решение вопроса о той или иной квалификации действий виновного. Определенные трудности в разграничении уголовно наказуемого угона и самоуправства объясняются тем, что в обоих случаях лицо умышленно нарушает установленный порядок использования или осуществления определенных правомочий, в связи с чем сами действия совпадают по внешним признакам. Конечно, если незаконное завладение транспортным средством осуществляется лицом, никаким образом (родственными или служебными отношениями) не связанным с его собственником или владельцем, вопрос о наличии в содеянном признаков преступления, предусмотренного ст. 207² УК БССР, не вызывает сомнений, поскольку такое лицо не имеет даже предполагаемого права на пользование этим транспортным средством. Трудности в разграничении уголовно наказуемого угона от самоуправства возникают в случаях самовольного использования средств автотранспорта работниками, имеющими определенное служебное (техническое) отношение к эксплуатации транспортных средств соответствующей организации. Вопрос, в частности, касается квалификации действий водителей, механиков, автослесарей, электриков, сторожей, должностных лиц автохозяйств, иных государственных или общественных организаций в случаях самовольного использования ими в личных целях транспортных средств, принадлежащих указанным организациям.

Какие объективные признаки должны быть положены в основу разграничения рассматриваемых составов преступлений? Вопрос этот не лишен

теоретического и практического интереса. В литературе высказана точка зрения, что состав угона является специальным по отношению к составу самоуправства, точнее, более опасной формой самоуправства, при которой ответственность наступает даже при отсутствии существенного вреда¹. Однако в таком случае нет никаких оснований не усматривать признаков уголовно наказуемого угона в действиях водителя, самовольно взявшего из гаража закрепленную за ним по работе автомашину для совершения поездки в личных целях. Между тем в постановлении Пленума Верховного Суда БССР от 15 декабря 1976 года «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» указано, что водитель, за которым автомашина закреплена по работе, не может нести ответственность по ст. 207² УК БССР в случае ее самовольного использования². Содеянное в этих случаях рассматривается как самоуправство, влекущее дисциплинарную ответственность, поскольку такого рода действия, как правило, не причиняют существенного вреда государственным или общественным организациям.

Сравнительный анализ признаков уголовно наказуемого угона и самоуправства показывает, что их разграничение должно проводиться по объекту посягательства и соответственно характеру общественной опасности действий, составляющих объективную сторону указанных преступлений. В ст. 196 УК БССР самоуправство определяется как самовольное, с нарушением установленного законом порядка, осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее существенный вред гражданам либо государственным или общественным организациям.

Угон же в соответствии со ст. 207¹ УК БССР представляет собой незаконное завладение автотранспортным средством и совершение на нем поездки. При этом для наличия состава угона не требуется наступления каких-либо последствий, в частности, причинения существенного вреда государственным или общественным организациям либо отдельным гражданам. Для уголовно наказуемого угона важно прежде всего совершение этих действий лицом, не имеющим права личного использования данного транспортного средства. В связи с этим мы полагаем, что в отличие от самоуправства при совершении угона причиняется ущерб отношениям, обеспечивающим ответственное использование транспортных средств как источников повышенной опасности. Безопасное использование механических средств автомобильного транспорта предполагает наряду с другими факторами обеспечение контролируемого пользования автотранспортными средствами в сфере движения ответственными лицами. При существующей в настоящее время системе пользования автотранспортными средствами эта задача, по крайней мере, сводится к обеспечению использования транспортных средств лишь их собственниками или владельцами либо лицом, за которым транспортное средство закреплено в связи с трудовыми отношениями, либо должностными лицами, наделенными правом оперативного управления или распоряжения транспортом, принадлежащим соответствующей государственной или общественной организации. Конечно, безопасное пользование автотранспортными средствами не сводится к этим условиям, но их соблюдение гарантирует в указанных пределах использование транспортных средств правомочными, ответственными лицами, что весьма важно для обеспечения безопасного функционирования автодорожного транспорта. Лишь такая исходная позиция, по нашему мнению, позволяет правильно решить и обосновать ряд спорных вопросов отграничения уголовно наказуемого угона от схожих самоуправных действий. Отсюда очевидно, что не всякое самовольное использование автотранспортного средства для совершения поездки должно рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. 207² УК БССР.

Незаконное завладение автотранспортными средствами и использование их может быть обусловлено различными обстоятельствами, существенно меняющими характер общественной опасности и, следовательно, правовую оценку содеянного. В частности, незаконный характер действий водителя может быть обусловлен фактом самовольного (без разрешения администрации) использования закрепленного за ним транспортного средства. Согласно существующим правилам, автотранспортные и другие самоходные машины автохозяйств, других государственных или общественных организаций закрепляются за определенными категориями работников, имеющих право на их управление и эксплуатацию для выполнения

транспортных и иных работ. Персональное закрепление транспортных средств за водителями на весь период их работы в данной организации осуществляется с целью установления контролируемого (ответственного) использования автомашины лишь лицом, за которым она закреплена. Поэтому сам по себе факт самовольной, без разрешения администрации поездки водителем на закрепленной за ним по работе автомашине не может рассматриваться как неконтролируемое использование транспортного средства в сфере движения и, следовательно, как преступление, предусмотренное ст. 207¹ УК БССР.

Самовольное использование водителем закрепленной по работе автомашины (например, без путевого листа либо не по маршруту, указанному в нем) не может рассматриваться как выход транспортного средства из-под контроля лица, правомочного его использовать в том смысле, который требуется для наличия состава уголовно наказуемого угона. Контролируемое использование автомашины со стороны водителя в этих случаях обеспечивается фактом закрепления за ним транспортного средства в связи с выполняемой работой, хотя и используется оно незаконно. Поэтому содеянное в этих случаях должно рассматриваться как самоуправство, влекущее дисциплинарную, либо, при нанесении существенного вреда государственным или общественным организациям, — уголовную ответственность по ст. 196 УК БССР.

Работники автохозяйств, имеющие доступ к автотранспорту, который за ними не закреплен для персонального использования, в случаях самовольного завладения транспортным средством и совершения на нем поездки в личных целях должны нести ответственность по ст. 207² УК БССР. Такие работники, как диспетчер, механик, автослесарь и т. п. являются субъектами преступления, предусмотренного ст. 207² УК БССР, поскольку по характеру работы и своим полномочиям не обладают вообще правом ответственного использования в сфере движения транспортных средств, принадлежащих соответствующей организации.

В судебной практике остается спорным вопрос о том, имеются ли признаки состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК БССР, в действиях водителя, самовольно взявшего для совершения поездки не закрепленную за ним персонально по работе автомашину, но принадлежащую организации, в которой он работает. По нашему мнению, такие действия водителей должны квалифицироваться как угон автотранспортных средств. Правомочия водителя по контролируемому пользованию в сфере движения автомашиной, принадлежащей государственной или общественной организации, распространяются лишь на транспортное средство, персонально закрепленное за ним в связи с работой в данной организации. Правомочия водителя на пользование другими транспортными средствами организации, где он работает, ничем не отличаются от прав таких работников, как диспетчер, автослесарь, электрик, сторож и т. п. Это обстоятельство свидетельствует о том, что водитель в рассматриваемых случаях совершает не просто самоуправные действия, но и нарушает порядок ответственного использования в сфере движения транспортного средства лишь правомочным на это лицом.

Неясным до настоящего времени остается и вопрос о характере ответственности должностных лиц автохозяйств, иных государственных или общественных организаций. Совершают ли они угон в случаях самовольной поездки в личных целях на транспортном средстве, принадлежащем этой организации?

Решение этого вопроса, как нам представляется, также должно быть обосновано на характере общественной опасности угона, который всецело обусловлен фактом выхода транспортного средства из-под контроля правомочного субъекта. При этом необходимо учитывать, что определенная категория должностных лиц государственных или общественных организаций, имеющих транспортные средства, наделена правом оперативного управления или распоряжения автототранспортом либо правомочиями по организации его непосредственного использования для выполнения транспортных или иных работ (руководители организаций и хозяйств, их заместители, главные инженеры и механики, заведующие гаражами и другие должностные лица, обязанные осуществлять оперативное руководство использованием транспортных средств). Очевидно, что указанные должностные лица, в случаях незаконного использования для поездки в личных целях транспортных средств, не совершают угона в смысле ст. 207²

УК БССР, поскольку сам факт их незаконного (самовольного) использования нельзя рассматривать как выход транспортного средства из-под контроля правомочного объекта. Их правомочия по контролируемому (ответственному) использованию в сфере движения принадлежащих государственной или общественной организации транспортных средств в данном случае аналогичны правомочиям собственника, владельца личного транспортного средства, или водителя, за которым автомашина закреплена по работе. Содеянное в подобных случаях должно рассматриваться как должностной проступок (злоупотребление служебным положением) или, при наличии достаточных к тому оснований, квалифицироваться по ст. 166 УК БССР. Совершение аналогичных действий должностными лицами, не наделенными правами оперативного управления или распоряжения транспортными средствами соответствующей организации, следует квалифицировать по ст. 207² УК БССР как неконтролируемое использование транспорта.

¹ См.: Лихолая В. Отграничение угона средств механического транспорта от других преступлений.— Уч. зап. Латв. гос. ун-та, т. 212.— Рига, 1974, с. 49.

² См.: Постановления Пленума Верховного Суда Белорусской ССР, 1961—1979.— Минск, 1980, с. 165.

А. В. МАТУСЕВИЧ

О ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ

Решение задач преодоления существенных различий между городом и деревней во многом зависит от совершенствования сельского расселения. Несоввершенство системы расселения ведет к нерациональному использованию территории, затрудняет культурно-бытовое обслуживание населения, увеличивает затраты на строительство и благоустройство, повышает эксплуатационные издержки. Недостатки сельского расселения отрицательно сказываются на развитии сельскохозяйственного производства в условиях перевода его на индустриальную основу, на темпах специализации и концентрации сельскохозяйственных предприятий. Формирование нового расселения в сельской местности связано также с рациональным использованием затрат на благоустройство населенных пунктов, так как размеры этих затрат тем ниже, чем крупнее поселение. Так, стоимость основных видов благоустройства в расчете на одного жителя в поселке с 2,5 тыс. жителей на 12% меньше, чем в поселке с 1 тыс. жителей, а в поселке с 1 тыс. жителей, на 25—30% меньше, чем в поселке с 500 жителями¹.

Приведенные положения обосновывают целесообразность переселения граждан в перспективные крупные населенные пункты. Кроме того, при сселении из неперспективных пунктов происходит улучшение использования сельхозугодий, расширяется площадь пахотных земель за счет ликвидации утративших значение дорог, высвобождения территорий, занимаемых ранее дворами и другими хозяйственными постройками, участками. Граждане приобщаются к более развитой культурно-бытовой среде; сселение способствует строительству новых объектов в населенном пункте, повышает рентабельность учреждений культурно-бытового и иного назначения.

Процесс сельского расселения регулируется соответствующими правовыми нормами. Регулирование общественных отношений осуществляется здесь в трех формах: запрещение, поощрение, организация.

Основой запрещающих норм, направленных на совершенствование сельского расселения, является запрет самовольного строительства. К поощрительным нормам можно отнести различные льготы, предоставляемые гражданам, селящимся с хуторов и неперспективных населенных пунктов в места, предназначенные для сселения. Организующие нормативные акты закрепляют правила планировки и застройки различных населенных пунктов, устанавливают строительные нормы и критерии определения перспективных населенных пунктов. Важным средством упорядочения строительства на селе и ускорения процесса формирования рациональной системы расселения явилось применение специально разработанных ин-

струкций по разработке проектов, схем районной планировки, проектов планировки и застройки сельских населенных мест, номенклатур основных типов жилых и общественных зданий для строительства на селе, строительных норм и правил.

Правила застройки сельских населенных пунктов Белорусской ССР, утвержденные постановлением Совета Министров БССР от 24 октября 1967 года № 347², устанавливают, что основными документами, в соответствии с которыми производится застройка сельских населенных пунктов, являются: схема районной планировки, проект или схема планировки и застройки населенного пункта. Схема районной планировки является научным прогнозом развития региона. В схеме содержатся данные о перспективных населенных пунктах, перечень планируемого строительства культурно-бытовых и административных учреждений, а также о конкретных сроках сноса неперспективных населенных пунктов. Схема районной планировки является важнейшим актом, направляющим реорганизацию расселения.

Рассматривая правовые аспекты совершенствования расселения, необходимо исходить прежде всего из существующих правовых институтов, в частности, из правового статуса земель сельских населенных пунктов, права на жилище, приусадебный участок, поскольку новые формы правового регулирования рождаются как итог соотношения правовых норм, регулирующих качественно иные, но близкие по содержанию общественные отношения. Любое новое административное воздействие возможно только в рамках существующих правовых норм и институтов, соотнесение элементов которых и дает возможность, на основе общих принципов социалистического права, определить степень административного руководства процессами расселения, возможных мер убеждения и принуждения и т. д. В этой связи необходимо коснуться некоторых правовых положений, непосредственно влияющих на руководство расселением.

Важнейшим условием, обуславливающим возможность совершенствования сельского расселения посредством правовых предписаний, решений местных и центральных органов государственного управления, является государственная собственность на землю. Государство как собственник всех земель имеет право не только распределять, предоставлять в пользование земельные участки, но и перераспределять их в целях наиболее рационального землепользования по прямому целевому назначению. Государственные органы, на основе исключительной собственности государства на землю, вправе изменять целевое назначение земельных участков, являющихся территориальным базисом для населенных пунктов как специфической общественной ячейки, т. е. менять, в итоге, расселение. Это предопределяет принципиальную возможность административного воздействия на систему расселения.

Практика осуществления сселения хуторов и малых населенных мест в республиках Прибалтики, Нечерноземья РСФСР, БССР и других республиках четко отражает прямую зависимость темпов, масштабов и качества.

Граждане, переселяющиеся в сельские населенные пункты, в соответствии с «Правилами застройки сельских населенных пунктов БССР», получают в пользование в пределах жилой зоны населенного пункта приусадебные участки не более 0,1 га на семью. Остальная часть земельного участка до существующей нормы предоставляется гражданам в производственной зоне с созданием возможностей механической обработки земель. Эти меры несомненно способствуют улучшению планировки сельских населенных пунктов.

Порядок предоставления земельных участков в двух местах получил закрепление в Земельном кодексе БССР (ст. 60, 67). Однако в литературе отмечается, что правовой режим земель сельских населенных пунктов недостаточно четко определен⁴, что влияет в известной степени на темпы сселения. Необходимо активизировать процесс сселения с земель сельскохозяйственного назначения, развивать инициативу в этом отношении сельскохозяйственных предприятий. Местные органы власти должны следить за выполнением планов сселения, контролировать выделение средств сельскохозяйственных предприятий на их осуществление, а в целях повышения заинтересованности сельскохозяйственных предприятий в практическом осуществлении сселения в намеченные сроки, включать земельные участки, занимаемые сселяемыми хуторами, в сельскохозяйст-

венный оборот с начала следующего сельскохозяйственного года от наменного срока сселения.

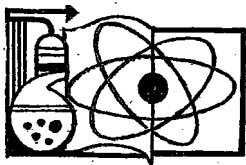
Совершенствование сельского расселения требует координированных усилий всех элементов политической организации нашего общества и очевидно, что правовые нормы и критерии, установленные на основании глубокого научного анализа объективного процесса, должны вооружить практику строительства на селе новыми эффективными средствами. Многие аспекты правового регулирования расселения еще не нашли достаточно полного отражения в компетенции отдельных органов, однако основные направления и принципиальные положения, верно определенные в соответствующих нормативных актах, дают широкие возможности для дальнейшего совершенствования правовых средств воздействия на сельское расселение.

¹ См.: Тарасевич В. Ф. Социально-экономические проблемы переустройства села. — Минск, 1976, с. 39.

² См.: СЗ БССР, 1976, № 36, с. 465.

³ См.: СП СССР, 1961, № 40, ст. 146; СП СССР, 1966, № 18, ст. 162.

⁴ См.: Балезин В. П. Правовой режим земель сельских населенных пунктов. — М., 1972.

Навуковае жыццё

С. Ф. СОКОЛ, М. Н. ТЕРЕШКО

ТВОРЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКИХ И ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ В РАЗРАБОТКЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Характерной чертой развития научных исследований современной эпохи является международное сотрудничество ученых.

Научное сотрудничество советских и польских ученых плодотворно развивается в различных отраслях знаний, включая современную марксистскую философию и социологию. В Советском Союзе успешно разрабатываются проблемы истории материалистических и гуманистических идей в польской философской мысли, историческое прошлое Польши, ее культура и литература, особенности социалистического строительства и др. Свой вклад в исследование этой проблематики вносят историки и философы Белоруссии¹.

Сотрудничество польских и советских ученых-обществоведов в разработке вопросов методологии истории стало налаживаться уже в первые послевоенные годы. Этот факт особенно знаменателен тем, что в польской исторической науке тогда доминировала буржуазная методология. Советские философы и историки стремились помочь польским коллегам в укреплении позиций научной материалистической методологии. Благодаря помощи советских ученых, польские исследователи постепенно переходили на позиции марксистской методологии. Как писал крупный польский историк В. Куля: «Марксизм ставил перед нами новые проблемы, вооружал нас новыми методами. Более того, своими научными перспективами и возможностями марксизм привлекал иногда и людей, далеких от него идеологически»². Постепенно подлинный марксизм прочно утвердился в общественных науках Польши. За последние годы, особенно после VI-го и VII-го съездов ПОРП, в стране созданы благоприятные условия для творческого развития научных исследований на основе марксистско-ленинской методологии.

Теоретико-методологическая проблематика исторической науки привлекает в настоящее время не только историков, но и многих философов и социологов. Первоначально польские ученые ограничивались разработкой лишь отдельных вопросов методологии истории. В последние 15—20 лет в ПНР стали выходить монографические исследования по методологическим вопросам исторической науки Е. Гедымина, Ц. Бобиньской, В. Кули, А. Малевского, В. Мошеньской, Б. Миськевича, С. Новака, Е. Топольского. Значительный вклад в разработку методологии истории внесли монографии В. Мошеньской «Критический очерк методологии истории», Е. Топольского «Методология истории» и «Марксизм и история». Эти работы по-новому ставят и дают решение ряда методологических и философских проблем исторической науки. В этой связи исследование достижений и процесса формирования марксистско-ленинской методологии истории в Польше является актуальным и в практическом, и в идейно-политическом плане, потому что способствует правильному решению сложных теоретических и идеологических проблем.

Глубокий анализ развития марксистской методологии истории в Польше с 1945 по 1965 год дан в обстоятельном обзоре известного польского историка Ю. Дуткевича³. Усилению интереса к вопросам методологии

истории в послевоенной Польше, по мнению Ю. Дуткевича, способствовали также острая идеологическая борьба между марксистской и буржуазной историографией и культурная революция.

Особую роль в сотрудничестве советских и польских ученых играют творческие обсуждения научных трудов, что помогает успешному решению дискуссионных вопросов в методологии истории. Так, историографическая комиссия Польской академии наук организовала обсуждение монографий по методологии истории В. Мошенской и Е. Топольского. В дискуссии приняли участие видные польские историки и методологи А. Грабский, М. Серейский, З. Рогозинский, Е. Матерницкий, Я. Жарновский, а также авторы монографий. Материалы обсуждения были опубликованы на страницах польского журнала «Исторический кварталник»⁴.

Журнал «Вопросы философии» поместил рецензию польского исследователя С. Пекарчика на книгу Е. Топольского «Методология истории»⁵, а журнал «Вопросы истории» напечатал отчет советского историка О. М. Михайловой об обсуждении польскими учеными монографий В. Мошенской и Е. Топольского⁶. Участники дискуссии, авторы обзоров и рецензий отметили высокий научный уровень оригинальных исследований В. Мошенской и Е. Топольского. Книга В. Мошенской освещает ряд проблем теории, методологии и методики истории. В связи с анализом логики процесса исторического исследования автор рассматривает понятие «источниковедческая база», вопросы классификации, критики и интерпретации исторических источников, проверки достоверности свидетельств. Заслуживают высокой оценки интересные рассуждения В. Мошенской о понятиях исторического источника, пригодности источниковой информации, о принципах ее отбора и роли в этом интеллекта историка.

Каждый историк, по мнению Е. Топольского, в исследовательской работе использует не только данные источников, но и свою профессиональную эрудицию и общеметодологическую подготовку. «Применительно к исторической науке то знание, которое имеет и использует исследователь, изучая на основе источников прошлую действительность, мы предлагаем, — указывает Е. Топольский, — называть «внеисточниковым знанием»⁷. В рецензии на книгу Е. Топольского польский историк и методолог С. Пекарчик писал, что эта работа «вызвала живой и заслуженный интерес в Польше. Автор осуществил в ней глубоко продуманную методологическую реконструкцию истории как науки и выдвинул ряд важных требований к этой дисциплине. При этом он смело использовал понятийный аппарат современной логики, а также некоторые выводы, теории информации и кибернетики»⁸.

В советской литературе отмечается высокий научный и теоретический уровень развития источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в Польше. Высокую оценку достижений польских ученых в области теоретического источниковедения дала О. М. Медушевская в своем обзоре польского ежегодника «Источниковедческие исследования»⁹.

В последние годы источниковедческая проблематика стала объектом исследования не только польских историков, но и философов. Заслуживает внимания советских читателей издаваемый с 1965 года Познаньским университетом имени А. Мицкевича журнал «Методологические исследования». Журнал печатает статьи и советских ученых. На его страницах выступают философы, логики, социологи, методологи и представители других общественных наук. Освещая разностороннюю тематику журнала, советский историк Е. Б. Рашковский в своем обзоре подчеркивает, что его критико-библиографический раздел заслуживает особого внимания: здесь даются развернутые рецензии не только на монографическую литературу, но и на важнейшие журнальные статьи, рецензируется литература и польская, и советская¹⁰. Журнал широко и систематически пропагандирует труды по методологии истории стран социалистического содружества.

Значительный научный и теоретический интерес представляет издаваемый с 1967 года институтом истории Польской академии наук сборник статей «История. Методологические исследования». В нем широко освещаются результаты многолетней работы методологической комиссии института по теоретической проблематике, методам исторического исследования, исследовательской лаборатории историка, о полемике и обсуждениях по различным отраслям знания.

Много внимания сборник уделяет работам ученых социалистического сотрудничества и, прежде всего, Советского Союза. Большое место на страницах «Истории» отводится дискуссиям и полемике, обсуждениям, рецензиям, обзорам как польских, так и зарубежных исследований по теоретическим и методологическим вопросам исторической науки. В объемном разделе рецензий и обзоров регулярно дается информация о новой литературе, выходящей в СССР. Так, В. Серчик в обзорной статье сборника «Проблемы методологии исторических наук на страницах «Вопросы истории» отмечает плодотворную роль дискуссии конца 60-х — середины 70-х годов по методологическим проблемам исторической науки. Дискуссия советских ученых затрагивала следующие проблемы: предмет истории, своеобразие ее исследовательских методов, понятие и характер исторических законов, понятие и функции исторического факта, соотношение истории и философии, истории и идеологии, истории и методологии наук, истории и культуры, истории и социологии, истории и общественной психологии¹¹.

В разделе «Обсуждения» третьего тома «Истории» напечатан обзор А. Ф. Грабского на «Труды томских историков по методологии истории и историографии»¹². Автор рецензии подчеркивает глубокий научный уровень статей томских ученых, опирающихся на солидную исследовательскую лабораторию и охватывающих широкий круг проблем по методологии истории и современной историографии.

Советские исследователи дают высокую оценку содержательным и интересным рецензиям, которым отводится значительное место в польской периодической печати. В одном из обзоров журнала «Студия филозофичне» справедливо утверждается, «что искусство рецензирования считается в Польше необходимым элементом философского образования»¹³. Огромную роль в творческом сотрудничестве и распространении марксистского мировоззрения в Польше играет центральный политический и теоретический орган ЦК ПОРП «Нове дрего», на страницах которого выступают и советские ученые.

Разработкой методологии истории активно занимаются познавские ученые Е. Гедымин, Г. Лябуда, Б. Миськевич, Е. Топольский. Познавские историки и методологи, как отмечают в своем обзоре В. Якубчик и Е. Топольский, «...поддерживают постоянный контакт с различными историческими центрами в Польше и за рубежом. Следует отметить их интенсивное сотрудничество с советскими историками (прежде всего, с литовскими и белорусскими)»¹⁴.

Успешно развивается сотрудничество польских и советских ученых в разработке методологии и теории применения количественных методов и электронно-вычислительной техники в историко-социальных исследованиях. Е. Топольский к основным дискуссионным проблемам современной методологии истории, кроме вопросов интеграции и моделирования причисляет и проблему применения количественных методов, значительных успехов в применении которых достигли ученые ПНР. Использование количественных методов облегчает анализ источникового материала, увеличивает достоверность выводов, совершенствует и дополняет некоторые методы исторического исследования. Однако количественные методы не заменяют качественного анализа исторических явлений. Поэтому разумное их применение не означает математического решения конкретных проблем исторической науки, а открывает новые возможности в работе ученого. В монографических исследованиях, критических обзорах и рецензиях ученые обеих стран обмениваются опытом использования количественных и машинных методов обработки научной информации.

Применению количественных методов в исторических исследованиях была посвящена международная конференция в Варшаве, организованная институтом истории Польской академии наук в ноябре 1973 года, в которой приняли участие и советские ученые К. В. Хвостова, В. Е. Полетаев и Э. Тарвель. В докладах советских исследователей указывалось на недостаток методологических разработок применения в исторических исследованиях различных математических выводов, на необходимость совершенствования исследовательской методологии и методики. Некоторые буржуазные ученые, участвовавшие в работе конференции, отстаивали точку зрения, согласно которой количественные методы необходимо использовать только для характеристик формально-количественных сторон исследуемых объектов. Советские и польские ученые стремились доказать, что

необходимо применять количественные методы в целях исследования и раскрытия сущности тех или иных социально-экономических процессов в свете марксистско-ленинской методологии. При этом, по словам известного польского ученого Генрика Яблонского, историки не должны забывать, что «пользуясь марксистским методом, базирываясь на нем в своих исследованиях, они могут и должны стараться непрерывно обогащать его, систематически совершенствовать. И величие марксизма не только в том, что он является высшим достижением философии, но и в том, что он остается всегда живым, что по сути своей является отрицанием косности и схематизма»¹⁵. Итак, динамическое развитие методологии истории как в Советском Союзе, так и в ПНР имеет обоюдную пользу и требует активизации научных контактов между учеными двух стран. Необходимость тесного творческого сотрудничества советских и польских методологов диктуется: потребностями интеграции и развитием самой исторической науки; задачами борьбы с современными буржуазными идеалистическими теориями; необходимостью познания источниковедческой базы, методологии и исследовательской лаборатории историков других стран. Кроме того, исследования теоретической и методологической проблематики исторической науки учеными других социалистических государств имеют огромное практическое значение, поскольку позволяют ознакомиться и творчески использовать разнообразный материал для сопоставления различных концепций и точек зрения. Такой интегральный и комплексный подход к исследованию сложных проблем методологии истории несомненно способствует дальнейшему развитию всех общественных дисциплин на марксистской основе.

¹ См.: Клевченя А. С. Стефан Руднянский. (Из истории марксистско-ленинской мысли в Польше).— Минск, 1968; его же. Мировоззрение Владислава Спасовского.— Минск, 1969; Малевиц С. А. Вопросы исторического материализма в трудах Людвиг Крживницкого. Из истории формирования марксистской философии в Польше.— Минск, 1971.

² Kuła W. Rozważania o historii.— Warszawa, 1958, s. 11.

³ См.: Дуткевич Ю. Теоретические вопросы исторической науки в трудах польских ученых (1945—1965).— Советское славяноведение, 1966, № 5.

⁴ См.: Kwartalnik historyczny, 1970, № 4.

⁵ См.: Пекарчик С. Марксистская методология истории.— Вопросы философии, 1971, № 6.

⁶ См.: Михайлова О. М. Польские ученые обсуждают методологические вопросы исторической науки.— Вопросы истории, 1972, № 2.

⁷ Топольский Е. О роли внеисточникового знания в историческом исследовании.— Вопросы философии, 1973, № 5, с. 77—78.

⁸ Пекарчик С. Марксистская методология истории, с. 176.

⁹ Медушевская О. М. Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография.— В кн.: Вопросы методологии исторической науки. Труды МГИИ.— М., 1967, т. 25, с. 101.

¹⁰ См.: Рашковский Е. Б. Проблемы интеграции исторического знания на страницах польского журнала.— Вопросы истории, 1968, № 8, с. 198.

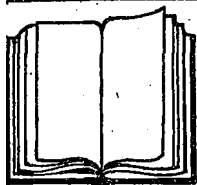
¹¹ См.: Historyka. Studia Metodologiczne.— Wrocław — Warszawa — Kraków 1967, t. I.

¹² См.: Там же, 1972, t. III.

¹³ Легостаев В. М. Польский философский журнал «Студия филозофичне» в 1971 году.— Вопросы философии, 1972, № 3, с. 155.

¹⁴ Якубчик В., Топольский Е. Научная жизнь за рубежом. Познаньский исторический центр. (Историческая наука в Познани).— Советское славяноведение, 1965, № 6, с. 102.

¹⁵ Яблонский Г. Состояние и перспективы развития исторической науки в Польше.— Советское славяноведение, 1965, № 4, с. 59—60.

Рэцэнзіі

К. П. Буслов. Социально-историческое развитие классов в СССР.—Минск, Наука и техника, 1979, 344 с.

Весьма примечательно, что книга академика АН БССР, доктора философских наук, профессора К. П. Буслова вышла в свет накануне празднования 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина. В ней ярко и убедительно раскрыто огромное значение ленинского теоретического наследия о закономерной победе Великой Октябрьской социалистической революции, построении социализма и коммунизма в нашей стране.

Полная и окончательная победа социализма в СССР, логически следует вывод автора, является торжеством ленинизма, творческого его применения и дальнейшего развития КПСС и ее теоретиками в революционной практике на протяжении последних шести десятилетий. «Для миллионов угнетенных и эксплуатируемых, всех трудящихся,—отмечается в постановлении ЦК КПСС,—ленинизм стал символом социального обновления мира, революционным знаменем нашей эпохи» (Правда, 1979, 16 декабря). Под этим знаменем победили социалистические революции в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки, борются народы за свое социальное и национальное освобождение.

Несмотря на то, что различным проблемам, раскрывающим процесс построения социализма в СССР, посвящена обширная литература, анализируемая работа выгодно отличается от всех опубликованных исследований. В ней поставлена важная задача—проследить закономерности формирования классовых отношений, раскрыть структуру и особенности, роль и функции классов и социальных прослоек на каждом этапе социалистического строительства. В та-

ком аспекте, насколько нам известно, данная проблема никем не ставилась.

Конкретные задачи, поставленные автором, предопределили и структуру книги. Она состоит из семи глав, в которых глубоко и всесторонне раскрывается классовая структура советского общества после победы Великого Октября, в годы гражданской войны, строительства социализма, Великой Отечественной войны, в послевоенные годы, в период развитого социалистического общества. Последняя, заключительная глава посвящена рассмотрению формирования классового общества в процессе строительства коммунизма. Перед читателем, таким образом, предстает широкая панорама не только коренных революционных преобразований антагонистических классов, возникновения и развития неантагонистических классов в процессе построения социализма, но и постепенного закономерного перерастания классового социалистического общества в бесклассовое коммунистическое общество.

Заслуживает пристального внимания метод исследования, примененный в книге. Конкретно исторический подход, умелое использование содержания категорий материалистической диалектики и исторического материализма позволили автору раскрыть логику развития классовых отношений в тесной диалектической взаимосвязи с социально-экономическим развитием и, на его основе, формированием общественного сознания, классовой и идеологической борьбы. Именно логическое изложение позволило К. П. Буслову избежать исторического описательства с нагромождением фактов, раскрыть во всем богатстве, разнообразии и специфике сложный и противоречивый исторический процесс строительства социализма и коммунизма в нашей стране. Интересный, удачно подобранный статистический и фактический материал используется

в книге для обоснования и подтверждения теоретических выводов, разоблачения измышлений реформистов и ревизионистов, современных советологов.

Значение рецензируемой монографии заключается еще и в том, что в ней формирование и развитие классовых отношений рассматривается в неразрывной связи с воспитанием нового человека. Стирание классовых различий между рабочим классом и колхозным крестьянством, возникновение новых общих форм труда, насыщение труда интеллектуальным содержанием, сближение характера труда квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала определяет уже сегодня формирование труженика будущего коммунистического общества.

А. С. Клевчева

В. Ф. Берков. Научная проблема (логико-методологический аспект).—Минск, Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1979, 128 с.

Общая теория проблем и механизмов их решения, или проблемология, возникла на стыке логики, кибернетики, психологии и педагогики. Центральным понятием этой дисциплины является понятие научной проблемы, которое еще слабо изучено. Прежде всего, не изучена его гносеологическая природа и основные логико-методологические характеристики, что препятствует решению частных вопросов проблемологии.

Монография В. Ф. Беркова является одной из первых попыток восполнить образовавшийся пробел. В ней научная проблема исследуется в двух аспектах: формальном и содержательном. Рассматривая научную проблему в формальном плане, автор исходит из тезиса, что она является особым рода вопросом (совокупностью вопросов), а потому к ней применимы формальный аппарат и методы исследования, разработанные в эротетической логике (логика вопросов и ответов). Книга содержит сжатый очерк этой логики, что само по себе является ценным, так как в советской литературе эротетическая логика не получила еще достаточного освещения.

Оригинально ставится вопрос о соотношении научной проблемы с другими формами развивающегося знания, в частности, с гипотезой и концепцией. Автор развивает тезис, согласно которому проблема, гипотеза и концепция суть этапы одного и того же процесса—процесса постижения истины. Берков В. Ф. указывает на возможность систематизации понятий проблемы, гипотезы и концепции с помощью средств многозначной (мо-

дальной) логики, в частности, с помощью специально построенной им логики ПГК (проблем-гипотез-концепций). Предлагаемая автором логика ПГК, хотя и во многом несовершенна из-за недостаточной ясности ее семантики, наличия предположений, обосновываемых интуитивными соображениями, является первой попыткой создания логической теории проблематических рассуждений. Автор, вместе с тем, указывает и на ограниченность формально-логического подхода к изучению научной проблемы, ибо многие ее аспекты не поддаются формальному анализу и требуют содержательного осмысливания. К таким аспектам относятся многие факторы, влияющие на процесс выдвижения проблем в науке. Поэтому в разделе книги, посвященном содержательному анализу научной проблемы, важное место отводится рассмотрению ее предпосылок.

Заслуживает внимания мнение автора о том, что в предпосылках сконцентрировано знание, на котором проблема возникает и которое является основой и средством (необходимым, но не достаточным) ее разрешения. Отличительной чертой предпосылок является то, что в них фиксируется имеющийся в научном знании неопределенность. Неопределенность не всегда автоматически становится предпосылкой научной проблемы. Все зависит от того, насколько это знание способно удовлетворить насущные потребности науки. Автор отмечает, что «некоторое представление, идея, знание становится проблемным лишь тогда, когда выдвигается требование получить что-то, что является обобщением или частным случаем данного представления, идеи или знания» (с. 80). Проблема всегда подчинена цели как заранее сформулированному, но еще предполагаемому решению. Поэтому необходимым компонентом проблемы является императив. Он стимулирует возникновение проблемы, определяет ее становление и решение. В этой связи весьма справедливо указание на ограниченность распространенного определения научной проблемы как знания о незнании. Автор считает, что проблема возникает в ситуации, когда субъект располагает информацией о том, что ему необходимо для нормального функционирования в науке, и одновременно о том, в какой мере этим необходимым он обладает. Разность этих величин и определяет структуру проблемы как императива.

Постановка проблемы является определенным этапом научной деятельности. В связи с этим Берков В. Ф. пытается осуществить весьма интересное намерение—рассмотреть проблему в контексте категорий деятельностного подхода, т. е. в контексте категорий «цель», «средство», «результат». Идя по этому пути, он анализи-

рует все возможные сочетания средств (условий) для достижения исследователем определенных научных целей (с. 83—84).

Несмотря на небольшой объем, монография достаточно глубоко освещает широкий круг логико-методологических научных проблем и будет с интересом встречена как философами, так и представителями конкретных наук.

Л. Г. Кравченко,
В. М. Пешков

Во главе научно-технического прогресса в промышленности. Ред. коллегия: Ф. В. Боровик, Э. А. Забродский, В. И. Крицкий. — Минск, Беларусь, 1979, 353 с.

XXV съезд КПСС подчеркнул, что только на основе ускоренного развития научно-технического прогресса могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество.

Рецензируемая работа представляет собой комплексное исследование проблем ускорения темпов научно-технического прогресса на промышленных предприятиях республики в 1959—1977 годах.

В монографии уделяется много внимания деятельности партийных комитетов, организаций научно-исследовательских институтов и промышленных предприятий республики по развитию взаимосвязей науки и промышленности; освещается одна из наиболее эффективных форм связи науки с производством — выполнение научно-исследовательских работ на основе хозяйственных договоров. В одной из глав раскрывается роль партийных организаций в повышении технического уровня производства, модернизации оборудования и совершенствования технологии. Хорошо раскрыт такой вопрос, как повышение качества, надежности и долговечности продукции. Автор рассматривает его как составную часть борьбы за ускорение научно-технического прогресса. Строго и логически последовательно раскрывается в книге деятельность партийных организаций промышленных предприятий по развитию отраслей, определяющих технический прогресс и в первую очередь машиностроения, химической, нефтехимической, топливной промышленности, электроэнергетики; показано значение рационализации структуры управления народным хозяйством, специализации, концентрации производства, внедрения автоматизированных систем управления в деле ускорения научно-технического производства. В главе «Роль трудовых коллективов в ускорении научно-технического прогресса» пристальное внимание уделяется работе партийных организаций по повышению общеобразовательного и профессионального уровня рабочего класса.

Однако рецензируемая работа не лишена отдельных недостатков. К их числу можно отнести перегруженность отдельных параграфов недостаточно проанализированным фактическим материалом. Больше внимания следовало бы уделить деятельности партийных комитетов и организаций по ускорению научно-технического прогресса в годы восьмой пятилетки, а также дать критику буржуазных фальсификаторов, организаторов похода против политики КПСС в области научно-технического прогресса.

В целом же монография выполнена на высоком идейно-теоретическом уровне. Ее появление восполняет пробел в историко-партийной науке республики, а отмеченные недостатки не снижают научной и практической значимости.

Ф. И. Мельник,
А. Н. Алпеев

А. В. Барков. Уголовный закон и раскрытие преступлений. — Минск, Изд-во ВГУ, 1980, 112 с.

Книга А. В. Баркова представляет собой комплексное исследование уголовно-правовых средств, стимулирующих раскрытие преступлений. Внимание автора сосредоточено на анализе трех главных проблем: социально-правовая природа норм уголовного права, их общие свойства и особенности; сравнительная характеристика конструкции норм, стимулирующих раскрытие преступлений в законодательстве некоторых социалистических стран; повышение эффективности исследуемых норм уголовного закона посредством совершенствования законодательства и практики его применения, перспективы использования в уголовном праве норм, способствующих выявлению и раскрытию преступлений.

С учетом особенностей уголовно-правового регулирования и его основных задач в работе рассматриваются возможные способы стимулирующего воздействия уголовного законодательства на раскрытие преступлений: освобождение от уголовной ответственности виновных, если они оказали содействие в раскрытии преступлений и тем самым способствовали уменьшению вреда обществу; смягчение уголовной ответственности преступников, помогавших органам следствия и суда в раскрытии преступлений; установление уголовной ответственности за помехи органам правосудия в раскрытии преступлений.

Подвергая всестороннему анализу всю совокупность указанных норм уголовного закона, автор приходит к выводу о наличии в уголовном праве самостоятельного института правовых средств, стимулирующих раскрытие преступлений. В качестве рычага правового воздействия законодатель использует в этих случаях интересы са-

мого преступника, а равно лиц, причастных к преступлению, устраняя с помощью правовых средств «влияние факторов, склоняющих лицо к воспрепятствованию раскрытию преступления» (с. 9). По мнению А. В. Баркова, расположение исследуемых норм в различных частях уголовного кодекса требует введения общей нормы, в которой должно быть указано на то, что «деятельность, препятствующая раскрытию преступления и выражающаяся в недонесении о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении или укрывательстве преступления, наказывается в случаях, специально указанных в законе, а всякая деятельность виновного в совершении преступления, направленная на содействие государственным органам в раскрытии этого преступления, расценивается как смягчающее ответственность обстоятельство, в случаях же, специально указанных в законе, является основанием для освобождения от уголовной ответственности» (с. 14).

Особый интерес представляет характеристика норм действующего уголовного законодательства, стимулирующих раскрытие преступлений путем освобождения от уголовной ответственности (ч. 2 ст. 61, ч. 3 ст. 170, ч. 2 ст. 213 УК БССР). Их анализ позволил сформулировать ряд важных предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения. В частности, вносится предложение об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые, будучи вовлеченными в преступную организацию, никакого участия в ее преступных действиях не принимали и добровольно заявили о существовании такой организации органам власти до того, как им стало об этом известно (с. 58).

Серьезному юридическому и психологическому исследованию подвергаются такие обстоятельства, содействующие раскрытию преступлений, как явка с повинной и активная помощь в раскрытии преступления. Анализ следственной и судебной практики применения указанных правовых средств свидетельствует об определенных недостатках. По мнению автора, необходимо в каждом случае доводить до сведения преступника существо имеющихся смягчающих обстоятельств и, таким образом, побуждать его давать правдивые показания и совершать действия, положительно влияющие на раскрытие преступления. Более того, в целях повышения стимулирующей роли указанных обстоятельств, предлагается установить правило, согласно которому лицо, совершившее нетяжкое преступление, может быть освобождено от наказания

или ему может быть назначено наказание ниже низшего предела, если оно явилось с повинной, активно способствовало раскрытию преступления, чистосердечно раскаялось и добровольно возместило причиненный вред (с. 84).

Рассматривая уголовно-правовые средства, стимулирующие раскрытие преступлений путем установления уголовной ответственности, автор останавливается на характеристике ответственности за недонесение и укрывательство. Стимулирующая роль уголовной ответственности за недонесение о преступлении и его укрывательство реализуется посредством предупреждения о наказании за совершение этих деяний. В работе исследуются вопросы совершенствования и повышения эффективности указанных норм уголовного закона. Убедительным является предложение не привлекать к уголовной ответственности близких родственников преступника за недонесение о совершенном преступлении и, наоборот, признание субъектом преступления потерпевшего, а равно защитника, за недонесение о ставшем ему известном готовящемся преступлении. Заслуживают внимания предложения об уточнении формулировок составов недонесения и укрывательства, дифференциации ответственности за совершение этих преступлений.

В рецензируемой книге есть отдельные спорные положения и выводы. В частности, автор рассматривает анализируемые нормы как самостоятельный институт уголовного права, пытаясь увязать его с регулятивной и охранительной функциями данной отрасли. Однако в работе не показано, каким образом институт уголовно-правовых средств, стимулирующих раскрытие преступлений, согласуется с предметом и задачами уголовно-правового регулирования. По-видимому, правильнее относить указанные уголовно-правовые средства к комплексному институту правовых средств, обеспечивающих раскрытие преступлений, включающего в себя нормы как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства. Вряд ли также обоснованно предложение автора о криминализации прикосновенности ко всем тяжким преступлениям (с. 110).

В целом же монография А. В. Баркова, выполненная на должном идейно-теоретическом и научном уровне, является важным вкладом в исследование проблемы повышения эффективности законодательства и борьбы с преступностью.

М. К. Козлов,
В. М. Хомич

Наши юбиляры

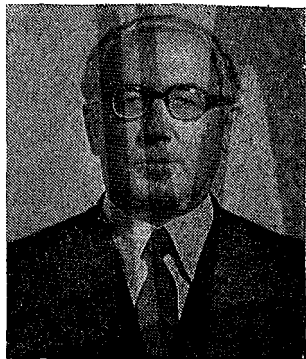
ДАНИИЛ СЕРГЕЕВИЧ КЛИМОВСКИЙ (к 60-летию со дня рождения)

Доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории древнего мира и средних веков ВГУ имени В. И. Ленина Даниилу Сергеевичу Климовскому исполняется 60 лет.

Д. С. Климовский родился в крестьянской семье в Брянской области. В 12-летнем возрасте был взят воспитанником в железнодорожный полк. С августа 1939 по июнь 1941 года — курсант военного училища. С 22 июня 1941 до мая 1945 года он находился на фронтах Великой Отечественной войны, а затем до июня 1954 года продолжал служить в Армии. После демобилизации до июля 1961 года работал в Министерстве культуры. В 1961—1963 годах учится в аспирантуре Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина. После окончания аспирантуры работал сначала старшим преподавателем, а затем доцентом кафедры новой и новейшей истории. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1977 — докторскую, в том же году становится заведующим кафедрой истории древнего мира и средних веков.

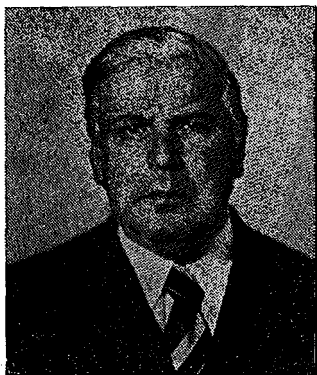
Курсы лекций по всеобщей истории Д. С. Климовский читает на высоком идейно-теоретическом уровне, постоянно совершенствует свое педагогическое мастерство. Ведет большую научную работу. Им опубликованы три книги и свыше тридцати статей. Результаты исследований Д. С. Климовского используют в своих работах многие советские и зарубежные авторы. Он выступал на многих научных конференциях, симпозиумах, в том числе на Международном симпозиуме по проблеме германского «Дранг нах Остен». По данной проблематике Д. С. Климовский осуществляет руководство аспирантами; ведет большую общественную работу. Он — председатель методической комиссии исторического факультета, член исторической секции научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования БССР. Во время Великой Отечественной войны Д. С. Климовский был трижды ранен, награжден двумя орденами «Отечественной войны» I степени, орденом «Красная звезда» и 14-ю медалями.

Свое шестидесятилетие Даниил Сергеевич Климовский встречает в расцвете творческих сил. Пожелаем ему крепкого здоровья, счастья, дальнейших успехов в научной, педагогической и общественной деятельности.

Г. М. Лившиц

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ ШНЕЕРСОН (к 70-летию со дня рождения)

Исполняется 70 лет со дня рождения, 50 лет научно-педагогической и общественной деятельности и 40 лет плодотворного труда в Белгосуниверситете имени В. И. Ленина доктора исторических наук, профессора Льва Михайловича Шнеерсона.

Л. М. Шнеерсон родился в г. Челябинске, в семье служащего. В 1934 году окончил исторический факультет Ленинградского института истории, философии и литературы, в 1937 — аспирантуру Ленинградского университета.

С этого времени вся жизнь и деятельность Л. М. Шнеерсона связана с Белгосуниверситетом, в котором он бессменно заведует кафедрой новой и новейшей истории. Здесь Лев Михайлович успешно защитил сначала кандидатскую, а затем докторскую диссертации, получил ученое звание профессора. Все годы он плодотворно за-

нимается кардинальными проблемами истории международных отношений в Европе второй половины XIX столетия. Им опубликовано свыше 70 работ, кроме того, много научных изданий вышло под его научной редакцией. Он автор многих статей Белорусской Советской Энциклопедии. В трех крупных монографиях Л. М. Шнеерсон решил важнейшие научные проблемы истории международных отношений прошлого столетия. Его труды нашли широчайший отклик в научных и общественных кругах нашей страны и за рубежом. Они прочно вошли в научный оборот.

Профессор Л. М. Шнеерсон читает общие и специальные курсы на очень высоком идейном, теоретическом и методическом уровне, ведет интенсивную научно-методическую работу, выступает с докладами на всесоюзных и республиканских конференциях, за рубежом. Он щедро делится своими богатыми знаниями и практическим опытом с молодежью, заботливо растит научную смену, пользуется заслуженным авторитетом и уважением у студентов и преподавателей.

Профессор Л. М. Шнеерсон постоянно ведет большую и разностороннюю общественную работу. Он член редакционного Совета БелСЭ, неоднократно избирался членом парткома университета и партбюро исторического факультета.

За активную научно-педагогическую и общественную деятельность Л. М. Шнеерсон награжден орденом Знак почета, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За доблестный труд. В ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина», Почетной Грамотой и Грамотой Верховного Совета БССР, почетными грамотами Министерства высшего и среднего специального образования БССР.

Поздравляя Льва Михайловича Шнеерсона с семидесятилетием со дня рождения, желаем ему крепкого здоровья, новых успехов в научной, педагогической и общественной деятельности.

ГІСТОРЫЯ

Жарков М. Г. Против буржуазной фальсификации решающей роли рабочего класса и его партии в Великой Октябрьской социалистической революции	3
Герменчук В. В. Организация помощи семьям белорусских красноармейцев в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции	5
Касович В. Ф. Деятельность Компартии Белоруссии по интенсификации жилищно-коммунального хозяйства в годы девятой пятилетки	8
Филистович М. Н. Деятельность Компартии Белоруссии по совершенствованию форм и методов политической учебы (1971—1975)	10
Гонцова С. К. Партийное руководство деятельностью культурно-просветительных учреждений БССР по атеистическому воспитанию трудящихся (1959—1965)	13
Вишневский А. Ф., Кравцова О. М. Рост численности и изменение социального состава населения городов Белоруссии в период кризиса феодализма	16
Лютый А. М. Условия развития торговли в Белоруссии периода разложения феодализма (конец XVIII—30-е годы XIX века)	18
Корзун М. С. Богословская фальсификация влияния христианства на положение холопов в Древней Руси	21
Ваганова А. Н. Из истории изучения феодальных замков Древней Руси	24
Ханкевич О. И. К вопросу о процедуре голосования в законодательных трибунах	28

ФІЛАСОФІЯ

Васильев Ю. А. Актуальность ленинской критики теории факторов	32
Перегалов А. Н. К вопросу о гносеологических источниках метафизики	34
Яскевич Я. С. Методологический анализ проблемы точности языка науки	38
Адуло Т. И. Проблема общего и особенного в исследовании истории белорусской и русской прогрессивной философской мысли (вторая половина XIX — начало XX века)	42
Гуцаленко Л. А. О социально-философских аспектах безграничного развития человека	45
Потапова Н. М. О художественной потребности студентов вузов с музыкальной специализацией	49
Яцкевич С. А. Социальный эксперимент, его сущность и функции	52
Гребенников С. Р. Классовый подход к развитию духовных потребностей рабочей молодежи	56
Фомин В. А. Советский характер как социально-политическая категория	59
Иво Пуйман. Исследование общественного мнения в Чехословакии	60

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

Феденко А. С., Морозов И. М. Роль личности преподавателя в коммунистическом воспитании студентов	64
Гойтан В. В. О проблемах развития социальной активности под влиянием политического образования	67
Куранов В. А. Роль Болгарской Коммунистической партии в повышении благосостояния трудящихся	69

ЭКАНОМІКА

Болбас М. Ф. Об уровне экономического развития дореволюционной Белоруссии	72
---	----

ПРАВА

Тихиня В. Г. Некоторые проблемы теории судебных доказательств в гражданском процессе	75
Тимошенко В. В. О субъекте преступления — злостного уклонения от уплаты алиментов	79
Хомич В. М. Вопросы разграничения угона автотранспортных средств и самоуправства	81
Матусевич А. В. О правовых аспектах совершенствования сельского расселения	84

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЕ

Сокол С. Ф., Терешко М. Н. Творческое сотрудничество советских и польских ученых в разработке методологии истории	87
---	----

РЭЦЭНЗІІ

Клевачня А. С., К. П. Буслов. Социально-историческое развитие классов в СССР	91
Кравченко Л. Г., Пешков В. М., В. Ф. Берков. Научная проблема (логико-методологический аспект)	92
Мельник Ф. И., Алпеев А. Н. Во главе научно-технического прогресса в промышленности	93
Козлов М. К., Хомич В. М., А. В. Барков. Уголовный закон и раскрытие преступлений	93

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

Даниил Сергеевич Климовский (к 60-летию со дня рождения)	95
Лев Михайлович Шнейерсон (к 70-летию со дня рождения)	96